

О. Сидельников
ОТКРЫТИЕ
МИСТЕРА
СПАРРОУ

Олег Сидельников

ОТКРЫТИЕ

МИСТЕР
СЛАДКОУ

РОМАН-
ПАМФЛЕТ

СЛАДКОУ

Государственное
издательство
художественной
литературы
Ташкент
-1963

Генри Спарроу, простому и честному парню, везло. На войне его наградили орденом, авиационная катастрофа сделала его обеспеченным человеком, он получает первый приз, написав самый короткий и правдивый отзыв о книге некоего Кеннингхэма.

Казалось бы, все идет хорошо. Генри богат, популярен, его называют «счастливчиком». Однако он ко всему прочему и честен, а это качество не в чести у денежных мешков, вершащих судьбой страны Хэппиленд.

И вот мистер Спарроу делает открытие. Об этом и рассказывается в романе Олега Сидельникова «Открытие мистера Спарроу».

Сидельников Олег.

Открытие мистера Спарроу. Роман-памфлет.
Т., Гослитиздат УзССР, 1963.
288 стр.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ

о м-ре Гарольде Роу, который, быть может, имеет определенное отношение к предлагаемой читателям книге, а также о самой книге.

В позапрошлом году, возвращаясь из Италии, я заехал на короткий срок в Париж и остановился в симпатичном отеле, расположенном в двух-трех кварталах от Елисейских полей.

Наскоро приведя себя в порядок, я спустился поужинать в ресторан.

Здесь я встретился с мистером Гарольдом Роу. Он подошел и на ломаном французском языке спросил разрешения сесть за мой столик.

Завязалась обычная в таких случаях беседа. Мистер Роу выразил удивление по поводу того, что сегодня вечером у него «здорово получается по-французски». До этого, пояснил он, его никто не понимал, даже сами французы.

— Это не удивительно,— поспешил я внести ясность.— Вы говорите по-французски плохо, и поэтому французы вас не понимают. Я же говорю по-французски отвратительно. Следовательно, нам с вами ничего не остается, как понимать друг друга.

Мистер Роу расхохотался, показав белые рекламные зубы, и мы, почувствовав родство душ, тяготеющих к юмору, живо нашли более существенные темы для разговора, нежели погода, качество ресторанного кофе и прочие пустяки.

Он мне сразу понравился. Рослый, плечистый, с упрямым, слегка раздвоенным подбородком, коротким, чуть вздернутым носом и светло-голубыми глазами, в которых то вспыхивало детское любопытство, то робко проглядывала затаенная тревога,— этот сорокалетний здоровяк производил впечатление большого ребенка, увлеченного открытиями простейших и трудно объяснимых истин.

Узнав о том, что я русский писатель, мистер Роу присвистнул, глава его округлилась.

— О'кей! — воскликнул он и, взвѣрошив чуть жидковатую золотинкой шевелюру, вдруг обрушил на меня град вопросов, которые можно было бы объединить общим заголовком: «Ну как там, в ваших коммунистических советах? Только без вранья».

Я прочел коротенькую лекцию. Многое, о чем я рассказал, мистеру Роу понравилось, отдельные факты не вызвали у него интуазма, а кое-чему он вообще не поверил. Переубеждать его я не стал.

Когда же дошел черед рассказывать мистеру Роу о себе, вышла заминка. Мой собеседник смутился и, извинившись, пояснил, что «иногда человеку необходимо инкогнито». Он даже не назвал своей национальности, и мне лишь оставалось догадываться, откуда он — из Англии, Австралии, Новой Зеландии или еще из какой другой страны. Его манера сокращать английские слова, к которой он частенько прибегал в нашем разговоре, специфические «р» и «а» давали мне право предполагать... Но... это уже домыслы!

Короче говоря, я узнал лишь то, что мистер Роу (сомневаюсь, чтобы это была его настоящая фамилия) посвятил себя какому-то шлезному делу, а на досуге пишет книгу.

На другой день мы с ним расстались. Он записал мой адрес, но своего не дал — лишь смущенно улыбнулся и развел руками.

Вернувшись домой, я окунулся в дела, совершенно забыв о парижской встрече.

Срочная работа — серия рассказов об Олимпийских играх в Риме для республиканской газеты — увлекла меня. Я просиживал за письменным столом по двенадцати часов, исписывая страницу за страницей, с тревогой ожидая очередного звонка из редакции:

— Ну, как там дела с новым рассказом? Поспешайте.

И я спешил.

Разумеется, в такой обстановке было не до воспоминаний о встрече с таинственным Гарольдом Роу.

Напомнил о ней почтаьлон осенью прошлого года. Он принес мне бандероль, обклеенную яркими марками, как чемодан рекламными этикетками отелей у заядлого туриста. Где только не побывал бандероль! В Западной Европе, в Австралии и Южно-Африканской Республике, в Японии и на Американском континенте...

Я с любопытством вскрыл ее и обнаружил рукопись на английском языке, озаглавленную: «Прозрение. Роман-памфлет». Подпись и фамилия автора отсутствовали, обратный адрес на бандероли — тоже.

Вооружившись словарем, я занялся чтением рукописи.

Тут-то я и вспомнил о мистере Роу — единственном человеке за рубежом, имеющем мой адрес: К тому же он говорил, что пишет книгу.

Но зачем, в таком случае, он прислал рукопись мне?

Дочитав «Прозрение» до конца, я смог ответить на этот вопрос: по-видимому, издать ее на родине автору помешали широкие демократические свободы, предоставленные книгоиздателям. По этой же причине он, надо полагать, предпочел и не указывать своей фамилии. Мне стало понятно и с какой целью «прокатил» автор свою рукопись по странам «свободного мира» — этим он дал понять, что стремится к обобщению всего того, о чем написал.

Но, может быть, «Прозрение» все же не принадлежит перу мистера Роу? Да и вообще, где его искать? Ведь фамилия «Роу», значившаяся в списке гостей парижского отеля, — явный псевдоним, поскольку «мистер Роу» по неизвестной причине строго хранил инкогнито.

Как бы то ни было, а рукопись заслуживала внимания. Я засел за подстрочник, а затем — за художественный перевод «Прозрения». Работа оказалась сложной: пришлось не только делать подстрочник, переводить, но и редактировать, проверять факты.

Должен отметить, что автор романа допустил в своем произведении лишь очень небольшую долю вымысла. Все факты у него, как правило, взяты из жизни. Он изменил лишь фамилии, некоторые географические названия и позволил себе передвинуть отдельные события во времени. От себя хочу добавить, что если в романе все же встретятся имена и фамилии идентичные именам и фамилиям существующих где-либо людей, то прошу заинтересованных лиц считать это простым совпадением.

И последний вопрос, который мне хотелось бы осветить. Как только я закончил перевод романа «Прозрение», у меня возникли трудности формального характера. Как подписаться? Кто автор? Чей роман я перевел?

Сведущие люди объяснили: я имею моральное право претендовать на соавторство.

Итак, я — соавтор. Вот почему моя фамилия значится на обложке. А так как безвестный соавтор, очевидно, добровольно отказался от авторства, это позволяет мне быть просто автором.

И все же червь сомнения не дает покоя. Мне почему-то кажется, что м-р Роу и есть Генри Спарроу, главный герой романа, хотя повествование в книге и не ведется от первого лица.

Как жаль, что мой соавтор живет в стране, где, по всему виду, высоко ценят в человеке скромность и уважение к законам, строго карающим за стремление к литературной известности.

Удачная мысль помогла найти выход. Я зачеркнул название романа «Прозрение» и чуть повыше написал: «Открытие мистера Спарроу». Тем самым я вынес на обложку и титульный лист фамилию (или псевдоним) предполагаемого автора и поддержал традицию, любовно выпестованную нашими переводчиками с английского, любителями новых заголовков.

И это не может меня не радовать.

Олег Сидельников.

1962

ПРОЛОГ

История не всегда справедлива к людям. Сколько имен гениальных ученых, изобретателей, художников и мореплавателей кануло в небытие! Мы не знаем фамилии нашего великого предка, научившегося извлекать огонь (да и была ли у него фамилия!), славим безвестного изобретателя колеса, теряемся в догадках относительно автора проекта висячих садов Семирамиды, восхищаемся знаменитым торсом Геракла — и не ведаем имени того, кто его изваял...

С мореплавателями и землепроходцами дело обстоит и того хуже. Их имена вроде бы и не умалчивают, но известность многих из них напоминает ту самую злополучную бочку меда, в которую влили ложку дегтя. Что увековечило славу Марко Поло? Его книга да слово «миллион». А великий Христофор Колумб (он же Коломб)? До чего же немилостиво обошлась с ним судьба! Четырежды мотался неугомонный генуэзец через Атлантический океан и обратно, достиг Вестиндских островов, открыл, наконец (сам того не ведая), Америку. А что в итоге? Новый свет получил имя в честь Америго Веспуччи. Колумбу же пришлось довольствоваться крохами: его именем назван лишь небольшой кусочек гигантского континента — Колумбия; и напоминает еще о несчастном Христофоре южноамериканская страна Гондурас, поскольку во время четвертого своего плавания Колумб не смог — из-за больших глубин — бросить у ее берегов якорь и воскликнул гневно:

— Каррамба! Гондурас!! Гондурас!!!*

Мне кажется, Колумб — самый неудачливый из мореплавателей. Прежде всего, его угораздило открыть Америку как-то не так, как бы следовало. До конца дней своих он считал, что нашел западный путь в сказочную Индию, не признавал никакого Нового света, терпел злобные упреки испанского короля Фердинанда и достиг лишь того, что по-настоящему прославился как фокусник, первый в мире сумевший поставить куриное яйцо на острый конец.

Христофору и после смерти не давали покоя. Обнаружилось вдруг в старинных хрониках: некий ярл Оттар, отчаянный викинг, или какой другой вестфольдинг — морской бродяга — еще в IX веке мыкался на своих драккарах возле берегов Северной Америки, у Лабрадора. И вообще толком неизвестно, кто кого открыл: Европа Америку или наоборот, поскольку, как доказали дотошные ученые, задолго до плавания Колумба и викингов берегов Старого света достигли невиданные краснокожие люди, прибывшие на странном плоту из стволов огромных деревьев. Дальнейшая судьба краснокожих путешественников неизвестна. По-видимому, их гостеприимно сожгли на костре — исключительно из внимания к цвету их кожи, — или же попросту утопили, ибо в те малокультурные времена владетельные графы и герцоги не отличались изысканностью манер; им не были ведомы такие деликатные способы обращения, к которым то и дело прибегают ныне их потомки, как непризнание де-юре и де-факто, эмбарго, экономическая интервенция и многие другие интеллигентные приемы, способствующие сокращению народонаселения в некоторых слаборазвитых, но строптивых странах.

Вернемся, однако, к Колумбу. Его, беднягу, и по сей день донимают злые языки. В школах ученики задают учителям ехидные вопросы: мол, в чем заслуга, если сам толком не знаешь, что открываешь? Попробуй кто-нибудь высказать общеизвестную истину — ему тотчас бросят:

— Тоже мне... открыл Америку!

Эта затасканная фраза — явный выпад в адрес покойного генуэзца: затаенный ее подтекст с одной стороны, якобы отдает дань содеянному, но с другой — толкует иное: «Подумаешь, открыл Америку! Всякий, кто пересечет Атлантику, волей-неволей упрется носом в этот

* Гондурас — пучины, бездны /исп./

континент». И невдомек многим, даже образованным людям, что великие открытия велики именно своей кажущейся простотой. Не случайно Альберт Эйнштейн заметил: «Ученые, специалисты хотят сделать открытие, влияющее на судьбу человечества. Однако ученые, специалисты понимают, что это невозможно. Но вот является дилетант, или невежда, который не знает этой простой истины, и совершает великое открытие».

Я специально уделил столько внимания обзору жизни и деятельности Христофора Колумба. Ведь и мой герой — мистер Генри Спарроу — сделал великое географическое открытие. Быть может, это нескромно, но мне хочется назвать его Колумбом шестидесятых годов XX века. Их разнит лишь то, что Колумб, открыв Америку, упорствовал в своем заблуждении, будто добрался до Индии. Мой же герой понял, что именно открыл.

Вот вся разница. А в остальном?.. Точно так же, как и его знаменитый предшественник, мистер Спарроу сделал свое открытие сорока одного года от роду, у того и другого приоритет открытия можно оспаривать, оба не случайно, а закономерно достигли цели, хотя и не стремились к ней. Наконец, их сближает общность судьбы. Синьору Христофору не удалось назвать своим именем весь открытый им громадный континент. Что же касается мистера Спарроу, то тщетно искать его фамилию даже в самом подробном географическом атласе.

А между тем мой герой открыл огромное государство — Юнайтед Стейтс оф Хэппилэнд, что в переводе означает: Соединенные Штаты Счастливой Страны.

И что особенно любопытно — мистер Спарроу родился в этой Благословенной стране, вырос, воевал за нее и лишь на пятом десятке совершил открытие, значение которого для его современников трудно переоценить. Парадоксально, но факт. Подобные случаи не единичны. Человечество сотни тысяч лет дышало воздухом, однако сравнительно недавно открыло его химический состав. Бесчисленные войны пролили море человеческой крови, пускать кровь ближнему научились еще в каменном веке, но лишь Гарвей немногим более трехсот лет назад открыл кровообращение. Наконец, сколько страданий и горя претерпели люди от невидимых убийц — микробов. А когда узнали об их существовании? Как только был изобретен микроскоп.

Как видите, открытие мистера Спарроу не представ-

ляет собой беспрецедентного случая. Я, пожалуй, даже склоняюсь к мысли, что не он один открыл ЮС оф Хэппиленд. В наше время, когда на карте мира исчезли белые пятна, не так-то легко проморгать государство с многомиллионным населением. Но поскольку мой герой пока сохраняет приоритет, я вправе рассказать о его жизни и деятельности.

НАДЕЖДЫ

ВО ИМЯ СВОБОДЫ

Родился Генри Д. Спарроу в большом и богатом городе Нью-Бáрдоке.

Родителей Генри не знал. Мать его, стенографистка Джудит Спарроу, умерла через неделю после рождения сына. Она, однако, успела высказать свою волю, чтобы младенца нарекли простым и славным именем Генри, дали ему второе имя в честь покойного дедушки Делано, а фамилию — ее собственную.

Священник, прибывший подготовить Джудит Спарроу к небесной жизни, тщетно добивался у нее хоть каких-нибудь сведений об отце младенца. Несчастливая упрямо твердила:

— У него нет отца.

Священник удивлялся:

— Как, дочь моя?! Перед лицом всевышнего ты утверждаешь, что твой ребенок рожден без вмешательства мужчины? Опомнись! Лишь дева Мария...

— У него нет отца! — упрямо оборвала его Джудит.

Лишь за несколько минут до кончины она пробормотала с ужасом:

— О боже!.. Я боюсь, боюсь... Если я открою его имя, они... О нет!.. Они убьют его, уничтожат! Что мне делать, господи!..

Но это уже была агония.

Сиротка Генри очутился в приюте. Прослышав о несчастье крохотного Генри, некая добрая душа, пожелавшая остаться неизвестной, определила ему скромное ежемесячное пособие. Это позволило Генри довольно сносно существо-

вать под надзором приютских старых дев. Он даже ухитрился окончить школу. К семнадцати годам пособие исчерпалось. Но юноша, как говорится, уже стал на ноги.

К сожалению, хотя юноша крепко стоял на ногах и даже на досуге самостоятельно изучил автодело, он несколько месяцев не мог устроиться на работу. Дело стало принимать угрожающий оборот. Генри дошел до крайности. Он узнал тошнотворный, щемящий вкус голода, оборвался, полисмены поглядывали на него как на свою скорую добычу.

Но произошло нечто трагическое. Генри по недоразумению угодил в тюрьму. Его обвинили в покушении на убийство и попытке ограбления.

Обвинение было вздорное, однако присяжные признали Генри виновным, и суд вынес тяжкий приговор — пятнадцать лет каторги.

К счастью, до каторги не дошло. Через полгода Верховный суд по ходатайству неизвестного доброжелателя пересмотрел дело Генри Д. Спарроу. Молодого человека выпустили на свободу. Более того, Генри вручили рекомендательное письмо и на другой же день его приняли на место механика при бензопрофилактической станции, принадлежащей «Норт Хэпиленд ойл Компани».

В свое время мы еще вернемся к этим таинственным страницам жизни нашего героя. А пока ограничимся лишь тем, что скажем: Генри Спарроу, молодой механик, обрел скромное благополучие и миниатюрное счастье.

Молодой Генри был примерным хэпилендцем: он знал, что земля имеет форму шара, слегка приплюснутого у полюсов, со спортивным интересом читал статьи о гангстерах и похитителях детей, недолюбливал коммунистов, жевал резинку и посмеивался над Гитлером и Муссолини. Кроме того, он любил бэйсбол, матчи профессиональных боксеров, кашу из овсянки и крепко-накрепко уяснил себе, что Хэпиленд — государство лучшее в мире, как, впрочем, и все то, что выпускается и вырабатывается в нем — от автомобилей до сборников проповедей и книжек, вроде «Хэпиленд — страна равных возможностей».

Оно и в самом деле — разве автомобили, выпускаемые в этой стране, не лучшие в мире? Разве лесорубы не становились президентами ЮСХ? Разве министры не превращались в уголовных преступников?

Юный Генри верил в свою звезду и всячески оберегал край равных возможностей. И когда вспыхнула война с фашизмом, рослый светловолосый патриот Спарроу стал хвостовым стрелком огромного бомбардировщика — конечно же, самого лучшего в мире.

Славного парня не сразу бросили в бой. Сперва Генри учили искусству сбивать «мессершмитты», пытающиеся подобраться к бомбардировщику со стороны хвоста, затем его удостоили звания сержанта, и лишь в феврале 1945 года мистер Спарроу с одиннадцатью другими парнями отправился в первый боевой вылет.

Сержанта Спарроу изрядно мотало в его бронированной норе, расположенной в хвостовой части фюзеляжа бомбардировщика. Но молодчина Генри не унывал. Чего ему бояться? Все небо усыпано хэппилендскими бомбардировщиками, и каждый из них — лучший в мире, им не страшны ни «мессершмитты», ни «фокке-вульфы», ведь у бомбардировщиков нет «мертвых конусов», с какой бы стороны ни атаковали вражеские истребители — всюду они напорются на огневой шквал.

...Генри был страшно удивлен тем, что крохотный самолетик с мрачными крестами на угловатых крыльях выскочил вдруг из нарядного облачка и деловито протянул в сторону летающей громады дрожащие красные нити. Отважный сержант не сразу даже сообразил, в чем дело. Спыхтавшись, он угостил нахала очередью из автоматической пушки. Самолетик вспыхнул, окутался дымом и повалился на крыло. Генри вскрикнул от радости.

И тут же поперхнулся, услышав в шлемофоне голос командира корабля капитана Кларка: «Спокойно, ребята. Горят оба левых мотора. Оснований для паники нет, и все же прошу не забывать о спасательных жилетах — под нами чертовски холодное море».

Затем последовала команда принять меры к ликвидации пожара скольжением на крыло. В результате пламя охватило всю левую плоскость, и лучший в мире бомбардировщик перевернулся.

«Приказываю покинуть самолет!» — крикнул капитан Кларк. Сержант Спарроу почему-то не испугался. Он лишь подумал о том, что вряд ли капитану так необходимо было отдавать это приказание — ведь и идиоту понятно, что в пылающем бомбардировщике оставаться нет никакой на-

добности. Генри протиснулся в люк и вывалился в вихревую гремящую бездну. Словно во сне он дернул вытяжное кольцо парашюта, ощутил рывок и повис в воздухе. Далеко внизу тихо скользили узкие тела военных кораблей, иллюминированные орудийными вспышками. «Взбесились они, что ли?— вяло подумал Спарроу.— Мне теперь только не хватает зенитного снаряда в печени...»

Рев мотора прервал невеселые размышления сержанта. Он сообразил, наконец, почему так неистовствовали зенитки. Воздушная армада скрылась за розовой грядой облаков, неподалеку белели парашюты парней из его экипажа (Генри насчитал семь куполов с повисшими под ними фигурками). Тонкий, похожий на хищную муррену «мессершмитт» охотился за летчиками. Вот вспыхнул белоснежный купол, и крохотная фигурка, нелепо размахивая руками и ногами, полетела вниз, навстречу поблескивающим волнам... Еще один... Хищник сделал новый разворот, показав на своем поджаром металлическом боку пикового туза, и нацелился на оцепеневшего от ужаса Спарроу. Сверкающие трассы брызнули в сержанта, он охнул, левая рука повисла плетью.

«Конец»,— с какой-то непонятной обидой на самого себя подумал сержант.

И вдруг произошло чудо. Желтобрюхий пират, размалеванный крестами, пиковыми тузами и паучьими свастиками, напоролся на черно-рыжий ком, внезапно возникший перед его носом, и словно подавился им... В каких-нибудь сорокапятидесяти метрах от Спарроу и чуть ниже его раскрылся парашют нациста.

— О'кэй!— восторженно простонал сержант. Вытащив здоровой рукой пистолет, он прицелился и выстрелил. Мимо.

Послышался ответный выстрел. Спарроу сжал зубы и долго ловил на мушку скорченную фигуру в темном комбинезоне, он испытывал наслаждение, мстя за расстрелянных товарищей.

Вторая пуля нациста чиркнула по застежке-молнии, пропорола кожаную куртку, третья, словно оса, ужалила в грудь.

...Генри нажал на спусковой крючок— пират, выронив пистолет, горестно повесил голову.

— О'кэй!— выдохнул Спарроу и потерял сознание.

СРЕДИ ЗЕМЛЯКОВ

Очнулся Генри уже в Штатах, в сияющей кафелем и хромом палате Военно-морского госпиталя. За стеклянной дверью толпились репортеры, вспыхивали блицы фотокамер.

— Выкладывайте двести холлеров*, коллега! Вы блистательно проиграли заклад. Я же говорил вам, что этот парень живуч как кошка!— услышал Генри веселый голос.

— М-да-а,— протянул кто-то кислым тоном.

Спарроу осторожно повернул голову и увидел двоих в белых халатах — приземистого румяного здоровячка с шевелюрой цвета свежеотполированного алюминия и высокого тощего брюнета в золотых очках.

— Хэлло, мистер дуэлянт!— приветствовал Спарроу жизнерадостный крепыш, сверкая безупречными вставными зубами.— Поздравляю с благополучным возвращением с того света. Ну как, понравилась вам экскурсия в пекло?

Этот пожилой человек с хитроватыми карими глазами изнывал от избытка энергии. Генри попытался улыбнуться, но вышло черт знает что.

— Ну-ну... без сентиментов,— не то сердясь, не то в шутку сказал крепыш.— Лежите смирно и слушайте. Сейчас я угощу вас хорошей порцией бальзама, поскольку виски вам пока противопоказан. Я доктор О'Хара... Не пугайтесь, я не японец. Я чистокровный хэпилендец с далеким ирландским прошлым. И между прочим, я выудил вас с того света. Вам, незадачливый кандидат в покойники, зверски повезло. И сообщениями об этом сейчас полны все газеты. Корреспонденты подсчитали, что наши корабли, охотясь за пиратствующим истребителем, выпустили не менее семисот снарядов. Зенитчики сделали все, что могли. Они сбили истребитель, а заодно отправили на тот свет всех парней из экипажа вашего «летающего бастиона», с которыми не успела расправиться эта скотина Раков...

Генри вздрогнул и расширившимися от ужаса глазами уставился на О'Хару.

— Да, Раков,— кивнул О'Хара.— И не думайте, что этот типчик, которому вы прочистили мозги из своего кольца, русский,— пруссак чистых кровей. Фридрих фон Раков, краса и гордость Люфтваффе, сбил тридцать семь

* Х о л л е р — примерно 90 копеек.

самолетов, ас. Жаль, что вам не удалось доканать его. Впрочем, это не ваша вина. Все было сделано как полагается: вы вогнали ему пулю в левый глаз, а выскочила она из затылка; по всем правилам после такого угощения во всем свете трудно было бы сыскать человека мертвее вашего противника. Но, по-видимому, у фон Ракова мозги устроены как-то по-иному, нежели у всех людей. А мой коллега доктор Елиннек, — О'Хара похлопал широкой ладонью по плечу тощего очкастого брюнета, хранившего до сих пор угрюмое молчание, — помог пирату выкарабкаться из могилы.

— У нас есть приказ оказывать медицинскую помощь нацистским летчикам, — проскрипел доктор Елиннек, неприязненно глядя на Спарроу холодными, глубоко засевшими в орбитах глазами: он, надо полагать, никак не мог простить молодому сержанту проигранного пари.

— О, разумеется, приказ этот существует! — воскликнул О'Хара. — Недаром ведь наша страна — самая гуманная в мире, но будь я на вашем месте, вряд ли бы я проявил столько усердия и профессионального рвения. Этот молодчик фон Раков орудовал в воздухе, как гестаповец в застенке.

Доктор Елиннек задумчиво почесал длинный унылый нос и промолчал. Он счел за благо не разъяснять, что, кроме приказа об оказании медицинской помощи нацистским летчикам, Бруно Елиннек руководствовался кое-какими частными соображениями, поскольку его жена приходилась Фридриху фон Ракову двоюродной теткой.

За стеклянной дверью послышался шум — корреспонденты стали терять терпение. Наконец дверь распахнулась, и в палату решительно шагнул маленький человек в офицерской форме. Эмблема на рукаве «Военный корреспондент» свидетельствовала о его принадлежности к грозному роду оружия — прессе. Позади него нетерпеливо переминались с ноги на ногу военные и гражданские журналисты.

— Капитан Ли, — небрежно козырнул маленький офицер и объявил с места в карьер неожиданным басом: — Мы не можем больше ждать, пока этот парень выздоровеет. Нам необходимо его проинтервьюировать. Вся страна хочет знать подробности его схватки с нацистским асом... Эй, сержант, вы же в состоянии говорить, неправда ли? Нет смысла откладывать нашу беседу до конца войны.

В голове Спарроу звенели тихие колокольчики. Ему

вдруг почему-то захотелось надрать нахальному капитану Ли уши. Генри жалобно посмотрел на О'Хару. В глазах парня блестели невыплаканные слезы. Он думал о погибших товарищах... Добродушный богатырь Джо Хиллари, тихий, скромный Линкольн Роу, бесстрашный капитан Кларк, весельчак и прекрасный джазовый пианист Герберт Палинский... другие честные, чистые душой ребята!.. Их уже нет. А этот плюгавый вояка Ли спокойно дышит, ест, пьет, предвкушает весну.

— Ну как, сержант,— уже сердито спросил капитан Ли,— будем изображать из себя девчонку, страдающую бледной немочью, или...— он не договорил. Спарроу с усилием выпростал из-под одеяла уцелевшую руку и показал кукиш.

Капитан Ли побагровел. Корреспонденты, толпящиеся в коридоре, оживились, защелкали блицами.

Доктор О'Хара развел руками и констатировал:

— Интервью окончено.

— Но, док...— начал было капитан Ли, воинственно сжав кулаки.

— Полегче, полегче, приятель.— О'Хара взял его за плечи и, вытолкнув в коридор, захлопнул дверь.

— Вы мне еще ответите за это, док!— кричал разъяренный капитан Ли.— Я научу вас уважать прессу!

— Ладно, ладно, проваливай,— пробурчал добродушно доктор О'Хара.

Доктор Елиннек невозмутимо поглаживал себя по острому подбородку — он сохранял нейтралитет.

— Ну вот мы от них и отделались, сержант,— улыбнулся О'Хара.— Сейчас я пролью на вашу душу обещанный бальзам. Итак, желая прибавить вам бодрости, я коротко расскажу, в чем именно вам зверски повезло. С сержантом Спарроу ничего не могли поделать зенитки; плюхнувшись в море, он принимал ванну всего каких-нибудь десять минут — потом был подобран торпедным катером и доставлен на летающую лодку-госпиталь. Здесь состоялось наше знакомство, в результате которого мистер Елиннек просадил мне две сотни холлеров.

Но пусть его проигрыш вас не огорчает. В конце концов такой парень, как вы, стоит двух сотен. Вы сбили «мессершмитт» и задали хорошую трепку этому асу фон Ракову. Ваша дуэль под куполом парашюта явилась настоящей сен-

сацей. Именно за этот подвиг сержант военно-воздушных сил Соединенных Штатов Хэппиленда Генри Делано Спарроу награжден боевым орденом «За доблесть».

Молодой человек попытался улыбнуться.

— Теперь у вас, сержант, все есть: слава, почет, реклама. В нашей стране человеку важно сделать хороший рывок и потом его уже не удержишь за полы. Если у вас на плечах голова, подумайте над этим.

За стеклянной дверью послышались мягкие шаги, тихое поскрипывание роликов. Кто-то хрипло выкрикивал:

— Ахтунг! Ахтунг! Ин люфтен хэппилендише... Фойер! Фойер*.

Доктор Елиннек встрепенулся, не прощаясь, торопливо вышел из палаты.

— Вашего приятеля повезли на перевязку, — лукаво усмехнулся О'Хара. — С этим фон Раковым дянчатся, как с индийским магараджей. Его и на летающую лодку пристроили, и отдельную палату отвели. А вот капитана Кларка бросили на самоходную баржу и отправили бог весть куда. Одни говорят — во Францию, другие — в Саутгемптон, одним словом, под бомбы.

— Капитан Кларк... жив?

— Жив. Только он да вы уцелели. Отчаянной храбрости парень. Выждал, пока все ребята выбросились на парашютах, и только после этого оставил самолет. Чуть ли ни у самой воды выскочил. Его немного поджарило. Но жив остался. А это главное. Жаль только, что его подвиг остался без награды. Впрочем, что чиновники из Секстагона** понимают в людях и в подвигах. Их бы посадить в горящий бомбардировщик... Перестрелялись бы, пробиваясь к аварийному люку, глотки друг другу перегрызли!

Генри Спарроу вздохнул, прикрыл глаза...

Во сне ему привиделся капитан Кларк. Удивительно похожий на Джека Лондона, командир «летающего бастиона» весело щурил глаза. А он, Генри, мчался в распластавшемся на дорожном бетоне автомобиле и все удивлялся: как это он не может угнаться за своим капитаном, ведь тот идет

* Внимание! Внимание! В воздухе хэппилендские... Огонь!... Огонь!... (нем.)

** Секстагон — огромное здание военного Министерства ЮСХ, имеющее форму шестиугольника. Секста — шесть (лат).

пешком? «Слышишь, Джейн,— то и дело повторял Спарроу своей спутнице.— Помяни мое слово, этот Кларк далеко пойдет».

ЗОЛОТОЙ МИРАЖ

Почти все сложилось именно так, как предсказывал добрейший О'Хара.

Прошло три месяца. Спарроу вновь навестил гордый, но отходчивый капитан Ли и предложил свои услуги. Он, капитан Ли, в тесном творческом содружестве с героем войны сержантом Спарроу напишет книгу, которую будет читать все человечество.

— Представляете, сержант,— объяснял журналист, азартно потирая себя по облезлому темени,— какой бум поднимем мы на книжном рынке! Ну кто, скажите на милость, устоит перед искушением купить книгу с названием «Любовные хрипы и кровь»?— славный капитан сморщил крысиную мордочку в игривой улыбке и щелкнул пальцами.— Соображаете?

Генри прошелся по палате, осторожно подошел к окну, задумчиво глянул в глубь уличного колодца. С высоты шестнадцатого этажа люди казались крохотными, жалкими, очень похожими на капитана Ли.

Генри вздохнул, отошел от окна, нерешительно спросил:

— Какие... хрипы?

На востроглазой мордочке Ли появилось выражение ироническое.

— Любовные, любовные, мой мальчик,— сказал он тоном, каким обычно взрослые объясняют детям простые житейские истины.— На них клюнут все: сенаторы и гангстеры, генералы и ханжи из общества защиты животных.

Ошеломленный Спарроу растерянно моргал глазами. Что за книгу замыслил этот недомерок Ли?

Капитан развеял его сомнения.

— Вот что,— пробасил маленький человечек, доставая плоскую фляжку.— Давай-ка хлебнем! Настоящая «Белая грива», никаких подделок.

Молодой человек машинально хлебнул из фляжки. Сладко закружилась голова, голос капитана Ли показался

не таким неприятным, а то, что он говорил, уже воспринималось если не благосклонно, то с изрядной долей терпимости. Между тем журналист рисовал грандиозные планы.

— Ты меня слушай, малыш,— доверительно говорил он, поблескивая захмелевшими глазками-бусинками.— Ты мне в сыновья годишься, и поэтому я вправе учить тебя уму-разуму. Что ты видел в жизни? Автозаправочную станцию. «Да, сэр», «Будет сделано», «Благодарю вас, сэр». Видел еще, как мимо тебя катила настоящая жизнь в шикарных карах*. Неужели тебе не хочется очутиться в избранном кругу баловней судьбы? Ведь ты же настоящий, стопроцентный хэппилендец! Но для того, чтобы ухватить богиню счастья, надо проявить ловкость, силу и мужество. Фортуна — хоть и богиня, но все равно женщина. А женщины любят грубую силу.

Капитан Ли вскочил и, быстро шагая из угла в угол, забормотал:

— Черт поberi! Кажется, я добьюсь своего. Уж теперь-то я отыграюсь на тех, кто помыкал мною. Пятьдесят лет жизни — насмарку... Пожары, сообщения о железнодорожных катастрофах, скандальная хроника...

Маленький человечек неожиданно прервал свое полубредовое бормотание и улыбнулся пораженному Спарроу какой-то жалкой просительной улыбкой. Вновь потянув из фляги, он промолвил:

— Я говорю с тобой, парень, откровенно, потому что знаю: ты — кролик. В тебе никак не меньше двухсот фунтов, а во мне и ста не наберется. У тебя чертовски спортивный вид и смазливая физиономия. Внешне ты настоящий супермен, джентльмен удачи середины двадцатого века. И тем не менее, в действительности ты — кролик. На тебе и тебе подобных плюгавые, как я, но куда более удачливые джентльмены, проделывали и будут проделывать самые зверские опыты. А кроликидохнут, воображая, будто бы погибают от естественных причин...

Станный человек расхохотался так зло и нервно, что Генри пробрал легкий озноб.

— Подождите... подождите, капитан Ли... — начал было Спарроу.

— А мне надоело ждать! — перебил его журналист. Физиономия его приобрела свирепое выражение, какое

* Кар — автомобиль /англ/.

бывает у разъяренного хорька.— Мне пятьдесят лет. Сколько можно ждать?! Соглашайся!

— Но на что, на что именно я должен согласиться?

— Хочешь иметь триста, четыреста, а то и все пятьсот тысяч монет?— с присвистом выдохнул журналист.

Сержант задохнулся. Его словно хлопнули по затылку резиновой дубинкой, весь он как-то обмяк, голова наполнилась гулом. Не слыша собственного голоса, Спарроу промолвил:

— Ш-шуточки!

— Я уже давно забыл, когда последний раз шутил. Глупый. Ты вполне оправдываешь свою фамилию... Воробышек*. Человеку предлагают деньги, очень приличные деньги, гарантируют комфорт, сервис, счастье, а он — шуточки!

— Выкладывайте... выкладывайте все, капитан!..

— Я не рождественский Санта-Клаус и не герой душещипательных романов, в которых дежурный богачей дядюшка нежданно-негаданно одаряет блудного племянника кучей акций! Наши деньги надо еще заработать. Пока я выложу лишь свой план изготовления монет. Так вот... Если говорить откровенно, ничего выдающегося на войне ты не совершил. Но перестрелка с фон Раковым произвела сенсацию... Наша страна не может жить без сенсаций. Ну что ж, ты помог ей сделать еще один вздох. Но нынче твое имя утонуло в бездне больших и маленьких событий. После войны людям очень захотелось жить, они рвутся к наслаждениям. Люди сами не знают, чего хотят. Но хотят, очень хотят. И это факт. Они взахлеб читают комиксы и скандальную хронику. Нельзя винить их за это. Притягательная сила порока неодолима. Порок создает моды и управляет государствами... Да что много толковать об этом? Думал ли ты когда-нибудь, что такое деньги? Нет?.. Я так и знал. Ты лишь примитивно мечтал о них. А между тем деньги — это знамя порока. Ведь деньги отвергают все христианские добродетели, все заповеди. Они приказывают: «Убий! Укради!»

Капитан Ли захихикал. Сейчас он походил на мышь, хитро поглядывающую из норки.

— Вздор,— нерешительно возразил Генри: доводы портативного капитана поразили его очевидной неопро-

* С п е р р о у — воробей /англ./

вержимостью.— Вздор... дайте-ка лучше еще немного белогривой сивухи. Страшный вы человек, капитан.

Собеседник Спарроу довольно закудэхтал:

— На, малыш, хлебни. Мы, кажется, с тобой поладим. Только не мни себя ангелом. Да-да!.. И не сердись. Уж не воображаешь ли ты, что минувшая война, на которой тебя продырявили, была джентльменской борьбой за свободу и демократию? Как бы не так! Закон джунглей прост и логичен: кто-то должен кого-то съесть. Сегодня не съел ты, завтра съедят тебя. А чтобы те, кого употребляют в пищу, не обижались, придуманы тысячи уловов. Что поделаешь! Наш век — век цивилизованных убийств и грабежа. Выгода — вот что определяет законы морали. Попробуй пристукнуть паршивенького полисмена — мигом получишь порцию электричества. А почему? Есть люди, которым невыгодно, чтобы прихлопывали полисменов. А вот ты, голубчик, отправил в мир иной немецкого парня, и тебе за это дали орден, потому что ты совершил выгодное убийство... дал симпатичным джентльменам прилично заработать, и, естественно, они обязаны были тебе отблагодарить.

— Хватит, капитан,— сорвался Спарроу,— довольно трепать языком. Вы пришли по делу? Вкладывайте, что вам от меня нужно.

— Ох-хо-хо! Какие мы нервные.— Ли сокрушенно вздохнул и развел руками.— Пожалуй, и впрямь пора переходить к делу. По-видимому, ты уяснил теперь, что мораль — это фиговый листок, которым неудачники прикрывают свою наготу. Мы же с тобой облачимся в более практичные одежды. Так вот: ты на минутку забудешь о своих боевых товарищах и поставишь подпись на этом...

Капитан вытащил из полевой сумки лист плотной бумаги. Спарроу машинально взял его, повертел в руках и наконец прочитал короткий машинописный текст:

Настоящим я, Генри Д. Спарроу, подтверждаю, что факты, изложенные в документальной книге «Любовные хрипы и кровь» (литературная запись Уилсона М. Ли) полностью соответствуют истине и неопровержимость их я готов подтвердить под присягой.

Гонорар за упомянутую выше книгу согласен поделить поровну с м-м Уилсоном М. Ли. Ведение переговоров об издании книги поручаю ему же.

Озадаченный Генри вопросительно взглянул на журналиста. Вместо ответа тот сунул ему автоматическую ручку.

— Ну, живо... подписывай чек на полмиллиона монет. Чего мнешься?— торопил капитан Ли. Он стал суетлив, личико покрылось розоватыми пятнами.— Ну же!..

— Но я вам ничего такого не рассказывал, что можно было записать. И вообще... книги пока не существует.

Журналист рассвирепел:

— Вот ведь увалень навязался на мою голову! Какая тебе разница? Я тебя слегка надул. Книга уже написана. Пока ты здесь валялся, я трудился в поте лица. Рукопись здесь,— Ли похлопал по полевой сумке.— Подписывай, тебе говорят!..

— Сперва я должен ознакомиться с рукописью, должен...

— Должен!!! Должен!!!— оборвал его журналист.— Тебя скоро вышибут из госпиталя, и тогда ты будешь всем должен... за квартиру, за свет, за жратву!.. Поменьше рассуждай.

— Но...

— Упрямый мул!— заорал Ли.— Подумать только, что мое счастье зависит от этого увальня. Слушай, парень, нечего тебе читать. Я и без тебя издал бы книгу, но ты необходим мне как факт, как гарантия. Наш издатель мистер Долл требует... Понимаешь! Требуется, чтобы ты взял все на себя...

— Что именно?

— Тебе уплатят хорошие деньги,— от нервного возбуждения и выпитого виски Ли бормотал, как маньяк.— Я все продумал. Опасаться нечего и некого. Твои парни погибли, капитан Кларк пропал без вести, фон Раков прикидывается идиотом, и даже обзавелся на этот счет всяческими бумажками.

— Фон Раков?

— Да. Он. Фон Раков дрожит за свою шкуру, боится, что его будут судить как нациста и воздушного пирата. Вот он и изображает из себя идиота. Да он и в самом деле идиот. Ты проделал ему в голове такую дырку, что он попросту не может не быть идиотом. Что же касается Дороти Клей... Ну что, что вылупил глаза?! Не знаешь Дороти... Кинозвуду? Снималась во всех эротических

боевиках. Играла Мессалину, Клеопатру, непорочную деву Марию. Она тоже не поднимет скандала. Пока ты валялся без сознания, Доротти — слава богу! — попала в автомобильную катастрофу.

Спарроу устало провел ладонью по лбу и вымолвил:

— Кому-то из нас двоих пора в сумасшедший дом.

— Вот именно, — подхватил капитан Ли. — Можешь собираться. Неужели ты не в состоянии понять, что написанная мною книга — блеф, сборник пикантных сенсаций, липовых, конечно. Слушай, будь послушным мальчиком. Так и быть, я расскажу коротко содержание книги. Только держи себя в руках, не пугайся и не вздумай размахивать кулаками. Так вот... Доротти — неистовая жрица любви — дарила ласки тебе, Кларку, всему экипажу «летающего бастиона». Все это я расписал очень наглядно. Перед войной она довольствовалась лишь фон Раковым... Да, да, не удивляйся, именно фон Раковым и еще двумя-тремя летчиками-истребителями Люфтваффе. Она приезжала тогда в Европу. Это факт. Фон Раков узнал о связи вашего экипажа с его бывшей любовницей и поклялся погубить вас. Он специально охотился за вашим бомбардировщиком и наконец настиг его. Но сбил вас другой нацист. Тогда, охваченный бешеной ревностью и жаждой мести, фон Раков принялся расстреливать любовников своей бывшей любовницы. А ты, узнав Ракова, ненавистного соперника... Понимаешь теперь? Никакой политики, сплошной секс, схватка в воздухе из-за самки... Я изложил коротко. Но все дело в деталях. Представляешь, какой фурор произведет наша книга?! Ведь ее упоительная прелесть...

Капитан Ли вдруг умолк. В крысиных глазках его полыхнул тот особый тоскливый страх, какой охватывает человека перед хорошей трепкой. По-видимому, маленький хищник неоднократно испытывал тяжесть кулаков своих оппонентов.

— Только без рук, только без рук, — пробормотал скороговоркой мистер Ли и попятился.

— Нна-а... скотина, понюхай! — тяжело ворочая языком, выдохнул Генри и сунул под нос Уилсону М. Ли увесистый с набрякшими жилами кулак.

Капитан Ли покорно понюхал.

— Стало быть, — продолжал Спарроу, испытывая сильнейшее желание схватить собеседника за куриную шею с противно прыгающим кадыком, — стало быть, Доротти...

любовные схватки под куполом парашюта, восторги сладострастия в бомбовом люке и прочая. Не так ли?

Мистер Ли попытался утвердительно кивнуть головой, напоролся на все еще маячивший перед ним кулак и решил свести опасный инцидент к шутке:

— Ладно, сердитый мальчик, убери свой кулак. Он и без того на милую благоухает могилкой.

— Нет, ты все же объясни,— продолжал допытываться Генри,— как ты только решился предложить мне такое?! Чтобы я, ветеран войны, честный хэппилендец, глумился над памятью моих боевых товарищей!..

— Но ведь пятьсот тысяч... Подумай только: пятьсот тысяч монет! Золотой случай...

— К черту!— рявкнул сержант.— Слава богу, в нашей свободной стране можно сделать бизнес честным путем...

Генри Спарроу запнулся: капитан Ли медленно опустился на колени, приговаривая, словно заклинание:

— Несчастный! Несчастный! Ты еще веришь в Санта-Клауса. Взгляни на меня. Я — конченный человек, а ведь мог бы стать звездой журналистики. Я не стал звездой. Не стал, потому что мне помешала честность. Не убайся, сынок. Да, честность. Когда-то и я был честным парнем, таким же теленком, как и ты. И все это мне вышло боком. Оглянись вокруг себя, пойми... Пожалей меня. Что тебя ждет? Бензоколонка. Грошовые чаевые. Жалкий обед в кафетерии, гарантирующий катар желудка, неоплаченные счета, свары с женой из-за... из-за... Черт побери! Ты будешь с ней скандалить, безобразничать по любому поводу. Да! Счастье голодранцев недолговечно. Ты умрешь задолго до своих официальных похорон. Думаешь, мне не больно предлагать тебе подлую сделку?! Я ведь человек. Вернее, был человеком. А нынче Уилсон Ли ходит на костюм, который продают в магазине поношенного платья. Он вроде бы такой, как и новый. А если приглядеться? Старательно замаскированные пятна, заштукатуренные рукава, сединка на воротнике. И главное... кто-то неизвестный — добряк ли, сукин сын или подлый палач — уже износил его. Понимаешь — из-но-си-ли! Я изношен, замучен, вывернут наизнанку. Перед тобой перелицованный Уилсон Ли. С карманчиком для платка на правой стороне. Это противоестественно, но это так. Моих знаний хватило бы на дюжину таких, как ты. А какой мне в этом прок?.. Ну чем, скажи мне, чем ты поможешь своим погибшим това-

рицам? Воскресишь их? Нет! Жизнь — подлая штука. Незачем воскрешать хороших парней. Живым приходится куда хуже, нежели им. Я предлагаю тебе кратковременную подлость, о которой будет знать только твоя совесть. И больше никто. Ну сотня, ну тысяча прекрасодушных дураков осудят тебя. И все. А затем ты станешь сильным, умным, талантливым. Ибо все это человеку дарит золото... О это золото! Оно разглаживает на лице морщины, чарует женщин, прячет жирное брюшко под мастерски сшитым пиджаком. Золото может сделать уродом Аполлоном, превратить жизнь в сказку, отменить закон обращения звезд вокруг Солнца!..

Спарроу стало жутко. Он вдруг почувствовал, как надрывно занули его раны.

— Капитан,— сказал Генри тихо.— Я устал от вас. И потом... я не терплю общества сумасшедших. Может быть, в чем-то вы и правы, однако...

— Пятсот тысяч,— прошептал Ли, поднимаясь с колен и отряхивая брюки. Он уже стыдился своей слабости.

— Вон,— тихо ответил Генри.

Маленький журналист ошпарил Спарроу ненавидящим взглядом и, как побитая дворняжка, полпелся к выходу. В дверях капитан Ли обернулся, проговорил вяло:

— Ты еще пожалеешь, мозгляк. И уж во всяком случае заплачется твоя Джейн. Думаешь, я не знаю о существовании кассирши в кинотеатре «Тудей»? Эта твоя Венера с кукольным личиком — практичная богиня. Она выставит тебя вон, как только поймет, что ее жених — безнадежный идиот. Да, идиот! Дурень-люкс, кретин — экстра-класса. Ну что молчишь? Дубась! Ведь так приятно колошматить слабого и беззащитного поддеца! Ну!.. А, струсил. Ты еще пожалеешь обо всем, молокосос.

Генри не ответил.

«Боже,— размышляла молодой человек.— Боже, если ты существуешь, зачем ты терпишь таких червяков, как этот паршивец Ли? Или они правы? О нет! Все это бред. Жестокость, насилие, конечно же, не редкость. Но не они управляют божьим миром. Талант, удача, трудолюбие — вот истинные творцы человеческого счастья. Боже! Разве я не прав? Отзовись!..»

Из глубины уличной бездны доносились тревожные завывания сирен полицейских автомобилей.

О'ХАРА КАПИТУЛИРУЕТ

Почти все сложилось именно так, как и предсказывала добрейший О'Хара. Фортуна в образе капитана Ли настойчиво улыбалась Генри Спарроу, упрасивала его, умоляла опустить в автоматический рог изобилия расписку о продаже души дьяволу наживы и получить взамен семейное счастье, комфорт, золотой нимб преуспевания.

И не вина О'Хары, что его предсказание в конечном итоге не сбылось. Всему виной упрямство Спарроу, его слепая вера в высшие принципы гуманизма.

Впрочем, О'Хара, выслушав сбивчивый рассказ сержанта, одобрил решение Генри. Симпатичный доктор даже прослезился. Ероша свой дюралевый ежик, он сказал с чувством:

— Ты молодчина, парень. Честное слово, когда я вижу таких, как ты, я проникаюсь гордостью за нашу страну. Откровенно говоря, я бы на твоём месте не устоял. А ещё откровенней... я уже продал душу дьяволу.

Генри беспокойно заерзал на скрипучем диванчике.

— Увы! Ты рыцарь без страха и упрека, ты одинок, а у меня жена и четверо детей. Ах, если бы я мог заниматься частной практикой! Но это невозможно. Необходимо много, очень много денег, чтобы начать собственное дело. И поэтому я еду в пекло.

— Полно, док, не надо так мрачно,— попытался успокоить его Генри.

Эта реплика вызвала у О'Хары взрыв оптимизма. Он вновь стал подвижным, темпераментным здоровячком, щеки его весело залоснились, в карих с искорками глазах засветился юмор.

— Олл райт!— небрежно бросил О'Хара и выковырнул из тугой пачки сигарету.— Ты прав, юный мудрец. Ничего страшного не случилось. Попросту я заключил с представителем Секстагона очень выгодный контракт и после Нового года сматываюсь в Хиросиму. Эми уложили там целую гору джапсов*. Придется покопаться в куче бифштексов. Я — врач, мое дело спасать жизни. А отвечай пусть те, кто изготовил это жаркое.

Молодой человек неопределенно пожал плечами.

— В конце концов,— продолжал доктор, разглядывая

* Э м и — американцы; д ж а п с ы — японцы (жаргон).

огонек на кончике сигареты,— нет причин вешать нос. На войне, как на войне. Не мы первые напали на джапсов. Имели бы они «худышку» и «толстяка»*, они бы не задумываясь пустили их в ход. Теперь я еду спасать джапсов. Будем искать способы борьбы с радиацией. Это пригодится на будущее. Как знать, не обзаведется ли кто-нибудь другой собственными «худышками» и «толстяками».

— Страх господний,— тихо проговорил Генри и почему-то вспомнил капитана Ли.— Два огромных города превратились в лаборатории, сотни тысяч людей — в подопытных кроликов.

О'Хара вновь помрачнел.

— В тебе проповедник погибает,— сердито сострил доктор.— А ты забыл, сколько наших парней уложили джапсы на Окинаве? И вообще... Ты славно поступил, дав пинка капитанишке, но это вовсе не означает, что теперь ты вправе ныть и смотреть на жизнь сквозь темные очки. Жизнь в принципе чертовски хороша... Мой коллега доктор Елинек укатил в Хиросиму не раздумывая. Еще бы! Тройной оклад. Я малость поколебался...

Генри Спарроу вновь почему-то вспомнил тщедушного Ли. И подумал о нем уже не с негодованием, а с какой-то неясной грустью. Молодой человек вдруг понял, что, быть может, напрасно он так обошелся с несчастным журналистом. Следовало бы поискать компромиссное решение, не упускать счастья. Если уж О'Хара — добрейший человек — оправдывает сделку с совестью, то это кое-что значит. Молодой человек задумался. Перед его мысленным взором возникли юные честные лица погибших друзей — Джо Хиллари, Линкольн Роу, капитан Кларк, Герберт Палинский, Фред Кинли, Эйч Джером, веснушчатый юнец — его прозвали «Эйчем» за легковесные каламбуры**... Тони Зим, Ричард Рабинович, Сидней Шувалов, предки которого эмигрировали в Хэппиленд при каком-то российском императоре, преследовавшем старообрядцев, Стенли Райт... Они были молоды, веселы. Храбрые, честные, наивные ребята!..

* «Худышка и «толстяк» — бомбы, разрушившие Хиросиму и Нагасаки.

** Эйч — название буквы Н (анг.). Буквой Н в таблице элементов обозначается водород, самый легкий газ.

— Нет!— вслух проговорил Генри, махнув рукой, словно отгоняя от лица назойливую осу.— Нет! Никогда.

О'Хара понял.

— Не осуждай меня, парень,— вздохнул он.— Ты лучше, чище. Но я ничего дурного не сделаю... Обстоятельства заставляют. Не я, так другой поедет. Жизнь, как медаль, имеет обратную сторону. Журналист не всегда пишет так, как бы ему хотелось, судья вынужден порой забывать о хороших законах.

В палате нависла тишина.

— Ну ладно, я пошел,— произнес О'Хара.— К рождению мы тебя выпьем, и все будет о'кэй. Я верю в твою звезду. Только вот что... невесте своей ни гу-гу. Ни об этом капитанишке Ли, ни о слабовольном О'Харе. Ей не понять, что давно об О'Харе плачет мусорный ящик.

— Ну что вы, док!— утешил Генри.

О'Хара ушел, так и не поняв реплики Спарроу.

На огромный город спустились густые, пахнувшие бензином перегаром сумерки. Они обволокли крыши небоскребов, плотно окутали окраинные улицы и лишь от центральных авеню держались на почтительном расстоянии. Там им нечего было делать. Там бушевал океан огней, ярились фейерверки реклам и огненный джентльмен ростом с пятиэтажный дом методично, без тени раскаяния, нагло пускал огромные клубы сигаретного дыма в черный, как у негра, лик вселенной.

Вселенная растерянно моргала звездами.

Д Ж Е Й Н

Джейн пришла поздно. Очень поздно. Ее даже не хотели пускать. Она просеменила по коридору, осторожно шагнула в палату и остановилась возле двери. Генри взглянул на Джейн и поразился: как точно сказал о ней недомерок Ли. Куколка, настоящая куколка: напوماженные губы, темные вздернутые бровки приглажены, прилизаны волосок к волоску; химическая безжизненно-желтая прическа. Глаза — большие, серые — смотрели на мир наивно и пристально, радуя и пугая стеклянным блеском.

— Джейн!— улыбнулся Генри.— Нечего жаться к стенке. Есть отличная новость: старина О'Хара обещает

к рождеству выбросить меня из этой богадельни. Как по-твоему, во сколько может въехать венчальное платье?

Джейн, словно заводная игрушка, размеренными шажками приблизилась к Генри. От куколки пахло виски. Спарроу скорчил печальную гримасу и потянул носом воздух.

— Ты делаешь успехи, Джейн,— заметил он.— Во всяком случае, рекомендую кофейные зерна. Хорошо прожаренные, разумеется. Они отбивают запах.

Джейн села и закурила сигарету.

— Сигаретой ты меня уже не удивишь...— начал было Генри и осекся. Он понял: Джейн все знает!

«Значит, этот вонючий скунс по кличке Ли вовсе не трепал языком, угрожая рассказать обо всем Джейн! Ах, гаденыш! И отчего это все трусы такие злые и мстительные?»

— Джейн,— нерешительно произнес Генри и попытался взять ее за руку.— Что с тобой?

Она отдернула руку. Переливчатый голос ее обрел сейчас злой, хрипловатый оттенок.

— Удивляюсь, Генри, почему ты до сих пор разгуливаешь на свободе, а не наслаждаешься обществом какого-нибудь Наполеона или Магомета. Тебе так к лицу смиренная рубашка. Капитан Ли, который, кстати говоря, угостил меня виски из своей неиссякаемой фляги, раскрыл всю глубину твоего идиотизма. Ты все это серьезно?

— Но, Джейн!..

— Знаешь, что сказал мой папа, узнав о твоих психологических упражнениях? Сперва он ничего не сказал. Молча вытащил из письменного стола одиннадцатизарядный пистолет и проверил обойму. А затем пояснил, что возьмется за работу, которую недоделал фон Раков. «Этот тип,— пояснил папа,— издевается надо мной, делает по-смешному. Шесть лет он морочит девчонке голову и все увиливает от женитьбы. То, видите ли, он материально не устроен, то его тянет воевать. Но уж фокус с отказом от кучи золотых кругляшек выйдет ему боком. Парню давно пора проветрить мозги, и я знаю, как это устроить. А если свинцовая примочка не поможет, и на этом не успокоюсь. Стану вколачивать ему в голову рукояткой кольта простые христианские истины до тех пор, пока парень их не усвоит. Готов присягнуть в том, что вышибу из его башки разную

философскую ерунду и прочие коммунистические штучки. Я сказал».

— Ты знаешь моего папу,— напомнила Джейн.

Генри задумчиво погладил ямочку на подбородке. Молодой человек хорошо знал старика Твитчелла, отца Джейн. С ним шутки плохи, хотя он всего-навсего сторож портовых складов. Разговаривать с Хэмфри Твитчеллом такое же удовольствие, как гладить гремучую змею. Старина Хэм (так не без юмора зовут его соседи и бродяги, слоняющиеся возле порта) сын мелкого фермера с Дальнего Запада, начал свою карьеру в чисто хэппилендском стиле.

ИСТОРИЯ СТАРИКА ТВИТЧЕЛЛА

Лет этак сорок назад, обходя отцовские владения, юный Хэм вдруг обнаружил на участке веселую компанию, приехавшую в автомобиле. Из этой компании Хэму понравилась лишь девчонка с льянчыми волосами. Двое джентльменов в фланелевых костюмах и унылая девица, похожая на борзую, напялившую на себя платье, напротив, своим видом вызвали у него негодование. Хэм окинул оценивающим взглядом попорченный компанией посев и вместо приветствия объявил:

— Двести монет — и проваливайте.

Худощавый джентльмен в бежевом не понял:

— Ты о чем, приятель? Может, выпить хочешь?

— Потоптали кукурузу. Выкладывайте две сотни.

Раздался хохот. Джентльмен в кремовых брюках резюмировал, насмешливо глядя на Хэма с высоты своих шести с половиной футов:

— Катись отсюда, деревенщина. Мой приятель стоит два миллиона, но это не значит, что каждый сопляк вправе рассматривать его бумажник, как свой собственный.

Бежевый джентльмен попытался избежать ссоры.

— Вот тебе десятка, парень, и убирайся. Мы здесь и на пятерку не попортили. Иди-иди и радуйся, что избежал хорошей трепки. Разве ты не узнаешь? Мой товарищ — чемпион Западных штатов по боксу...

— Триста,— перебил его Хэм.

Гигант двинулся на Хэма. Юный Твитчелл усмехнулся и сжал кулаки, увесистые, как кокосовые орехи. Кроме

звания чемпиона Западных штатов на стороне верзилы было преимущество в росте. То, что Хэм шире его раза в полтора в плечах, не смутило чемпиона. Много ли надо возиться, чтобы проучить деревенщину!

— Ну! — угрожающе рыкнул он.

Хэм коротко, почти не размахиваясь, ткнул противника в подбородок.

Чемпиона Западных штатов отливали потом водой часа полтора.

Но это было потом. А сейчас, уложив чемпиона, юный Твитчелл ринулся на бежевого джентльмена и под визг девиц принялся гоняться за ним вокруг автомобиля.

— Брек! — орал бежевый. — Хватит. Получай три сотни! Вот бешеный! Брек, слышишь? Брек!

— Пятьсот!

Джентльмен, стоящий два миллиона, взвыл от оскорбления и прибавил ходу. Наддал и Хэм. Миллионер покосился на поверженного приятеля, убедился, что тот улегся прочно, и вновь приступил к переговорам.

— Ладно, четыреста.

— Шестьсот.

— Четыреста пятьдесят!

Настало, наконец, время и Хэму проявить великодушие.

— Аут! — нехотя выдавил из себя молодой Твитчелл. — По рукам. Эх, жаль, не мастер я бегать, а то бы дотянул до тысячи. Впрочем... до тысячи я, пожалуй, дотяну.

— Нет уж, парень, уговор дороже денег.

— Известное дело, сэр. Но я поглядываю на вашего приятеля. Ведро воды, конечно, принесу для него бесплатно. Однако, какой из этого будет толк, коли газетные писаки узнают, что чемпион Западных штатов валялся на кукурузном поле в нокауте... Нет, четырьмя с полтиной он, пожалуй, не отделается. Эта штука стоит ровно тысячу четыреста пятьдесят монет.

Бежевый джентльмен восхитился.

— Ты мне нравишься, парень! — воскликнул он, хлопая Хэма по каменной спине. — Думаю, ты поладишь и с моим приятелем. Я Бенджамен Кристи из Сан-Кристофера, скобяные изделия и фурнитура — моя специальность. Деньжата тебе сегодня с неба свалились, хотя ты их и за-

служил. Через годок-другой загляни ко мне. Посмотрим, выйдет ли из тебя толк.

Потом долго возились с чемпионом Западных штатов. Прийдя в себя, великан бессмысленно уставился в небо и наконец спросил:

— Что случилось? Обвалился потолок, да?

Девушка-борзая тихо всхлипывала. Льняная блондиночка смотрела на Хэма кукольными глазками с немим восхищением.

Уразумев наконец, какой потолок свалился ему на голову, добродушный чемпион высказал свое просвещенное мнение:

— Ну и кувалда у тебя, парень! Только быков глушить... Эй, Бен! Выплати ему контрибуцию. Дома сочтемся. Дороговато, конечно, но... Ха! А я ведь не прогадаю. Как тебя звать, мальчуган? Хэмом? О'кэй. Приезжай в следующую субботу ко мне. Вот моя визитная карточка. Дам заработать.

Хэм утвердительно кивнул головой, вытащил из кармана пачку банкнот и попросил разменять стохоллеровую бумажку.

— Нацелился в кабак?— в голосе Кристи прозвучало разочарование.

— Отцу отдам. Что бы вы ни твердили, все же натоптали тут никак не меньше, чем на десятку.

Кристи присвистнул:

— Ну и молодчина. Умница! Врожденное джентльменство. Будь здоров, Хэм. Желаю удачи.

Машина зафыркала, медленно поползла к проселку.

— Заходите в ресторан Чарльза, он на набережной!— крикнула блондинка.

— Спасибо. Приду обязательно! А вы, джентльмены, заезжайте ко мне. Буду очень рад.

В автомобиле грянул хохот — джентльмены оценили шутку.

В субботу Хэм отправился в Сан-Кристофер. Крошка Тонни (так звали чемпиона Западных штатов) свел Твитчелла со своим тренером и еще каким-то юрким субъектом. Договорились быстро. Хэм получает десять процентов от сбора и на восьмом раунде дает себя нокаутировать. Но предварительно, перед матчем, он должен оглушить годовалого быка, чтобы публика имела представление о новичке.

Хэм согласился на все, что от него требовали. Под восторженный рев зрителей бык рухнул на колени и долго мотал головой, жалобно мыча. Затем Твитчелл вышел на ринг и позволил Крошке Тонни обрабатывать себя, лишь изредка контратакуя. Но на восьмом раунде произошло непредвиденное. Тонни никак не мог его нокаутировать, хотя Хэм подставлял челюсть до того откровенно, что публика стала недовольно ворчать. Крошка Тонни почему-то нервничал. Возможно, он еще не пришел в себя после инцидента на кукурузном поле. Удары его не достигали цели. Отчаявшись, парень пробовал пару раз падать на помост, и, закрыв глаза, имитировать нокаут. Однако зрители знали толк в ударах. Провести их было невозможно.

А почти перед самым гонгом получилось так, что Хэм, выходя из клинча, для очистки совести провел удар в корпус. Провел... и угодил в солнечное сплетение.

Крошка Тонни повалился, словно мешок с отрубями — мягко и бесшумно.

Тренер и юркий субъект долго отчитывали смущенного парня. Но все обошлось благополучно. Твитчелл пошел в гору. Через два года ему уже прочили титул чемпиона мира. Льняная блондинка превратилась в миссис Твитчелл. Вскоре родила она сына.

И вдруг судьба взглянула на Хэмфри хмуро и недоброжелательно. В матче с убийцей Биллом произошло непоправимое: Твитчелл очутился в больнице с выбитым глазом и проломленной переносицей. После боя в правой перчатке Билла нашли, правда, гайку, но для Хэма это было слабым утешением. Его боксерская карьера закатилась.

Хэмфри, прижимистый деревенский парень Хэм, сумел за эти два года поднакопить денег. Следовать примеру своих коллег, сошедших с ринга — открыть спортивный бар, — он не захотел. Не такой уж это выгодный бизнес. Хэмфри вспомнил о Бенджамене Кристи. Этот — парень не промах, с ним всегда можно столкнуться.

Расчет оказался верным. Бен охотно взял Твитчелла в долю. И он не промахнулся. Дела их пошли блестяще. Правда, львиная часть доходов доставалась Кристи, но это и справедливо: ведь барыши делят пропорционально вложенным капиталам. Компаньоны монополизировали производство скобяных изделий и фурнитуры на всем Западном побережье — то, чего не смог добиться Кристи в

одиночку, удалось сделать с помощью Твитчелла. Организаторский талант Бена в сочетании с гангстерскими замашками Хэма дали желаемые результаты.

Хэмфри Твитчелл благословлял судьбу за выбитый глаз и проломленный нос. Давно ли Хэм трясся над каждой никелевой монетой? А нынче он стоит без малого пятьсот тысяч, живет в трехэтажном особняке, и мэр города при встрече первым приподнимает шляпу.

В двадцать пятом году у Твитчелла родилась дочь. Об этом знаменательном событии в жизни города санктискоферские газеты живописали на первых полосах. Хэмфри Твитчелл процветал.

Но вот грянул тысяча девятьсот двадцать девятый год. На Твитчеллов обрушилось первое несчастье. Сын Хэмфри, унаследовав от папаши любовь к доброму аперкоту и крупнокалиберному пистолету, как к наиболее убедительным аргументам в полемических дискуссиях с конкурентами, допустил непростительную ошибку — на какую-то секунду он замешкался, не снял вовремя предохранитель. Чрезвычайный и полномочный представитель гангстерского треста Роки Карнеры с удовольствием воспользовался удобным случаем.

О похоронах Твитчелла-сына санктискоферские газеты также живописали на первых полосах.

Хэмфри тяжело переживал свое горе. Потерять наследника капиталов — что может быть ужасней этого? Сгоряча он даже сделал попытку разыскать своего врага. Но вмешался мудрый Кристи. «Благоразумие, дружище. Благоразумие — прежде всего. В конце концов твой бедный мальчик сам виноват. Ему следовало бы действовать оперативней. Жизнь — игра, а в игре кому-то надо и проигрывать. И потом не забудь: с Роки Карнерой нет смысла шутить, он не из тех, кого можно дразнить. Подумай о себе, о нашем бизнесе. А что касается наследника... В наш век женской эмансипации встречаются и бизнесмены в юбках. Среди них есть дьявольски ловкие особы. Как знать, не выйдет ли и из твоей малютки Джейн толк. Подумай над этим, Хэм».

Мистер Твитчелл подумал и согласился с доводами компаньона. Жизнь вошла в свою колею...

А в октябре разразилась буря. Телетайп принес ошеломляющую весть о катастрофическом падении курса акций. Лопались тресты, финансовая прочность которых,

казалось, не вызывала сомнений, взлетали на воздух солиднейшие банки. Экономический тайфун, яростно завихривший фондовую биржу, продолжал неистовствовать. Тысячи, десятки тысяч бизнесменов гибли с блошиным треском, а ему все было мало. Чудовище оскалило ненасытную смердящую пасть, и деловой мир застонал, завыл в ужасе: страшилище, которое принимали за биржевую панику, оказалось оборотнем; оно уставилось на свои жертвы холодным, немигающим, безжалостным оком мирового экономического кризиса.

И тогда затрепала компания «Кристи энд Твитчелл». Еще совсем недавно все было хорошо. А сейчас? Исчезли кредиты — и капиталистический мир лишился души, пропала деньги, и он стал синеть от удушья.

Однажды к Хэмфри примчался компаньон, бледный, с трясущимися, как у алкоголика, руками, непричесанный: — Скорее! Ради всех святых, скорее доверенность. Есть шанс кое-что спасти. Нужно связаться с «медведями»*. Мне нужен твой пакет акций и доверенность.

В этой просьбе не было ничего особенного. Бен всегда вел тонкие спекулятивные дела. Но на сей раз Кристи хитрил. Действительно, с помощью хитроумнейших комбинаций Кристи имел возможность спасти тысяч сто — сто пятьдесят. Надо только запутать «медведей» и их конкурентов «быков», играющих на повышение. И еще... придется принести в жертву пай друга. Но это нестрашно. В конце концов он, Кристи, выплатит ему из заработанной курсовой разницы долю, пропорциональную их капиталам. Соотношение их долей один к шести. Стало быть, Хэм спасет двадцать — двадцать пять тысконок. С ними можно начать все заново.

...Мистер Бенджамен Кристи искренне удивился, когда, блестяще проведя задуманную операцию и удержав в руках около ста тысяч на курсовой разнице, почувствовал, что джентльменские устремления его души пасуют перед голосом рассудка. А рассудок подсказывал, что глупо и неразумно выделять из жалких остатков своего капитала шестую часть. С чего, собственно говоря, начал сам Твитчелл? Он действовал как шантажист-рэкетир, буквально выколол две тысячи монет из людей, мирно приехавших

* «Медведи» — биржевые дельцы, играющие на понижение курса акций.

подышать свежим воздухом. Отцу, родному отцу, Хэм дал какую-то жалкую десятку! Бенджамен Кристи не отец Хэму и не сын ему. И право же, хватит Твитчеллу и тыщонки. Пусть еще скажет спасибо...

Переговоры между друзьями и компаньонами проходили в тягостной атмосфере.

— Походит на то, что меня водят за нос, Бен,— хмуро улыбнулся Хэмфри.— По справедливости мне причитается раз в двадцать больше.

Кристи с неподдельным ужасом всплеснул руками:

— Ты в своем уме, старина?! Да я и спас-то всего шесть тысяч. Джентльменский расчет — пропорционально вложенным и потерянными капиталам. Не то, что ты. Помнишь? Ловко ты ввернул тогда отцу десятку.

Хэмфри помрачнел.

— Бедный старик,— вздохнул он.— Тогда он не потерпел убытков. А вот нынешняя взаимная пожираловка... Послушай, Бен, я все понимаю. Выкладывай десять тысяч — и по рукам. Неужели ты и впрямь решишься проглотить меня, не пережевывая?.. У меня семья. Для большого ринга я уже не гожусь.

Кристи досадливо пожал плечами.

В конце концов Твитчелл не отказался и от тысячи. Уходя, он сказал вкрадчиво:

— Как бы тебе не подавиться, парень. Уж больно ты прожорлив.

Сказал — и осторожно прикрыл за собою дверь.

Кристи с облегчением перевел дух. Прозрачный намек друга не смутил его. Завтра океанский лайнер понесет Кристи по изумрудным волнам в прекрасную Бразилию — страну гитар и кофе, который ошалевшие от ужаса дураки жгут сейчас в паровозных топках, и если скупить хорошую партию зерен, переждать годок, другой... Нет, деловой мир еще услышит о Бенджамене Кристи.

Деловой мир услышал о нем на другое же утро. Среди потока сообщений о банкротствах, крахах и самоубийствах промелькнуло сообщение о том, что вчера ночью известный бизнесмен Бенджамен В. Кристи, находясь, очевидно, в состоянии крайнего нервного возбуждения, выбросился из окна шестого этажа отеля «Сан-Кристофер».

Узнав о безвременной кончине своего друга, Хэмфри долго ходил грозовой тучей. Деловые люди поражались,

почему это Кристи избрал столь неджентльменский способ сведения счетов с жизнью.

Через несколько дней Твитчелл покинул Сан-Кристофер. Вместе с женой и дочерью он решил обосноваться в веселом и перспективном городе Чечако. Жители его как-то попривыкли к пистолетным выстрелам, а о гангстерах и рэкетирах отзывались даже с некоторой долей уважения. Они относились к такой категории благоразумных хэппилендцев, которые уважают тех, кого боятся, и боятся тех, кого вынуждены уважать.

Еще не все было потеряно. Хэмфри Твитчелл твердо рассчитывал на уважение чечакцев. В его распоряжении было около четырех тысяч холлеров. Когда-то он начинал с меньшим капиталом. Упорный бизнесмен задумал создать небольшой рэкет-клуб, сообщество джентльменов, которые бы за умеренное вознаграждение оберегали жизнь, здоровье и имущество владельцев чечакских аптек от посягательств разных шарлатанов и вымогателей. Первые же переговоры принесли успех. Фирма Твитчелла стала завоевывать популярность. Дошло до того, что Хэмфри удостоился приглашения на завтрак к самому Роки Карнере — королю деликатного рода бизнеса, в коем пробовал сейчас силы Твитчелл.

За фунтовым бифштексом, жаренным без масла на раскаленной сковороде, мистер Карнера, лысоватый брюнет с нежными итальянскими глазами, заметил откровенно:

— Мне нравится ваша хватка, Твитчелл. Я человек деловой и не люблю дипломатической болтовни. Предлагаю вам войти в мой... хм... концерн. Не прогадаете.

Мистера Твитчелла покорило. С некоторых пор он и думать не мог о компаньонстве. Хватит с него Кристи.

— Я подумаю, — довольно неучтиво ответил Хэмфри.

— А если я не прошу, а настаиваю?

— Все равно, надо подумать!

— Что ж, прелестно, — согласился Роки Карнера, отодвигая от себя бокал с недопитым виски. — Думать полезно. Заодно подумайте и о многих других вещах. Например, об относительной слабости вашего основного капитала. Кстати, извините за нескромность, насколько мне известно, вы начали полезную деятельность в Чечако, имея в кармане смехотворно маленькую сумму. Что-то всего около четырех тысяч, не правда ли? Но меня поражает дру-

гое. Где вы их сумели наскрести? В Сан-Кристофере вам очень не повезло. Мистер Кристи обошелся с вами довольно подло. Впрочем, пожалуй, достойный джентльмен последнее время был не в себе. Ведь надо же! Перевести все деньги в Бразилию и оставить себе на дорогу всего пятнадцать холлеров двадцать пять сентов! Странно, не правда ли?

— Что вы хотите этим сказать?— Хэмфри стало не по себе.

— Я?— удивился мистер Карнера.— Об этом же писали в газетах. Бедный Кристи. Надо же было такому случиться? Все это потому, что он вечно думал о смысле жизни. Этак и свихнуться пустяк. Тому пример— мой добрый приятель Рой Коллинз. Вот уже четыре года он томится в местной психиатрической больнице. Вообразил себя бог знает кем. И мне это влетает в приличную монету. Одно только лечение Роя обходится ежемесячно в восемьсот холлеров. Одно только лечение!

Твитчелл не мог не обратить внимания на то, каким печальным голосом произнес мистер Карнера последние слова. Хэмфри отлично понял их глубокий смысл. И тем не менее упрямо взяло верх.

— И все-таки я подумаю,— пробормотал он.

— Конечно, конечно же!— успокоил собеседника джентльмен с улыбкой мадонны.— О деле думать не грешно. Я только взял на себя смелость предостеречь человека, которого я искренне уважаю, от излишнего напряжения духовных сил. Вспомните хотя бы вашего покойного сына. Как жаль, что он покончил с собой!.. К чему искать смысл жизни, если она не стоит даже пистолетного патрона?

Мистер Карнера горестно поджал тонкие интеллигентные губы и вдруг ошеломил Хэмфри:

— Ну так как, дорогой Твитчелл, вы что-нибудь надумали?

От неожиданности Хэмфри вскочил.

— Как?.. Что?— в смятении бормотал он.— Так скоро...

— Мы не в Конгрессе, collega. Пусть там занимаются болтовней, это их бизнес. Наше дело— проворно шевелить мозгами.

— Нет уж,— упорствовал Хэмфри,— думать так думать. И вообще, признаться, не по душе мне акционерные компании. Я уже однажды обжегся.

Хэмфри сказал бестактность. Благовоспитанный Роки

Карнера брезгливо поморщился, глаза его утратили то-ное выражение, и он холодно констатировал:

— Итак, мы договорились о том, что ни о чем не до-говорились. Хм... как жаль, что еще не наступил час коктей-лей! Впрочем, кое в чем я был неправ. Жизнь... Иногда жизнь стоит даже дюжины самых первосортных патронов. Но это уже крайняя цена.

Мистер Карнера оказался истинным джентльменом. Он обошелся с Твитчеллом гуманно, по-королевски. Дру-гой бы на его месте пристрелил Хэмфри как собаку, устро-ил конкуренту автомобильную катастрофу, сожрал с по-трохами. Роки Карнера предпочел иное — он воззвал к Закону. Через неделю после памятной беседы шериф с дю-жиной полисменов устроил засаду в одной из аптек, и Хэмфри Твитчелл предстал перед судом. Среди свидете-лей защиты выступал Роки Карнера.

— Ваша честь, господа присяжные, — заявил он с чув-ством. — Мне бы хотелось кое-что сказать в судебном за-седании по делу «Народ против Хэмфри Твитчелла». Возможно, обвиняемый и занимался вооруженным вымо-гательством. Но что толкнуло этого несчастного на печаль-ную стезю? Во многом повинны сами аптеки и их владель-цы. Разве наши аптеки торгуют только лекарствами? О нет! Они превратились в универсальные магазины и бар-ры. Человек заходит в аптеку за патентованным средством от головной боли, а ему предлагают там головную боль в виде объемистого стакана с виски. Посетитель умоляет дать мозольную мазь, а ему вместо мази или вместе с мазью суют консервированное пиво! Согласитесь, джентль-мены, — виски в сочетании с пивом не может не вывести человека на тернистый путь греха. И именно это и случи-лось с обвиняемым, в прошлом весьма достойным джентль-меном, потерявшим все свое состояние во время недавних финансовых катаклизмов, которые, впрочем, все еще про-должаются на радость социалистам. Да-да, господа! Со-циалисты проповедуют всеобщее право на бедность. И в этом смысле обвиняемый является жертвой социалистов. Мы не можем не учитывать этого предостерегающего об-стоятельства. Ведь на нашем знамени начертаны святые слова: «Равные возможности, равное право». Разумеется, он действовал, так сказать, своеобразно. Но ведь виски с пивом даже закоренелого скромника толкают на эксцен-тричные поступки. И поэтому, будь я присяжным, я бы

без колебаний вынес справедливый вердикт по делу Хэмфри Твитчелла: «Виновен, но заслуживает снисхождения».

Речь мистера Карнеры произвела впечатление. Хэмфри Твитчелл отдался пятью годами тюрьмы. И как знать, что бы случилось за это время с его женой, не прояви гуманный Роки о ней заботы. Пять лет он поддерживал миссис Твитчелл материально и морально. Только такая грубая натура, как Хэмфри, не смогла по достоинству оценить доброты Роки Карнеры. Выйдя из тюрьмы, Твитчелл с каким-то болезненным наслаждением третировал жену. Он любил выведывать детали ее одинокой жизни и впадал в ярость, когда ему намекали на эти детали. Вообще с ним произошло что-то неладное — пятидесятилетний мужчина, который мог бы еще преуспеть в делах, вдруг капитулировал перед Судьбой. Переехав в Нью-Бэрдок, он устроился сторожем в порту и вместо активных действий мечтал о богатстве, словно восьмилетний мальчуган. Старина Хэмфри слонялся по мусорным свалкам в надежде обнаружить там клад, на улице он напряженно смотрел себе под ноги, мечтая найти бумажник. Затем его одолела мания выдать дочь замуж за миллионера и этим поправить дела. Поэтому старик Хэм терпеть не мог Генри Спарроу, отпугивавшего, по мнению Твитчелла, от Джейн миллионеров и миллиардеров. Наконец у полусвихнувшегося старика созрел реальный план: он решил застраховать миссис Твитчелл на случай внезапной смерти. Но пока Хэмфри собирался это сделать, случилось непоправимое — супруга его скоропостижно скончалась.

Бедный старик заболел от горя. Тихо бурча себе что-то под нос, Хэмфри Твитчелл с угрюмым видом сидел день-деньской в сторожевом автокаре, объезжал вверенные ему склады и стрелял без предупреждения.

Вот каков был папаша у Джейн Твитчелл. Не мудрено, что он пришел в бешенство, услышав сообщение капитана Ли об отказе упряма Генри от богатства.

ШТУРМ

Пока Спарроу объяснял Джейн, почему он отказался от заманчивого предложения капитана Ли (и выслушивал ее упреки), старик Твитчелл сидел у себя дома как на иголках.

Час спустя, он уже тяжело шагал по тротуару. Мозглый ветер гонял обрывки газет, швырял в лицо пылью, мелкий вьедливый дождик пробирался за воротник ветхого пальто. А старик все шагал и шагал, по привычке угрюмо глядя под ноги.

Решетчатый люк подземки пахнул на него душным жаром. Твитчелл подумал было о том, что следовало бы воспользоваться подземной электричкой, но досадливо отмахнулся. Электричка! До госпиталя всего полчаса ходьбы. Не стоит тратиться.

Бумажника старик опять не нашел. Зато возле самого госпиталя, поскользнувшись на банановой кожуре, упал и, поднимаясь, обнаружил на шершавом гудроне погнутую двадцатипятисентовую монетку. Это показалось ему добрым предзнаменованием.

Хэмфри пришел в самый раз. Переговоры между его дочерью и Спарроу, по-видимому, зашли в тупик. Джейн всхлипывала и осторожно промакала слезы платочком, Генри, облаченный в рыжий госпитальный халат, хмуро вертел в руках конец пояса. Молодой человек глянул на вошедшего. Да... с годами его будущий тесть не стал привлекательней. Горилла, тщетно пытающаяся улыбнуться. Господи, что за рожа? Еще, что ли, разок ему съездили в переносицу? Совсем провалился нос!

— Привет, сынок!— просипел старик с наигранной веселостью.— Как дела, влюбленные голубки, чего приуныли?

Джейн всхлипнула:

— Он отказывается, па. Понимаешь, наотрез отказывается! Он не любит меня. Ни капельки не любит!

— Люблю,— отозвался из своего угла Генри.— Потому и отказываюсь.

Старик прищурил единственный глаз. Помолчал. Затем он взял с тумбочки термометр и деловито сунул его будущему зятю в рот. Генри вяло выплюнул термометр. Огрызнулся:

— Старо. Так острили еще пираты, ваши родственники.

— Хватит, парень. Я пришел к тебе не для того, чтобы вести научные споры. Скажи-ка лучше, когда ты думаешь приступить к работе с молодчагой Ли? Он согласен кое-что выправить в своем писании и все такое.

Генри отрицательно качнул головой.

— Ты это серьезно? — забеспокоился старик.

— Вполне. — Генри решительно посмотрел на Твитчелла. — Строить благополучие на позоре, оскорблять память боевых товарищей...

Старик иронически рахохотался. Утираясь грязным платком, сказал:

— Позор!.. Память! Все это красивые слова. Коммунистические штучки. Позорно быть дураком и выпускать деньги из рук. Мир так уж устроен — надо любить ближнего, не спорю. Весь вопрос — как его любить? Пожалуй-ста, испытывай к ближнему такие же нежные чувства, как к хорошему куску жареного мяса, когда ты зверски голоден. О какой памяти ты толкуешь? Друзьям твоим не холодно и не жарко. Их нет.

— Не к чему спорить. Я твердо решил.

— Нет-нет! — рявкнул Хэмфри. — Давай поспорим. Я прихватил с собой убедительные аргументы. Моли бога, чтобы я не пустил их в ход. Ты воображаешь, что если мне стукнуло шестьдесят и из меня начинает сыпаться труха, то я уж и вовсе ни на что не годен? Черта с два. Сдается мне, парень, ты повелся с коммунистами. Долг, память — это из их репертуара.

Спарроу усмехнулся, спросил не без юмора:

— Вам-то к чему ненавидеть коммунистов? На ваши капиталы они не зарятся.

Единственный глаз старика налился кровью:

— Я... я, — захрипел Хэмфри. — Ненавижу их!.. Да, я нищ и гол. Что с того? Но я был богатым и сильным. Я хочу, хочу быть вновь богатым. А коммунисты отнимают у меня даже мечту о миллионах. Отнимают! Да! Отнимают! Понял? Это они вбили тебе в башку всякую блажь... Представь только!.. Один твой росчерк — и у нас все: дом, автомобиль, бизнес, власть. Доверься мне, я научу тебя делать деньги. На гонорар от книжонки я заверну такое дельце... Подумай о Джейн...

— Ах, па! — со страдальческим видом произнесла Джейн. — Какое ему дело до меня?!

— Джейн... — начал было Генри, но старик Твитчелл перебил его. Вытащив из кармана листок бумаги, он сказал тоном, не предвещающим ничего хорошего:

— Вот... тот самый листочек. Капитан Ли просил повлиять на тебя. Бери и расписывайся.

Генри отвернулся.

— Ну-ну!— тяжело выдохнул старик. Щеки его приобрели фиолетовый оттенок, дышал он, как загнанная лошадь.

— Послушайте,— Спарроу старался говорить сдержанно, но у него это плохо получалось.— Запомните раз и навсегда: никакой я не коммунист, я просто честный человек и считаю, что можно делать бизнес честными путями. Никаких проходимцев, вроде мерзавца Ли, я знать не хочу. Все. Я сказал!

— Щенок!— словно в беспамятстве прошипел старик. Мысль о том, что последний шанс обрести богатство уплывает из рук, наполнила его голову кровавым туманом.— Честность, честность! Заладил... Единственное, что ты можешь заработать честным путем, так это двадцать лет каторги. Задумал погубить старого Твитчелла?! Да? Щенок! Ты хочешь убить меня?.. А коли меня убивают, я вправе защищаться. Ссс-ейчас-с... я угощу тебя... Сейчас...

Старик полез в карман, запутался в больничном халате, чертыхнулся. Джейн бросилась к отцу.

— Назад!— заорал Твитчелл, яростно сдирая с себя халат.— Убью!..

Генри напряженно следил за ним, он даже подумал, что нечего ждать, пока взбесившийся старикан пустит в ход свой последний аргумент, и шагнул вперед. Но в это время Хэмфри вдруг с ужасом глянул на Генри, словно увидел привидение, и так и не достав ничего из кармана, протянул вперед руки, хватаясь за воздух, и с грохотом опрокинулся навзничь.

Вызвали дежурного врача. Попыхивая сигаретой, он почему-то с особым усердием принялся поглаживать двухдневную щетину на подбородке старика, молча улыбавшегося ему странно перекошенными губами, и с чувством профессиональной удовлетворенности поставил диагноз:

— Правосторонний паралич.

НА СОРОКОВОЙ МИЛЕ

«Сию минуту, сэр». «Да, тридцать галлонов заправлено, сэр». «Разумеется, высокооктановый бензин». «Наша компания гарантирует». «Благодарю вас, сэр. Желаю вам счастливого пути...»

Вот уже пять лет наш герой честно делает бизнес в качестве заправщика бензопрофилактической станции «Норт Хэппиленд. ойл компани». Мистер Спарроу теперь уже тридцатилетний мужчина с несколько поблекшим румянцем и намеком на лысину не мог жаловаться на судьбу. Жизнь сложилась у него, если не блестяще, то уж во всяком случае гораздо удачной, чем у многих.

...Выйдя из госпиталя, Спарроу отправился к представителю «Норт Хэппиленд ойл компани», и тот любезно предоставил ему место на бензопрофилактической станции, расположенной в сорока милях от Нью-Бáрдока. Это вполне устраивало молодого человека. Он любил природу, уединение и рад был случаю вырваться из железобетонных катакомб. И хотя Генри родился в этом городе-муравейнике, прожил в нем без малого двадцать пять лет, он никак не мог привыкнуть к бессмысленному, неумолимому ритму жизни. Галдящие, жующие, толкающиеся толпы ньюбардокцев представлялись Генри стадами овец, лишенными биографий, чувств, рассудка, упрямо спешащими под нож мясника. Густые вереницы людского месива, облепившие эскалаторы подземной дороги, напоминали ему фарш, непрерывно выползающий из дырчатых недр гигантской мясорубки. Временами Генри становилось страшно — так равнодушно, апатично пережевывал громадный город миллионы жизней. Упершись своими тысячью головами в облака, этот ненасытный пожиратель размеренно жевал, жевал и жевал, флегматично извергая уже пережеванное на свалки, которые несмышленные мураши-люди церемонно и торжественно называют крематориями, кладбищами, усыпальницами.

* * *

За городом Генри ожидал приятный сюрприз. В двух милях от бензостанции он увидел яркий рекламный щит.

На бензопрофилактической станции
«Норт Хэппиленд ойл компани» Ваш автомобиль
заправит горючим герой минувшей войны
м-р Генри Д. Спарроу. Желаете узнать
подробности? Приглашаем на 40-ю милю.

«Оперативно, ничего не скажешь, — довольно усмехнулся Генри. — То-то меня просили сразу приступить к рабо-

те. Предприимчивые ребята». Как истинный хэппилендец он был неравнодушен к паблисити — рекламе.

— Черт возьми! Вот здорово! — воскликнул Генри, когда рейсовый автобус, мчавшийся по широкой автостраде, проскочил поворот и подкатил к изящному сооружению из стекла и стали. На фронтоне его нервно вздрагивали огромные неоновые буквы «НХОК».

Вокруг бензостанции простирались поля, устланные серебристым снегом, вдали виднелся лесок, из которого выбегала застывшая на зиму лента речушки. Неподдалеку от станции высилось ультрасовременное трехэтажное здание с разноцветными жалюзи на окнах; оно не имело фундамента и покоилось на тонких колоннах. Казалось, здание висит в воздухе. На его фасаде блестели неоновые буквы: «Форчун». Поодаль расположились в строгом порядке домики-близнецы со скошенными крышами.

Генри взял чемодан и выбрался из автобуса.

— Кажется, я угодил в рай, — произнес он вслух.

— Хелло, Генри! — послышалось вдруг. К молодому человеку семеня на коротких ножках приземистый крепыш в драповой куртке на молнии и полуспортивной фуражке с большим козырьком. На фуражке поблескивали хромированные буквы «НХОК». Крепыш подскочил к Генри и, хлопнув его по спине, объявил: — А я — Нил Астор, заправляю этой стеклянной посудинкой. Здорово. Если не хочешь быть нокаутированным, советую слушаться меня, как самого господ бога.

Нил оглушительно захохотал и опять хлопнул Генри по спине.

— А теперь шагом марш знакомиться с моей сворой. Бьюсь об заклад, ты не пожалеешь, что приехал сюда. Тебе сколько лет, Ген?.. Двадцать пять?.. Мальчишка! А мне уже сорок три. Я ведь тоже ветеран. Плавал на военных транспортах. Топили меня кочерыжки* восемь раз. А я не утоп. Назло. Пожертвовал им лишь свои буйные кудри. Однажды три недели плавал на ящиках с консервированным бэконом. Три недели плавал на жратве и без жратвы. Как это тебе нравится? Вот и облысел.

Мистер Астор оказался редкостным говоруном. Пока они шли до станции, Нил успел сообщить уйму всячины. Он даже умудрился рассказать удивительную

* Кочерыжки — прозвище немецких фашистов.

историю владелицы кэмп «Форчун» — гостиницы для туристов миссис О'Брайен.

Миссис О'Брайен рано потеряла мужа и страшно бедствовала. А тут еще заболел трехлетний сын. Доктор прописал ему усиленное питание. Питание! Где взять денег? Чтобы хоть как-нибудь подкормить сына, миссис О'Брайен разыскала в недрах прабабушкиного комода рецепт изготовления очень вкусного и питательного хлеба. Рецепт этот ее предки привезли еще из Ирландии. Миссис О'Брайен изготовила несколько хлебцев. Сын попробовал и пришел в восторг.

Пришел врач. Тоже попробовал хлеб. Похвалил и попросил буханку.

Вскоре в городке Холли-Рок заговорили о хлебе миссис О'Брайен. Стали приходиться заказчики. Пришлось открыть небольшую пекарню. А через год миссис О'Брайен, прихватив несколько буханок, поехала в большой город к владельцу крупных пекарен. Тот попробовал угощение. Изумленно уставился на миссис О'Брайен.

— Восхитительно! — промолвил он.

Мистер Астор придержал молодого человека за локоть.

— Вот и все. Тот тип взял ее в компанию. А через семь лет она продала свою долю за три миллиона, отгрохала эту каланчу и живет себе припеваючи. Как это тебе нравится?

— Очень! Эта историяшний раз подтверждает, что в нашей стране возможен честный бизнес.

— Ха! Ты, оказывается, теоретик. Славно! Однако мы пришли.

— Знакомьтесь, ребята, с голубоглазым ангелом Генри Спарроу, героем войны.

«Свора» Нила Астора оказалась немногочисленной. Двое механиков — совсем еще юноши лет по девятнадцати-двадцати; среди «ребят» оказалась и молоденькая девушка с большими карими, немного испуганными глазами. Из-под форменной фуражки ее выбивались темные шелковистые завитки.

— Джесси, — коротко представился долговязый нескладный паренек с огненно-рыжим «ежиком», веснушчатый и угрюмый.

— Джесси-молчальник, — откомментировал Нил. — Обожают копаться в автомобильном брюхе, свободное время убивает на бейсбол. Хороший парень. Но, кажется, его

забыли выучить говорить. Все помалкивает. А его приятель Тед — тот другой породы. Мастер почесать языком. Несмотря на скромный вес, неплохо играет в американский футбол. Кончит, конечно, тем, что во время матча ему свернут шею. За болтливость.

Ладный, словно вылитый из резины, черноволосый паренек с улыбочивым, востроглазым лицом протянул Генри руку и беззлобно пояснил:

— Но прежде свернут шею, разумеется, мистеру Астору. Иначе, где же справедливость? Он не закрывает рта почти столетия. Рад познакомиться, мистер Спарроу. Примите извинения. Наш шеф допустил бестактность. Ему следовало бы прежде всего представить даму. Познакомьтесь: Мистер Спарроу... мисс Кэтрин Стиклз. Наша станция обслуживания автомобилей обязана своей идеальной чистотой таланту и усердию мисс Стиклз. А посмотрели бы вы, как она классно моет автомобили!

Генри осторожно пожал руку девушки.

— Прошу обращаться с мисс Стиклз особо почтительно, — продолжал Тед. — Что бы там ни говорили, она состоит в родстве с особой чуть ли не королевских кровей...

— Обокрал! Ограбил, негодяй! — застонал Нил, картинно обхватив руками голову. — Из-под носа выхватил, не дал мне ошарашить новичка.

От удивления Генри отступил на шаг. Кэтрин пояснила:

— Эти нахалы пользуются моей незащищенностью и позволяют себе подтрунивать над одинокой девушкой. Вот погодите, вернется из Европы Гордон, он вам всем выпьет. Сполна рассчитается, — стрелчатые ресницы Кэтрин дрогнули, на чуть припухших губах сверкнула хитрая улыбка.

Общими усилиями обитатели заправочной станции рассказали Генри удивительную историю мисс Стиклз, волею судьбы породнившейся с особой чуть ли не королевских кровей.

Через несколько дней после окончания войны лейтенант Гордон Стиклз познакомился в парижском ресторанчике с венгерской герцогиней или графиней. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Поженились. Через месяц, однако, вскрылось печальное обстоятельство. Гордон изображал из себя заокеанского «миллионера» — уж очень ему хотелось породниться с разными герцогами, князьями и графами.

Едва знатная особа раскусила, кто в действительности

ее муж, она подняла ужасный крик. Чисто королевским жестом она показала Гордону на дверь, хотя квартиру снимал он, и объявила, что лучше умрет, но не будет жить с гнусным обманщиком, запятнавшим ее честь... Неизвестно, чем бы кончилась эта драматическая сцена. Но в самый трагический момент раздался стук в дверь — явился полицейский комиссар с детективами, предъявил ордер на арест и объявил с чисто французской галантностью:

— Очень сожалею, мадам, но печальная обязанность вынуждает меня сопроводить вас в полицейское управление.

Как выяснилось на суде, «особа почти королевских кровей» зарабатывала на жизнь различными аферами и торговлей наркотиками.

Гордон был безутешен. Еще бы! Стать всеобщим посмешищем. Тесть Гордона, высокий, породистый мужчина в форменной фуражке водителя такси, до того не подававший никаких признаков жизни (супруга Гордона утверждала, что ее родители погибли в коммунистических застенках), вдруг срочно воскрес и зачастил к зятю. За некоторую толику франков он уговаривал Гордона не падать духом, уверяя, что полтора года тюремного заключения пролетят как миг и Илонка вернется к его очагу.

Запихивая франки в бумажник, породистый тесть Гордона в заключение обычно изрекал такую, немного выспреннюю тираду:

— Поверьте, мон шер, мое сердце не меньше вашего обливается кровью. Двенадцать веков взирают на трагедию нашей семьи. Род Миндсенти умел и, я бы сказал, любил сидеть в тюрьме. Впервые мы томились еще при короле Стефане Первом Арпаде. Девятьсот с лишним лет назад. Да-с! За пьянство, вызванное политическими разногласиями. Затем мы томились в застенке за отказ от участия в битве при Мохаче. За это нас обласкали победители турки. Да-с. Сулейман Великолепный, турецкий султан, приблизил к себе моего пращура Тихи Неистового. К сожалению, два года спустя Тихи застигли в султанском гареме. В темницу, правда, его не посадили. Его сделали евнухом. Но быть евнухом, согласитесь, все равно, что сидеть в тюрьме. Да-с. Мы много и подолгу сидели. Илонка — жертва семейного темперамента. Сколько раз я ей говорил: «Дочь моя! Гордись своими предками, но будь благоразумна. Неблагодарная чернь выгнала нас из

фамильных замков на чужбину. Здесь нельзя действовать опрометчиво. Главное — следы за внешностью и умненько делай... как его... бизнес».

Маститый Миндсенти аристократично сморкался и заканчивал:— Вы тоже виноваты, мон фис. Какого дьявола вы не миллионер?! Хм... Не найдется ли у вас рюмки старого токайского?.. Тогда не старого... Ах, виски? Ладно, давайте это пойло. Только не в рюмке, а в стакане.

Гордон Стиклз поспешил демобилизоваться и уехал в Тегеран, подальше от родственников почти королевских кровей. В Тегеране, на Топхане, он открыл антикварный магазин — скупает и перепродает туристам старинное оружие. Работа хлопотная, приходится непрерывно ездить — в Тебриз, Хой, Маку, Исфаган, Кум, Бендер-Шахпур, Резайе, жариться под солнцем, мерзнуть на Ардебильском перевале, мокнуть под проливным дождем, отбиваться от одичавших и голодных иранских солдат, забытых начальством на турецкой границе. Но Гордон не унывает. Он твердо верит в свою звезду и надеется через пять-шесть лет вернуться в Хэпиленд с приличным капиталом.

— А пока,— завершил рассказ Нил,— его сестренка наводит глянец на нашу стеклянную банку с вывеской «НХОК», моет машины и содержит совместно с мамашей Джесси-молчальника и говоруна Теда. Ты, Генри, кажется, станешь третьим. Насколько мне известно, оба скопи-дома в целях экономии живут вдвоем в одной комнате, а домик покойного старика Стиклза насчитывает три комнаты. Кэтрин, подумайте над моим предложением. Вам есть смысл потесниться.

ЧЕСТНЫЙ БИЗНЕС

И начались счастливые дни.

Летели месяцы, годы. Генри прилично зарабатывал, к тому же первые три года он получал пособие как ветеран, геройски сражавшийся с врагом. Кое-что удалось откладывать в банк. На пятьсот холлеров Спарроу приобрел акции «НХОК», получал дивиденды в размере четырех с половиной процентов и таким образом превратился в совладельца огромной нефтяной компании.

Жили дружно. Мать Кэтрин, подвижная, не утратившая еще миловидности брюнетка, заботилась о трех по-

стояльцах как о родных сыновьях. Джесси, Тед и Генри жили на всем готовом. Им не приходилось ломать голову даже в тех случаях, когда надо было отпраздновать рождество или День Независимости Хэппиленда. Обо всем этом хлопотала миссис Стиклз. Спарроу приобрел в расрочку недорогой автомобиль, и стало совсем весело. Постепенно Генри стал забывать о Джейн. Лишь однажды, весной тысяча девятьсот сорок шестого года, приехав в Нью-Бáрдок по служебным делам, он решил навестить знакомый обшарпанный дом на сотой улице.

Хозяин дома — опухший мужчина в мятой рубашке — сказал:

— Эге, спохватился! Старик Твитчелл протянул ноги в феврале, а девчонка его переехала куда-то. Говорят, пошла в гору. Пляшет в ночном кабаре. Как его... ага! В стриптизе выступает, стало быть. Понял? Танцы с раздеванием. Вертит задом и гребет деньгу. Деловая девчонка, вся в папашу. Только не везло ему в последнее время...

Генри не дослушал и пошел прочь.

...Исподволь бежали дни, месяцы, годы. Первое время клиенты донимали Спарроу расспросами о его воздушном подвиге. Но со временем интерес к его дуэли с фон Раковым увял.

«Да, сэр», «Сию минуту, сэр», «Благодарю вас, счастливого пути, сэр»...

Года через четыре мистер Спарроу почувствовал смутное беспокойство. Долго занимался самоанализом и вдруг понял: Кэтрин смотрит на него влюбленными глазами. А он-то, дубина, ничего не замечал! Кэтрин удивительная девушка. Но что он может ей предложить, кроме руки и сердца? Томительную, как конвейер, жизнь, состоящую из мелких радостей, до отказа заполненную навязшими в зубах фразами: «Да, сэр», «Машина заправлена, счастливого пути, сэр!»

Мистер Спарроу решил отличиться — у него созрел замечательный план обогащения честным путем. Битых полгода штудировал Генри столбцы светской хроники в газетах, зубрил какие-то цифры в иллюстрированных журналах. Он так увлекся этим занятием, что не принимал даже участия в дискуссиях по поводу таинственных «летающих тарелок», которые, по намекам прессы, запускали русские коммунисты, и многочисленных статей в газетах и журналах о происках коммунистов внутри страны. Сен-

сационная вестъ об экспериментальном взрыве в Россіи атомной бомбы, потрясая всех хэппилендцев, отвлекла Генри от его страннаго занятія минут на пятнадцать не болѣе.

На вопросы изумленных сослуживцев, — не сошел ли он с ума? — Генри только отмахивался.

— Скоро узнаем, кто из нас сумасшедший.

Генри хорошо знал, что делал. В марте будущаго года должен состояться Большой квиз. Квиз — это своеобразная викторина. Надо явиться в студию телевидения, быстрее и точнее конкурентов ответить на ряд каверзных вопросов. Если захватить первый приз Большаго квиза — получишь десять тысяч холлеров. С такой суммой можно серьезно подумать о семейной жизни.

Об этой затее знала лишь Кэтрин. Особых надежд на успех она не возлагала, но всячески поддерживала боевой дух Генри. А что оставалось делать? Письма от брата приходили все реже и реже, дела его, по-видимому, шли неважно. Да Генри и не согласился бы принять помощь. С его-то щепетильностью! А Большаго квиз — это все-таки кое-что. Выигрывают же люди в лотерею.

Приближалось знаменательное воскресенье. Накануне Генри дежурил. Автомобилисты давным-давно перестали ему докучать просьбами рассказывать о знаменитом сраженіи. Каково же было его удивленіе, когда к их станціи мягко подкатил сияющій лаком и хромом «кадиллак» и из него выбралась компания немцев туристов. Они с любопытством уставились на Спарроу. Две немки, пышнотелые и аппетитные, как молочные поросята, пялили на него прозрачные глаза. Мужчины в шляпах с петушиными перьями на затылке механическим шагом подошли к Генри. Один из них, зажав в немигающем остекленевшем глазу монокль, спросил на ломаном англійском языке:

— Вы есть мистер Спарроу?

— Да, сэр, — привычно отозвался Генри. — Что прикажете? Заправить горючее? Проверить тормозную систему?

Немец с моноклем досадливо махнул рукой:

— О нет! Мы все имейт. Мы хотим слушать, как вы схватились с знаменитый немецкий ас фон Раков.

Генри привычно отбарабанил надоевшую ему исторію. Немки восторженно заохали, немцы горделиво, как верблюды, жевали губами. Турист с моноклем что-то выкрикнул по-немецки, засмеялся. Из «кадиллака» вылез еще

один пассажир. Пораженный Спарроу узнал в нем Бруно Елиннека.

Доктор неприязненно покосился на Генри, унылая физиономия его выражала досаду, на кончике длинного носа повисла мутная капля.

Не поздоровавшись, доктор Елиннек проскрипел:

— Опять я из-за вас, Спарроу, просадил двести холлеров. Мой родственник со стороны жены поспорил, что вы ничего не прибавите в истории с воздушной перестрелкой. Он уверял, что вы — примитивист. Я же рассчитывал на вашу предприимчивость...

— Ну, знаете ли!..

Немец с моноклем приподнял шляпу:

— Очень рад знакомися... Фридрих фон Раков.

Спарроу показалось, что он ослышался.

— Да, вы правильно слушаль. Я Фридрих фон Раков. Я помог получить вам известность, наград.

Генри ошутил в коленях противную дрожь. В голове застучали молоточки, они били по затылку, по вискам.

— К-как?!— задохнулся Спарроу.— Фон Раков... Пират! Разве вы не заработали веревочной петли?

Фон Раков выронил монокль.

— Руих!.. Тихо!— гаркнул он казарменным басом. Правый глаз нациста округлился от бешенства, левый по-прежнему пребывал в бессмысленном остекленении.

— Ви есть не джентльмен. Ви разворотил мне через глаз затилок, но я соображай умнее вас. Война давно нет, все забываль.

— Все забыто?! Не выйдет, нет!— У Генри сжались кулаки.

— Да, все забываль!— продолжал орать нацист.— Умные люди это понимают. Мы — германцы — опора свободного мира в Европ. А ви не есть умный. Ви обязан меня обслужить, а если нет — вас будут вышвыривайт вон... Нател... Нател один холлер, вы его честно заработаль.

Как ни странно, но безобразная речь фон Ракова развеселила Генри. Он ответил с любезной улыбкой:

— Прошу прощения, герр фон Раков, но я не могу принять платы за рассказ. Он входит в обслуживание. Мы взимаем по тарифу за заправку автомобилей. Когда же нам приходится заправлять мозги клиентам... Это мы делаем бесплатно. А уж коли вам хочется сделать мне при-

ятное, подарите мне, пожалуйста, сувенир. Уверяю вас, я его буду хранить как зеницу ока.

— Вас?— механически спросил нацист.— Что давать?

— Подарите мне ваш левый глаз.

Едва «кадиллак» с возмущенно галдящими немцами откатил от станции, она задрожала от хохота.

— Ну и отбрл ты его, парень!— надрывался Нил.— Вот так потеха!

Генри Спарроу долго еще стоял, сжав кулаки, и повторял как молитву.

— Боже мой! Где же справедливость?

БОЛЬШОЙ КВИЗ

Провожая Генри в Нью-Бáрдок, Нил сказал, вертя в руках форменную фуражку:

— Желаю успеха, Ген. В сущности говоря, мы давно догадывались, к чему ты, старый лис, зубрил всякую чушь. Ровно в шесть часов вечера мы будем торчать возле телевизора, и помни: такие яростные больельщики, как персонал нашей бензостанции, не снились даже знаменитому футбольному клубу «Бойс-Робберс».

Растроганный Генри поблагодарил друзей за заботу и отправился в путь. Сердце его гулко колотилось о ребра, не давало сосредоточиться. Пришлось сбавить скорость. Мистер Спарроу катил в своем автомобильчике, также бессознательно управляя рулем, как лунатик, не ведающий, что творит, слоняется по карнизам многоэтажного дома. Он не заметил, как миновал предместье Нью-Бáрдока, и опомнился лишь возле огромного решетчатого моста, едва не валетев на полицейский мотоцикл.

— Эй!— заорал полисмен.— Какого черта вам вздумалось выскочить на противоположную сторону дороги?

— Простите, сэръ... Я нечаянно,— лепетал Спарроу.

Испуганный полисмен не унимался:

— Простите! Вы думаете этим отделаться? Дудки! Поедете со мной. Я подозреваю в вас самоубийцу, опасного для общества. Развелось разных субчиков! Типов, подобных вам, терпеть не могу. Вчера один выскочил с семнадцатого этажа, уколошил двух прохожих, а сам — заметьте это!— был доставлен в больницу в тяжелом состоянии. Как вам нравится? Его могли бы еще спасти.

Мистер Спарроу попытался задобрить разбушевавшегося блюстителя порядка:

— Каков негодяй! Неужели отправил на тот свет сразу двоих?

— Еще как! Прямым сообщением. И какая наглость! Едва пришел в себя, стал умолять спасти ему жизнь. Вот ведь фрукт. В карманах у него, разумеется, гулял ветер. Привезли в одну больницу — без залога не принимают, отправили во вторую — та же история. Пока догадались обратиться в богадельню для неимущих, он дух испустил. Каков, а? Вы, случайно, не из его компании?

— Что вы! — Генри замылся. — Просто я несколько взволнован. Хм... Видите ли, я еду... хочу участвовать в Большом квизе.

Полисмен присвистнул, лицо его подобрело.

— Это меняет дело. Разумеется, у вас сейчас мозги набекрень. Рассчитываете отхватить десятку, не так ли? Что ж, катите дальше, но если по дороге раздавите больше дюжины пешеходов, меня станут мучить угрызения совести.

Полисмен, как видно, не был лишен чувства юмора.

Пробившись к центру города, мистер Спарроу пожалел, что не догадался оставить автомобиль где-нибудь на окраине Нью-Бáрдока, а оставшийся путь проделать на подземке. Целые стада нетерпеливо фыркающих автомашин забили улицы. Двигались они черепашьям шагом, и пешеходы на узеньких тротуарах без труда обгоняли могучих красавцев, в которых бессильно клокотали сотни лошадиных сил. Чтобы как-то скоротать время, мистер Спарроу стал разглядывать улицу. Увы! Ничего интересного: на углу скелетообразный кликуша что-то кричит и размахивает флагом «Армады спасения», наверно, прочит что-нибудь вроде конца света; чинно прохаживается бородатенький интеллигент в очках, на груди плакат: «Специалист по санскриту согласен на любую работу»; в витрине мебельного магазина красавец с усиками ниточкой нежится в необъятной кровати, курит сигарету и потягивает из тонкого бокала вино. Ничего особенного, будничная картина.

Зато соседняя витрина привлекала внимание. Предприимчивый торговец демонстрировал гипсовую копию Венеры Милосской, облаченную в нежно-голубое нейлоновое белье. Отличная идея! Каждой женщине хочется выглядеть богиней.

Венера с античным бесстыдством выставляла напоказ свою безрукую, слепую красоту. Далеко-далеко, в мрачной, прокопченной временем глыбе парижского Лувра божественные линии ее мраморного тела вызывают священный трепет. А здесь, в витрине, обдуаренные формы богини будят конкретные, земные чувства. И за них надо платить.

С математической точностью рассчитал все пройдоха торговец.

...Защевелилось, зафыркало автомобильное стадо, улучив момент, ринулось вперед по дну железобетонного каньона, расползлось по боковым ущельям. Генри выбрался, наконец, на широкую автостраду и выжал газ. Теперь держи ухо востро. Полиция здесь строго следит за скоростью. Если не хочешь иметь неприятностей, нельзя сбавлять скорость меньше, чем до пятидесяти миль в час.

Пятнадцать минут гонки... Сердце мистера Спарроу екнуло: он увидел огромный брус фиолетового льда, поставленный на-попа,— перед ним в лучах заходящего щедрого солнца сияло циклопическое здание радиотелевизионной компании «Н—Б бродкастинг систем».

Вот он — Храм Эфира, владычествующего над десятками миллионов людей, покорных подданных империи Великого Эфира. Сколько часов, сколько дней провели они, за гипнотизированные огромным мерцающим глазом. Этот глаз извергает потоки ужасов и пошлости, а подданные только потеют, чертыхаются и... вновь тянутся к магическому оку.

Генри подогнал автомобильчик к автомату-сторожу, включил его и поспешил в храм. В холле его встретил тучный мужчина:

— Вы проходили отборочные испытания?

— Да. Вот удостоверение. Я попал в финал.

— О'кэй! Девятнадцать участников уже налицо. Вы последний, двадцатый. Хорошая примета. Вы — двадцатый, и все произойдет на двадцатом этаже. Спешите!

Скоростной лифт вознес Спарроу ввысь. В репетиционном зале нервничали конкуренты. Сосредоточенно курял нескладный юноша, почти мальчик, в роговых очках со стеклами в палец толщиной; профессорского вида старик тоскливо жевал чуинг-гам, то и дело поправляя выпадающую вставную челюсть; девушка... бог мой! Да ведь это Джейн...

Джейн тотчас же узнала Генри. Походкой перезрелой красавицы, уже не рассчитывающей на естественный успех, она подошла к Спарроу.

— Ну, — с откровенным презрением процедила Джейн, — достукался? До квиза докатился? Хэ, размазня! А ты попробуй еще снимать звезды с неба и продавать их за алмазы. Очень выгодный бизнес. И еще можно — этот каприз тебе по плечу — добывать птичье молоко, крутить хвост комете, за приличное вознаграждение, разумеется. Главное — это честный бизнес. Ах, размазня, размазня!..

Злые, бессильные ручейки юрко заструились по ее грубо холенным щекам.

Генри во все глаза смотрел на свою бывшую невесту. Она по-прежнему походила на куклу. Но не на ту — чистенькую, бессмысленно ясноглазую, с удивительно свежим, прямо-таки звонким личиком. Нынешняя кукла-Джейн побывала, видать, в руках злых, бессердечных и избалованных детей. Таким куклам в припадке буйного веселья можно оторвать руку, ногу, голову и выбросить в мусорный ящик.

— Джейн, — пробормотал в смятении Генри. — Тебе очень плохо?.. Скажи мне, Джейн...

Джейн вдруг перестала плакать. Она улыбнулась — и Генри ужаснулся ее вульгарной улыбке. Она мстила ему.

— С чего ты взял, котик, что мне плохо? — произнесла Джейн тягучим похабным голоском. — Стриптиз меня всем обеспечивает. Дай бог тебе такой же жизни. А на квиз я пришла не из-за денег. Квиз — это для меня реклама. Понял, дурачок?

Генри отшатнулся, и Джейн, подчеркнуто небрежным жестом махнув рукой, завияла в противоположный угол зала. Мистер Спарроу машинально опустился в низенькое кресло, закрыв лицо руками. «Ну конечно же, ее давно выгнали из ночного бара. Она, наверное, голодает. Боже, какое ужасное ремесло! А ведь она могла жить в довольстве... Это все я... Я! Ради мертвецов. Боже!»

Кто-то тронул мистера Спарроу за плечо. Он открыл глаза. Перед ним склонилась худенькая женщина лет сорока. Лицо ее, пергаментно-желтое, исполосовали горестные морщины.

— Вам плохо? — спросила женщина.

— Мне? Нет, не очень, — смутился Спарроу.

— Ах так?.. А я подумала... Вот и чудненько... Вы не поверите, но я так волнуюсь!

Женщине надо было выговориться. Она уселась в кресло напротив Генри и доверительно зашептала:

— Из конкурентов я почему-то опасуюсь только вас. Именно вас и никого больше. Даже тот ученый старичок не вызывает у меня опасений.

Мистер Спарроу вяло улыбнулся, спросил:

— А вы зачем, собственно, здесь? Ради рекламы?

— Как можно?!— женщина суматошно всплеснула хилыми руками. Измученные, доверчивые глаза ее, глаза часто избиваемой собаки, испуганно уставились в лицо собеседника.— Я здесь ради дочери. Она тяжело больна. Если не сделать сложнейшую операцию, она умрет.

«Боже мой!— только и смог подумать Генри.— Боже! Что же это происходит? Если я выиграю приз, я — убийца!»

— Леди и джентльмены. Прошу приготовиться. Через пять минут начинаем,— раздался уверенный баритон.

Мистер Спарроу увидел тучного мужчину, которого встретил в холле. В зале возник взволнованный шумок. Независимой стайкой проплыла комиссия с хронометрами в руках. Затем, нервно покашливая и зевая, поплелись участники конкурса.

— Внимание!— крикнул ведущий, когда все расселись, и, сделав зверские глаза, вновь прокричал:— Тишина. Включаем эфир... Начали!

Освещенные юпитерами, меж которых медленно раскачивались телевизионные камеры, с тупым любопытством ощупывая своими бесцеремонными глазищами пришельцев, участники квиза глупо моргали, ежились, по лицам их заструился пот.

Тучный мужчина преобразился. Куда девалась его флегматичная физиономия. Сейчас он выглядел самым счастливым человеком на земле. Лысина излучала сияние, глаза сверкали, на ослепительную улыбку его больно было смотреть.

— Добрый вечер, уважаемые леди и джентльмены!— четко выговаривая каждое слово, затараторил ведущий.— Сегодня финал Большого квиза. Победитель получит десять тысяч холлеров чистоганом. Не правда ли, славная сумма? Тридцать тысяч хэппилендцев пожелали принять участие в состязании. В предварительных турах, которые

не транслировались, отсеялось двадцать девять тысяч девятьсот восемьдесят человек. В финал попало двадцать счастливых. Леди и джентльмены, всего только двадцать! Сейчас они разыграют приз. Кто же из двадцати счастливых окажется самым счастливым? Кто? Кто?!

Диктор умолк, будто подавился. Студию выключили из эфира. На экранах телевизоров замелькали рекламные кадры: показывался отснятый на пленку скетч: у мужа сильно потели ноги, красавица жена страдает, она дошла до последней крайности,— ищет любовника с запахучими конечностями. Любовник найден. Еще миг — и свершится грехопадение! Но вбегает муж, выбрасывает вон соблазнителя и торжественно протягивает жене флакон с патентованным средством против запотевания ног производства «Кэмикэл уоркс Марти энд компани».

— Это средство безотказно!— провозглашает муж, обращаясь не к жене, а к телезрителям.

Жена бросается в объятия мужа.

— Приготовились!— вновь заорал ведущий.— Продолжим наш конкурс, леди и джентльмены!..

Сначала провалился юнец в роговых очках. Он так волновался, что не смог даже назвать фамилию первого президента Хэппиленда.

Юнец схватился за уши и очень смешно убежал из студии.

— Бывает, бывает,— прокомментировал с улыбкой телерепортер.

Для разрядки атмосферы показали веселую постановочку о неоценимых достоинствах противозачаточных средств той же фирмы «Кэмикэл уоркс Марти энд компани».

Затем срезалась Джейн.

После нее рекламировались прелести туристских поездок на Гавайские острова и в Италию.

Четвертым засыпался пришибленный человек в засаленном галстуке «бабочка». Он сморщил жалкое лицо, как бы собираясь заплакать, и вдруг прямо в объектив высунул язык на добрых полфута.

— Экспромт! Экспромт!— восторженно закудахтал телерепортер.— Наша радиотелевизионная компания предусматривает для подобных случаев специальные призы.

Толстяк ловко выхватил бумажник, извлек из него бумажку в десять холлеров и, церемонно вручив человечку, пояснил:

— Приз за остроумие и присутствие духа.

Далее последовала реклама могильных надгробий.

Спарроу чувствовал, как голова его наливается чугуиной тяжестью.

Гибли мечты, надежды, быть может, даже жизни. А между похоронами робких людских чаяний — реклама, реклама, реклама.

... Их осталось трое: женщина, стремящаяся спасти больную дочь, старичок профессорского вида и Спарроу.

— А вот и наши призеры! — возгласил репортер. Пот с него катил градом. язык стал заметно заплетаться. — Ну-с... Кто счастливчик?

Генри отвечал безотказно, как кибернетическая машина. Он назвал фамилию первого президента, перечислил всех любовниц короля консервов Фрэнка Эдварда, сообщил точное расстояние от Земли до Луны, фамилии президентов Клубов защитников клопов, вралей и гомосексуалистов, число погибших в Хиросиме и Нагасаки, в темпе рассказал о достоинствах новой марки «линкольна»...

Оба соперника глядели на него с ненавистью.

Первым из них срезался старичок.

Со страдальческим видом он пытался вспомнить объем бедер восходящей кинозвезды и, наконец отчаявшись, назвал смехотворно маленькую цифру.

— Вот что значит не придавать значения столь важному предмету, — игриво состриал толстяк. — Эй!.. Куда же вы уходите, мистер... мг... мистер. За вами приз. Потерпите.

Генри не мог смотреть в глаза своей противницы. Колени у него дрожали.

— Итак, — с пафосом провозгласил репортер, — решающий вопрос. Кто из всех окажется начитанней и расторопней — тот на вершине славы. Внимание... Вопрос. Последний вопрос... Кто перевел на русский язык поэму Лонгфелло «Песнь о Гайавате»?

Это был коварный вопрос. В Хэппиленде на него могли ответить человек двести-триста, от силы. Эти специалисты не принимают участия в квизах. Расчет прост: оба претендента срежутся, следовательно, главный приз не будет разыгран.

Генри опешил. Женщина истерично кусала губы, на ее дряблой шее вожжами натянулись жилы. Она с мольбой смотрела то на Спарроу, то на телерепортера. Генри сума-

тошно копошился в закоулках памяти, ворошил притаившиеся в ней факты. Когда-то он читал предисловие к «Песне о Гайавате», в нем упоминалась странная фамилия... Как ее... Да, сейчас...

Мистер Спарроу покосился на женщину и, несмотря на невероятное нервное напряжение, заметил, как она постарела.

— Бунин!— вдруг выпалила женщина.— Мистер Бунин!

— Бунин!— эхом отозвался Генри и похолодел от обиды.

— Стоп!— взмахнул руками толстяк. Он ринулся к жюри, пошептался с ними и торжественно объявил:

— Первый приз завоевала миссис Барбара Гендерсон, бывшая учительница.

Измученная женщина виновато взглянула на Спарроу, покачнулась и тихо упала на пол. Ее тут же привели в чувство. Председатель жюри, крепыш, со щеками, румяными, как у Санта-Клауса, торжественно вручил ей пачку новеньких банкнот.

Генри стоял оплеванный, уничтоженный. «Конечно, я помедлил с ответом... Какой-то миг. Это все из-за фон Ракова, из-за Джейн... Из-за этой Гендерсон. Может быть, она наплела мне насчет больной дочери,— терзал себя Генри.— А... а вдруг не наплела? Но какое мне дело. Мало ли кто болеет?..»

— Мистеру Генри Спарроу, автомеханику, присуждается второй приз — туристская поездка в Аргентину!..

Старичок профессорского вида замер.

— Мистер Гарольд Томпсон, завоевавший третий приз, награждается памятным подарком, выполненным в абстрактном стиле — бронзовой статуэткой богини счастья Фэртуны!

Старичок машинально принял бесформенный кусочек бронзы и вдруг заплакал. Заплакал навзрыд.

— Вы видите, леди и джентльмены,— смущенно комментировал репортер,— мистер Томпсон плачет. Плачет от счастья. Такое случается и с олимпийскими чемпионами, и с рекордсменами мира. И это понятно: нервная разрядка, радость, счастье победы...

А старик продолжал плакать. По морщинистому, как у черепахи, лицу его катились крупные детские слезы.

ПАБЛИСИТИ М-РА СПАРРОУ

Генри очнулся от тяжелого, изнурительного сна и слабо вскрикнул от удивления: не вызывало сомнения — он находился в больнице. Белые стены, белая больничная кровать, над ним склонился человек в белом халате... Ба! Да это доктор О'Хара!

Спарроу закрыл глаза. Он решил, что ему снится военно-морской госпиталь, где он лежал после схватки с фон Раковым. Странно кружилась голова, во рту пересохло, как после хорошей попойки.

— Эй! — послышался вдруг знакомый голос. — Без фокусов. Раз уж открыл глаза, нечего их вновь закатывать.

Генри повиновался.

— Так-то лучше, — весело проговорил человек в белом халате. Определенно, это был О'Хара. — Тысяча чертей мне в печенку, если вы не обладаете кошачьей живучестью. Удивительно! Сам не рассчитывал на успех. Поздравляю с благополучным возвращением с того света. Впрочем, вам к этому не привыкать.

— Доктор О'Хара? — чуть слышно спросил пораженный Генри.

— К вашим услугам, сэр.

— Где я? Почему я в больнице?

Веселый доктор лукаво сощурил карие глаза:

— Как? Вам это невдомек? Здорово вас порастрясло. Разве вы не помните о бесплатном путешествии в Аргентину?

«Аргентина... Аргентина», — в голове больного закружились в фантастическом вихре обрывки воспоминаний. Они складывались в бессмысленные алогичные конструкции, удивляли неправдоподобием, пока, наконец, прояснившееся сознание не навело в этом хаосе мыслей относительный порядок.

— Ну... вспомните хорошенько, — мягко увещевал О'Хара. — В аэропорту Айлдэйрфилд вы сели в самолет... Ну же!..

— Да, да, вспоминаю. Кажется, произошла забавная история. Какой-то чванливый старик упорхнул в иллюминатор, и мы пошли на посадку, чтобы подобрать его бриллиантовые запонки...

О'Хара расхохотался.

— Вы отличный парень, — сказал он, утирая веселые слезы. — И если уж из вас не вышибло чувства юмора, ста-

ло быть, душа ваша прочно привинчена к телу. На этом и кончим сегодняшний разговор. Вам нельзя утомляться. Недельки через две продолжим в высшей степени интересную беседу.

Доктор был непреклонен. Единственное, чего добился Спарроу,— узнал, каким образом О'Хара оказался его лечащим врачом.

— Простое совпадение,— пояснил О'Хара.— Счастливая встреча. Два года я прожил в Хиросиме. А когда почувствовал, что схожу с ума, плюнул на тройной оклад и сбежал домой. Вы никогда не бывали в курортном городке Алм-Биче? В таком случае, поздравляю, вы сейчас находитесь именно в этом благословенном городе. Вашему почковому слуге тоже повезло. В Алм-Биче он нашел работу и упрямого пациента, который, несмотря на старания врачей, не желает расставаться с радостями и печальями земной жизни. До свидания, мистер упрямец.

Доктор О'Хара направился было к выходу, но вдруг спохватился:

— Да... совсем упустил из виду. Ваши друзья, подписавшиеся «Сороковая миля», прислали телеграмму. Сейчас я ее вам прочту... Вот: «Ну и молодчина! Ну и чугузная башка. Восхищены. Поправляйся скорее. Ждем».

Генри улыбнулся:

— Узнаю Нила.

— Есть и другая депеша, более деловая. «Милый! Люблю. Выехать не могу боязни потерять работу. Поправляйся скорее. Жду. Целую. Кэт».

* * *

Целую неделю собирал Генри в памяти обрывки недавнего прошлого. Наконец ему удалось восстановить общую картину.

... На Сороковой миле погоревали, конечно, в связи с потерей главного приза Большого квиза. Нил даже обозвал Спарроу слюнявым интеллигентиком. Но Кэтрин укоризненно посмотрела на Астора:

— А вы? Как бы вы поступили на его месте,— убили бы миссис Гендерсон и ее дочь?

Добрый Нил смущенно хмыкнул.

— То-то, мистер Астор. И не стройте из себя закоренелого гангстера. Будь вы на месте Генри, вы бы по доброте сердечной и второе место уступили...

— Ваш Генри сам, слышите, сам провалился,— подзадоривал Нил.— Пусть теперь и сматывается в свою Аргентину. Две недели отдохнем от его умных речей.

— Что ж, пусть сматывается,— согласилась Кэтрин.

Нью-Бárdокский аэропорт Айлдэйрфилд. Рев авиационных двигателей. Мистер Спарроу спешит к огромному воздушному лайнеру. В кулаке его билет первого класса (расщедрилась радиотелевизионная компания) до Буэнос-Айреса. Он взбегает по трапу и скрывается в самолете.

Ах, как комфортабельно в носовом салоне! Мягкие откидывающиеся кресла, изящные пластмассовые столики, вентиляторы... Это тебе не стальная нора в хвосте «летающего бастиона». Жаль, конечно, место досталось не возле иллюминатора, но это пустяки.

В ожидании взлета Спарроу принялся рассматривать попутчиков. О! Это были первоклассные пассажиры. Мистер Спарроу даже оробел, очутившись в такой компании.

А тут еще у него объявился сосед — владелец кресла у иллюминатора. Высокий старик в светлом костюме чопорно вошел в салон в сопровождении длинноногого молодого человека в яркой гавайской рубашке навывпуск, с портфелем из крокодиловой кожи.

Парень в гавайке скользнул юрким взглядом по салону, мгновенно отыскал место и почитительно забасил:

— Вот ваше кресло, дядя. Очень удобное. Возле иллюминатора. Я специально просил об этом. Я знаю, вы любите поглядывать сверху вниз... Портфель я сейчас положу в багажную сетку. Вот так. Не хотите ли, чтобы я заказал для вас коктейль?

Старик промычал нечто невразумительное. Уставившись на Генри водянистыми глазами, он недвусмысленно сказал:

— Кажется, вы очутились не на своем месте.

Генри смутился.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь. Я сижу в своем кресле, а ваше — рядом.

— Дорогой дядя!— всполошился длинноногий парень.— Это всего-навсего Спарроу, квиэмен. Он отхватил второй приз, и теперь его даром везут в Аргентину.

— Гм-хм...— промычал чванливый старик.— Приятное соседство.

Он нехотя опустил в кресло, прикрыл глаза дряхлыми

веками и нахмурил жиденькие брови цвета жухлой соломы. Всем видом старик давал понять, сколь тягостно и оскорбительно для него соседство с прощелыгой.

Спарроу сгорбился от робости и негодования. Между тем длинноногий верзила продолжал суетиться. В жизни не видывал Генри такого заботливого племянника. Парень суетился, перекидывал с места на место портфель, регулировал спинку кресла, в котором расположился старик, приговаривая: «Вам удобно, дядя? Не желаете ли принять таблетку от тошноты, дядя? Багаж я сдал, и его уже погрузили, дядя». Охваченный припадком любви к дяде, длинноногий племянник кончил тем, что вытащил носовой платок и принялся усердно протирать стекло в иллюминаторе.

— Рандольф,— брезгливо пробурчал дядя,— стыдись, ты отнимаешь хлеб у стюарда.

— Ничего, ничего, дядя,— виновато улыбнулся племянник.— Для меня это пустяки.— И попросившись, выскочил из самолета.

Тягач потащил лайнер на стартовую полосу. Взревели моторы, самолет помчался, оторвался от бетонки и стал набирать высоту.

Генри искоса поглядывал на соседа — в профиль он походил на щипанного филина.

Вдруг филин открыл глаза, проскрипел ни с того ни с сего:

— Если бы этот балбес знал...— и захохотал, как гиена.

Мистер Спарроу не отводил взгляда от его бриллиантовых запяток величиной в десятицентовую монету.

Самолет лег на курс, продолжая набирать высоту, поднялся выше облаков и поплыл над ними, словно корабль по белопенному океану. Мистер Спарроу закурил сигарету. Старик скорчил гримасу отвращения и вытащил сверхдорогую зеленую гавану.

Тут уж лопнуло терпение у Генри. Плевать ему на этого чванливого филина. Мистер Спарроу окинул соседа уничтожающим взглядом и пересел на свободное место...

Старик удовлетворенно кивнул.

... Вдруг равномерный гул моторов прорезал резкий, как выстрел, треск, раздалось свистящее шипение. Генри испуганно оглянулся и вытаращил глаза.

Неведомая сила потащила чванливого старика к иллюминатору, сложила пополам и, сопя, вышвырнула наружу.

Раздались вопли ужаса, всеобщая сумятица охватила пассажиров, самолет резко пошел на снижение...

«Вылетело стекло... разность давления в самолете и за бортом... потоком воздуха его выбросило... Ох!.. Нечем дышать!..» — успел подумать Генри и потерял сознание.

* * *

— В вашем рассказе много удивительных деталей, — отметил О'Хара, выслушав дней десять спустя своего пациента. — Полиция, детективы ломают голову над загадочной авиационной катастрофой. И вы им преподнесете сюрприз. Как, вы сказали, звали племянничка?

— Рандольф.

— Предприимчивый мальчик. А теперь послушайте не менее любопытный финал вашей одиссеи. Потеряли вы сознание от недостатка кислорода и от страха. Но, по-видимому, пилоты не растерялись, они пошли на снижение. Самолет пролетел над Алм-Бичем, все бы обошлось благополучно. Но когда до земли оставалось всего десять-двадцать метров, ваш «боинг» взорвался. Экспертиза установила, что в одном из чемоданов уютно устроилась мина замедленного действия. Недурно придумано? Экипаж и пассажиры погибли. Все, кроме вас, разумеется. Любвеобильный племянничек Рандольф имеет веские основания питать к вам неприязненные чувства.

...В тот же день имя Генри Спарроу замелькало на первых полосах всех хэпилендских газет.

Выяснились любопытные факты. Рандольф Кеннингхэм, племянник Уинстона Кеннингхэма, миллионера, составившего себе состояние на поставках для армии, под тяжестью улик сознался в совершении злодеяния. На допросе он заявил:

— У дяди нет родственников. Я единственный наследник. Надоело ждать, и я решил немного помочь дяде. Я — студент физико-математического факультета и изучал теорию надежности. В качестве страхующего прибора (он так и сказал: «страхующего»), понадобилось упаковать в чемодан мину. А иллюминатор натер изобретенным мною составом, который на большой высоте придает плексиглазу чрезвычайную хрупкость.

На вопрос, как он мог решиться на убийство семидесяти ни в чем не повинных людей, племянник ответил с некоторым раздражением:

— Я не предполагал, что в самолете окажется такая прорва народу. Но согласитесь, игра все же стоила свеч. Мой дядя никогда не отличался покладистым характером, и я попросту сомневался в том, что он послушно выскочит в иллюминатор. И все же я искренне надеялся, что страхующий прибор не сработает. Увы! Я ошибся в расчетах.

Что касается Генри, то он купался в лучах славы. Газеты вспоминали и о его военном подвиге, и о блестящем выступлении в Большом квизе, тысячи писем и телеграмм сыпались в его адрес: мистера Спарроу поздравляли (с чем — бог его ведает), желали ему здоровья и успехов в делах. Попадались и необычайные послания. Некая миссис Хиггинс хотела бы связать с героем войны и гражданской авиакатастрофы свою судьбу, если страховая премия его составляет не менее двадцати тысяч холлеров. Наконец некто, пожелавший остаться неизвестным, прислал ликующие строки: «Славаю господу всемогущего, даровавшего чудесное спасение именно вам, а не кому-нибудь другому. Пусть погиб мой незабвенный родитель. Пусть! Воздаю хвалу Всевышнему, ибо выбор его священен».

Простак Генри был ошеломлен потоком сюрпризов. Страховая компания с великой pompой выплатила ему десять тысяч холлеров, опубликовав затем в газетах такую рекламу:

Из 70 пассажиров и членов экипажа только
м-р Спарроу был застрахован нашей компанией
и именно он остался жив!

Кто жаждет своей гибели — пусть страшится
у наших конкурентов!

Пришел представитель радиотелевизионной компании и, не торгуясь, купил у мистера Спарроу право на телевизионную инсценировку его рассказа о авиакатастрофе за пять тысяч холлеров.

Авиакомпания, которой принадлежал разбившийся «бонинг», оплатила лечение Генри в больнице и преподнесла ему пять тысяч холлеров. Мотивировка дара оказалась безукоризненной: «За спасение собственной жизни и репутации компании, чьи самолеты никогда не терпят аварий по техническим причинам».

В тот день, когда Спарроу выписался из больницы, его

чуть ли не насильно усадил в автомобиль владелец отеля «Эмпайр» и поселил бесплатно в одном из самых роскошных номеров.

Не забыла Генри и «Норт Хэппиленд ойл компани». Он получил письмо, в котором правление «НХОК» благодарило механика с Сороковой мили за рекламу продукции компании, поскольку он неопровержимо доказал, что горючее производства «НХОК», которым был заправлен погибший «боинг», — самого высокого качества и не имеет никакого отношения к аварии.

«Особенно отрадно, дорогой мистер Спарроу, — отмечалось в письме, — что Вы как истинный джентльмен и совладелец «НХОК» публично заявили о безукоризненной работе двигателей несчастного «боинга» вплоть до момента катастрофы.

Мы от души желаем Вам скорейшего выздоровления и надеемся, что Вы в самом ближайшем будущем не откажете нам в любезности взять на себя руководство группой бензопрофилактических станций, расположенных на автостраде Нью-Бардок — Алм-Бич.

Прилагаем к письму чек на пять тысяч холлеров. Это — скромная награда за честность и бескорыстие».

В ожидании суда над Рандольфом Кеннингхэмом, на котором нашему герою предстояло выступить в качестве главного свидетеля обвинения, мистер Спарроу жил сказочной жизнью в Алм-Биче. Он гулял по городу-курорту, утопающему в чудесной тропической зелени, любовался неповторимым видом искусственного мола, далеко уходящего в лазурное море.

Однажды, наняв глиссер, Генри уплыл далеко в море. Мягкий бриз игриво ерошил ему волосы, на выгоревшем бледно-голубом небе ни облачка, вдалеке, на линии горизонта, казалась, застыл на месте белоснежный корабль.

«Как же это так? — подумал вдруг Генри, — целую неделю живу как в раю, а о Кэтрин и не вспомнил. Сегодня же вызову ее сюда. Пусть бросает работу и приезжает. Куплю здесь домик, поженимся, приобретем все необходимое. Слава богу, теперь я не какой-то ничтожный механик, а фигура. И деньжата завелись. Наконец я достиг кое-чего. Кто смеялся над честным бизнесом? Кретин Ли, выживший из ума старик Твитчелл. Интересно, что бы он сейчас сказал?» Заглушив мотор, Генри разделся, прыгнул в прозрачные волны и долго плескался, хохотал.

Усмирила его медуза, ошпарившая своими стрекалами. Шипя от боли, Генри поплыл к глассеру, лениво покачивающемуся на волнах. Но вот свет померк в его глазах: ярдах в ста позади себя он увидел темный треугольник, словно ножом разрезавший воду, второй, третий!.. Акулы! До глассера оставалось совсем немного, но хищники мчались со скоростью торпед.

Спарроу отчаянно забарахтал руками. Ему некогда было оглядываться, он рвался вперед, каждое мгновение ожидая, что вот-вот распахнется омерзительная, утыканная острыми зубами пасть — и...

Будто схваченный за шиворот, Генри взлетел на глассер. Видимо, его вытолкнул из воды ужас. Опасливо посмотрев за борт, он увидел в прозрачной воде шестнадцатифутовую акулу, с разочарованным видом медленно оплывающую глассер.

Обессиленный, он долго лежал ничком. Акула продолжала танцевать вокруг глассера вальс. Тогда, охваченный жадой мести, Генри кинулся к снасти для ловли акул.

Едва он забросил ее в море, шестнадцатифутовая преследовательница вцепилась в наживку. Генри злорадно завертел ручку лебедки, выбирая тросик.

— Сейчас ты у меня получишь! — ликовал Генри.

Акула поднимала фонтаны брызг, пыталась перекусить стальной тросик. Тщетно.

Над водой показалось акулье рыло с маленькими, налитыми злобой глазками. Генри схватил винчестер и разрядил в акулю харю всю обойму.

Как только хищник перевернулся кверху брюхом, со всех сторон кинулись другие акулы. Они рвали свою товарку безжалостно, опьяненные кровью жертвы, которая несколько минут назад сама жаждала крови.

Спарроу, почувствовав подступающую к горлу тошноту, отвернулся.

«Неужели прав этот койот Ли и беззубый кугуар Твитчелл? Неужто и люди так же пожирают друг друга? Нет, не может быть! Люди не акулы. Наша страна достаточно благоустроена».

Генри завел мотор и повернул к берегу. Настроение его заставляло желать лучшего.

Откуда наш герой мог знать, что он плывет к новым почестям, славе и несметному богатству!

СЛОВО ЦЕНОЙ В...5.000.000

В баре отеля Генри ожидал О'Хара. Привалившись к стойке, доктор о чем-то оживленно толковал с барменом, который ловко, словно фокусник, орудовал хромированным шекером для сбивания коктейлей.

— Ага, вот он — Великий Счастливчик! — обрадовался О'Хара, завидев Генри. — Я вас уже битый час ожидаю. Давайте хлопнем на прощанье по стаканчику, а?

— На прощанье? — Генри недоумевающе посмотрел на доктора. По всему видать, добряк не зря торчал в баре целый час. Круглое лицо его походило на спелый помидор, «ежик» на голове вызывающе топорщился, в карих глазах появился блеск. — Вы сказали «на прощанье»? — переспросил Спарроу. — Разве вы уезжаете?

О'Хара расхохотался.

— Никуда я не уезжаю. Это вы уезжаете. Час назад передано сообщение, что дело малютки Кеннингхэма будет слушаться в Ньюбардокском суде. Местные крючкотворы настаивали, чтобы именно им была оказана честь усадить хитроумного племянника в уютное креслице с невинными украшениями из электропроводов. Они доказывали: раз самолет взорвался над аэродромом Алм-Бича, следовательно, чинить суд и расправу надо здесь, на курорте.

О'Хара почему-то вновь захохотал.

— Ох, уж мне эти любители рекламы! Ньюбардокские служители Фемиды или Немезиды... не знаю уж точно, кому они служат... доказали, что преступление совершено в Нью-Бардоке, поскольку этот ваш приятель Рандольф Кеннингхэм обстригал все свои делишки еще до того, как самолет стартовал.

Доктор вдруг опечалился:

— Не думайте только, что я налился ввиду нашей скорой разлуки. Вот... почитайте свеженькие газеты. Ну и скотина же ваш бывший попутчик Уинстон Кеннингхэм! В сравнении с ним его племянник выглядит сущим ангелом. Подумаешь, загубил семь десятков душ!

Генри принялся просматривать газеты, заполненные удивительными сообщениями о завещании мистера Кеннингхэма-старшего. Газетные шапки ошеломляли:

«10 МИЛЛИОНОВ НА ИСТРЕБЛЕНИЕ 2 МИЛЛИАРДОВ!»

«5 МИЛЛИОНОВ — ОБЩЕСТВУ ДЖОНА ЧЕРЧА НА ПОДДЕРЖАНИЕ ПРЕСТИЖА ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАШИСТСКОЙ СВАСТИКИ!»

«МИЛЛИОН — ПСУ ПОД ХВОСТ!»

. Покойный Уинстон Кеннингхэм отличился и после своей смерти. Этот достойный джентльмен, распорядившийся, чтобы завещание было вскрыто ровно через месяц после его смерти, прежде всего позаботился о племяннике. «Будучи в здравом уме и твердой памяти,—говорилось в завещании,—я, Уинстон Б. Кеннингхэм, перед богом и людьми торжественно заявляю о том, что лишаю моего племянника Рандольфа У. Кеннингхэма наследства, так как означенный Рандольф У. Кеннингхэм не проявлял по отношению ко мне элементарного такта и уважения, неоднократно пытаюсь получить наследство предосудительным путем. Действовал он при этом столь глупо и неумело, что я, после зрелого размышления, пришел к твердому убеждению: Рандольф У. Кеннингхэм — никудышный наследник. Такой неприспособленный к жизни человек не только не приумножит состояние, но растеряет все то, что имеет. Могу ли я доверить упомянутому выше племяннику двадцать один миллион холлеров, если он не в силах организовать даже порядочного покушения на своего дорогого дядю!

Осенью прошлого года он примитивнейшим способом пытался подсыпать мне в овсяную кашу толченое стекло. Я указал ему на опрометчивость подобных действий. Толченое стекло,—разъяснил я племяннику,—даже при успешном осуществлении задуманной акции, не может быстро дать желаемого эффекта. Этот способ достижения цели носит затяжной характер, трудоемок, утомителен как для объекта экспериментов, так и для самого экспериментатора.

Рандольф обещал исправиться, но, к сожалению, не сдержал своего слова. Последовала новая серия попыток — одна нелепей другой. Не буду перечислять всех его глупых выходов. Сошлюсь лишь на забавный случай с часами.

Даже не подыскав предлога, племянник преподнес мне часы-браслет. Сам по себе этот факт меня насторожил. Но когда он открыл футлярчик с часами и уставился на них так, словно увидел привидение, я рассердился. Рандольф,—сказал я племяннику, ты глуп. Честное слово, ты меня огорчаешь. Ну сознайся, что пытаешься всучить мне радиоактивные часики! Фу, как это пошло. Неужели ты думаешь, что я не читаю газет и ничего не слышал об аналогичном подарке, преподнесенном полгода назад какой-то

мисс своему неверному любовнику?! Ты пошляк, Ренди. Я же твой дядя, а не любовник. Учти, если ты еще хог раз меня разочаруешь, я буду вынужден обратиться в полицию.

С тех пор племянник оставил меня в покое и, в ожидании моей естественной смерти, окружил тошнотворной заботой. Тем не менее, я решил лишить его наследства. Рандольф не создан для бизнеса, он ненадежный наследник...»

— А пожалуй, дядя ошибся,— печально улыбнулся О'Хара.— Его племянничек кое-что усвоил.

— Но старый волк все же перехитрил юнца. Теперь я понимаю, что именно подразумевал старик, когда прокричал в самолете: «Если бы этот балбес знал...»

— Оба они остались в дураках,— резюмировал О'Хара.— Но читайте, читайте дальше. Любопытно.

Мистер Кеннингхэм-старший оказался одним из тех джентльменов, которые, занимаясь деловыми операциями, не забывают и о своих интеллектуальных потребностях. Оказывается, перу Уинстона Кеннингхэма принадлежит объемистая книга с броским названием «Уничтожим 2.000.000.000!» В своем сочинении почтенный бизнесмен доказывал, что нынешняя численность населения земного шара является единственной причиной всех социальных и экономических бед. Если уничтожить всех коммунистов, прокоммунистов, красных и прокрасных агитаторов, а также азиатов, африканцев, то на земле воцарится мир и всеобщее благоденствие. Практический вывод автора книги прост, а главное, экономически перспективен. С помощью атомных и конструируемых ныне водородных бомб уничтожаются два миллиарда человек. Тем самым автоматически снимается с повестки дня проблема сосуществования «народного капитализма» с коммунистическим миром, пресекаются демагогические высказывания о равноправии и полноценности всех рас и народов, ликвидируется марксизм. Достигнув общих, глобальных целей, свободный мир тем самым решит и ряд других задач, в частности, берлинскую проблему, разрядит напряженную атмосферу в некоторых странах Азии и Африки, утвердит на всей планете незыблемые принципы свободы торговли и частной инициативы, покончит с литературой и искусством социалистического реализма. И вообще все будет отлично. Особенно, если учесть, что в ходе подготовки к сокращению народонаселения понадобится произвести несколько тысяч

атомных и водородных бомб, что, несомненно, благотворно скажется на экономике стран, входящих в военный союз против коммунистического мира.

В плане этом, честно признает Кеннингхэм-старший, умеются, правда, и некоторые «но!» Не исключено, что, обнаружив ракеты и бомбардировщики противника, коммунисты, по демократическому и остроумному выражению старика Кеннингхэма, «в порядке ответной любезности могут дать нам по башке». Чтобы этого не случилось, необходимо использовать момент внезапности, ввести в заблуждение русскую систему предупреждения, радировав о непонятных явлениях, дающих на экране локаторов и телеустановок изображения, похожие на армады ракет и самолетов. Главное — пусть наши генералы пошевелият мозгами, и, я убежден, они найдут приемлемое решение.

— Что за бред! — воскликнул Генри, швыряя газеты на стойку. — Этот старикашка вырвался из сумасшедшего дома?

— Похоже на то, если нашу страну считать сумасшедшим домом. А что? Почему бы так не считать? Маньяки, вроде Кеннингхэма, разгуливают у нас на свободе. Теперь вам ясно, почему я сегодня нализался? — доктор заказал себе еще коктейль, залпом выпил и продолжал: — А теперь слушайте, как этот тип распорядился своими деньжищами. Слава Герострата, спалившего храм Артемиды в Эфесе, — ничто в сравнении с паблисити старого негодяя Кеннингхэма. Десять миллионов он завещал военному министерству с условием, что эту гору золота ухлопают на водородную бомбу и назовут ее мило и просто: «Уинстон Кеннингхэм». Каково?.. Далее. Пять миллионов ваш попутчик пожертвовал фашиствующим молодчикам из шайки Джона Черча, ибо только они, по мнению милейшего Кеннингхэма, могут спасти нашу страну от коммунистов.

— Сумасшедший! — ахнул Генри.

Доктор О'Хара махнул рукой.

— Не перебивайте, — сказал он с досадой. — Я еще не выговорился. Вся штука в том, что покойник проявил нежные чувства, завещая миллион холлеров своему близкому другу Майклу.

— Майклу? Кто он — этот Майкл.

— Кобель, — отрезал О'Хара, — бульдог тигровой масти, девяти лет от роду. Вот вам и собачья жизнь!

— Вы шутите!

— Это не я, а Кеннингхэм пошутил. После смерти Майкла оставшиеся деньги переходят в распоряжение общества защиты домашних животных.— Доктор яростно хлопнул стаканом об пол.

— Это стоит всего полхоллера, сэр,— невозмутимо заметил бармен.

— Ладно, заплачу. Эх, был бы я Майклом — перебил бы в вашем заведении два миллиона стаканов. Но — увя! — я не Майкл, и такое удовольствие мне не по карману... Эй! Послушайте, Генри. Я еще не кончил. У вас есть шанс ухватить кусок и пожирнее. Старый дурак жаждет славы... Сейчас я прочту вам любопытные строки из завещания почтенного бизнесмена... Вот:

«Я, Уинстон Б. Кеннингхэм, завещаю пять миллионов холлеров тому, кто, прочитав мою книгу «Уничтожим 2.000.000.000!», напишет на нее самый содержательный, справедливый и самый лаконичный отзыв. Для этого я поручаю редакции газеты «Нью-Бардок геральд трибюн энд Уорлд риппорт» создать на присущих нашей стране демократических началах комиссию и провести открытый конкурс на лучший отзыв о моей книге, и пусть хэппилендский народ сам решит, кому отдать предпочтение. По истечении пяти лет со дня начала конкурса редакции указанной газеты надлежит с помощью электронно-счетных машин проанализировать письма хэппилендцев об отзывах и вручить пальму первенства автору, получившему большинство голосов...»

— Определенно, старик спятил!

— Спятил! — О'Хара воздел руки, как бы приглашая небеса в свидетели.— Спятил — это не то слово. Десять миллионов на эйч-бомбу! Пять — фашистским мерзавцам. Один миллион — псу!!! Но на этот раз он не промахнулся. Пять миллионов не дорогая плата за бессмертие. Хитер, bestия. Послушайте, Спарроу, не хотите ли написать отзыв.

— Что?!

— Не орите, Великий Счастливец, я же не подбиваю вас на подлость. Не обязательно хвалить его гнусную книжонку. Обложите мистера Кеннингхэма как следует! Меня, к счастью, не покидает вера в честных хэппилендцев.

Генри рассмеялся.

— Единственный отзыв, док, которым я согласен удостоить писания мистера Уинстона Кеннингхэма, состоит из одного слова.

— Ну? — насторожился О'Хара.

— Дерьмо, — четко выговорил Спарроу.

Пьяненко доктор восхитился:

— Гениально! Вы гений! Соблюдены все условия: отзыв безусловно насыщен содержанием, абсолютно справедлив и предельно лаконичен. Его стоит предложить конкурсной комиссии.

— Вы шутите.

— Нет, я серьезно. Мерзавца покойника следует прочесть.

Настойчивый доктор взял бумагу, конверт и буквально силком заставил Спарроу засесть за работу. Посмеиваясь, Генри вывел на конверте адрес: «Комиссии по проведению конкурса на лучший отзыв о книге Уинстона Б. Кеннингхэма «Уничтожим 2.000.000.000!», газета «Нью-Бáрдок геральд трибюн энд Уорлд риппорт», город Нью-Бáрдок, штат Нью-Бáрдок».

— Отлично, — похвалил О'Хара. — Теперь напишите отзыв.

Генри сконфузился, но, уступая настояниям доктора, написал на чистом листе бумаги крупными буквами:

Д Е Р Ь М О !

Теперь надо подписаться и указать свой адрес.

Неугомонный О'Хара окинул критическим оком отзыв, высказал предположение:

— Немного смахивает на визитную карточку... Уж коли я втянул вас в эту историю, будет справедливо, если и я поставлю свою подпись. Как знать, вдруг нам удастся стать лауреатами конкурса? И потом... наличие двух подписей устраняет формальный повод рассматривать отзыв как документ, удостоверяющий личность.

О'Хара размашисто подписался, сунул бумагу в конверт и заклеил его.

— Что вы собираетесь делать, док? — всполошился Генри. — Неужели?..

— Именно, — кивнул О'Хара и сунул конверт в брючный карман. — Дураков надобно учить.

Путру мистер Спарроу вылетел в Нью-Бáрдок. Трусил он отчаянно. Но что поделаешь, если правление нефтяной компании настоятельно рекомендовало своему сотруднику лететь самолетом, заправленным горючим производства «НХОК». Реклама есть реклама. Члены правления знали, что делали, когда поздравляли Генри с премией и повышением в должности.

Полет прошел благополучно. Ведь не каждый же день охочие до наследств племянники взрывают самолеты с любимыми дядями.

Руководители «НХОК» обошлись с Генри ласково. Для поправки здоровья и устройства семейных дел предоставили месячный отпуск, дали согласие на то, чтобы Спарроу поселился в полюбившемся ему городе-курорте Алм-Биче. Они выставили лишь одно условие: поскольку Генри избрал местом своего пребывания конечный пункт подведомственной ему трассы, пусть он не обижается на вынужденные автомобильные прогулки: ездить придется частенько, ведь это его долг — обеспечить бесперебойную деятельность бензопрофилактических станций на автостраде Нью-Бáрдок — Алм-Бич.

— Разумеется, мистер Спарроу, у вас было бы меньше хлопот, поселись вы в Грантвилле, очень приятном приморском городке, расположенном как раз на середине пути, — любезно сказал председатель правления. — Однако мы с удовольствием откликаемся на вашу просьбу. Живите где хотите. Лишь бы не пострадало дело. От души благодарим за все то, что вы свершили во имя престижа нашей компании. А сейчас... не смеем задерживать. У вас впереди много хлопот. Послезавтра вам предстоит выступать на суде. Задайте хорошенько этому чудовищу Рандольфу Кеннингхэму. Но прежде всего, конечно же, поезжайте на Сороковую милю. Заранее поздравляем с семейным счастьем. Всего доброго, мистер Спарроу.

... И вновь, как и пять лет назад, рейсовый автобус мчит Генри на Сороковую милю. Знакомые поля, перелески, золотящиеся волны пшеницы. Промелькнул рекламный щит, на котором когда-то красовалась фамилия нашего героя. Нынче с этого щита к проезжим взывает грудастая мисс, о чем взывает — Генри не успел прочесть. А вот и поворот дороги, стеклянная конструкция бензостанции!.. Кэтрин, Нил, Джесси, Тед радостно машут.

— А вот и я! Эй вы, разбойники с большой дороги, чего рты поразевали?— Генри обнял Кэтрин, похлопал по плечам приятелей, вызывая их на ответные дружеские тычки.

— Да что ж вы, проходимцы, стоите как истуканы?

— Мистер Спарроу,— выдавил из себя Нил.— Нам надобно уточнить взаимоотношения. Разумеется, это не касается мисс Стиклз, но вот мы трое — я, Тед и Джесси...

Добряк Астор смущенно засопел и умолк.

— Они попросту взбесились, Ген,— вмешалась Кэтрин.— Это все потому, что ты стал их начальником. Ведь они дураки, верно я говорю?

Спарроу почувствовал к приятелям такую нежность, что чуть было не расплакался.

— Они не дураки. Они самые настоящие ослы! Да, ослы!

— Гип-гип ура!!!— радостно заорал Джесси-молчальник.

— Ура!!!— подхватили Нил с Тедом. Все трое бросились на приятеля — от дружеских объятий хрустели кости, с рубах летели пуговицы.

Выбившись из сил, приятели наконец уgomонились. Нил отер со лба пот, сказал со счастливой улыбкой:

— Ну, здорово, Ген, дружище! Мы действительно ослы. Решили, что коль ты знаменитость, богатея и начальник, то обязательно задерешь нос. Признаюсь, эту идею высказал я. Извини, брат. И пойми. Мне уже сорок семь с хвостиком. В таком возрасте необходимо быть особенно предусмотрительным и внимательным к начальству. Упаси бог, выгонят из этой стеклянной клетки, куда податься? Безработных и без меня достаточно. Да и кому нужен Нил Астор, если он не так уж стар, однако и не молод! По правде говоря, Нил Астор мало чем напоминает перезрелого юношу. Скорей всего, он — недозрелый старикашка.

— Ладно, довольно языком чесать,— Генри поспешил стусевать мрачный юмор Нила.— Рассказывай, как идет дела.

— Дела?— вмешался Тед-говорун. Парень встал на вытяжку и заговорил голосом робота:— Да, сэр. Машина заправлена, мисс. Высокооктановый бензин, сэр. Благодарю вас, сэр. Счастливого пути, сэр!

— По-прежнему, — буркнул Джесси.

— Хм... маловато новостей! — расхохотался Генри. — Но ничего, мы постараемся привнести малость свеженького. Слушайте, слушайте, слушайте! Вчера вечером Генри Спарроу разговаривал по телефону с некоей мисс Кэтрин Стиклз... — Спарроу покосился на Кэт, желая насладиться ее смущением. Не тут-то было! Молодчина, Кэт! Она весело подмигнула Генри и вдруг выпалила:

— Этот несносный Спарроу закатил целую речь. Нет, чтобы сказать просто: «Мы решили пожениться. Вот и все!»

Тед с Джесси вновь тоекратно прокричали «ура!» Нил проворчал с хитрой усмешкой:

— Меня вы этим не удивили.

— Мы решили пожениться сегодня, — объявила Кэт и расхохоталась, увидев, как у Генри округлились глаза. — Сейчас! Немедленно!

— Но, Ген, а как же клиенты? — с сомнением спросил Нил.

— Клиентов к чертям!.. Впрочем, оставь открытыми бензоколонки. И не возражай. Мы не мешкая отправимся в мэрию к поселковому отпускателю грехов...

— В мэрию — это можно, а вот с пастором не так просто все уладить, — высказался Тед.

— Пастор уехал в Блэквилль играть в футбол, — дополнил Джесси.

— Моли бога, Генри, — сказал Нил. — Моли бога, чтобы нашему пастору на футбольном поле не свернули шею. Он обещал вернуться к ленчу.

— В случае чего, обойдемся и без пастора. Если его искалечат, у него будет достаточно свободного времени замаливать наш грех. А когда он исцелится, мы явимся к нему, попросим пошептаться с небесами. Пастор даст нам отпущение грехов. Я знаю. В крайнем случае, придется разориться и купить ему мяч и футбольный шлем. Он отзывчивый человек, наш методист*

Затем Спарроу взял большой лист картона и написал на нем объявление:

* Методист-пастор методистской церкви, объединяющей приверженцев одного из протестантских вероисповеданий (разговорн.)...

Уважаемые клиенты!

Сегодня, 25 июня 1950 года, обслуживающий персонал бензостанции 40-й мили чувствует своего товарища по случаю его свадьбы.

«Норт Хэппилэнд ойл компани»
убедительно просит Вас заняться самообслуживанием.

За бензин, которым Вы заправите свои автомобили и за который, по-видимому, захотите уплатить,— платить не надо!

За Вас уже расплатилась уважающая Вас «Норт Хэппилэнд ойл компани».

— С ума сошел жених!— всполошился Нил.— С чего ты взял, что компания станет платить?

Генри надвинул Нилу фуражку на нос:

— Соображать надо. За бензин плачу я. Но если даже сам мистер Кук, бог нашей компании, захочет заправить свой кар на Сороковой миле, он не взвоет в воздух от злости. Нет! Он, кряхтя, вылезет из машины, накачает в нее по самую пробку горючего и восторженно прокрипит: «Здесь работают головастые ребята!»

Кэт посоветовала:

— Ты знаешь Кука. Написал бы лучше, что за бензин платит Генри Спарроу.

— Вот еще!— невозмутимо промолвил Генри.— Я ничего не наврал. Разве у меня нет акций «НХОК» на целых пятьсот холлеров? Вот я, акционер, один из членов компании, и плачу... от имени своей компании.

* * *

Генри и Кэт обрели счастье, о котором могли раньше только читать в толстых иллюстрированных журналах. Через три дня после свадьбы молодая чета Спарроу, распрощавшись с друзьями, переехала в Алм-Бич. В живописном пригороде, на берегу моря, их уже ожидал бело-снежный коттедж из пяти комнат с ванной-бассейном. Все комнаты были обставлены новенькой мебелью, в столовой красовалось чудо техники на тонких растопыренных ножках — радиокотбайн. Кухня блистала эмалью и хромиро-

ванными отделочными деталями. Даже детская обставлена в расчете на двух младенцев!

Молодожены бродили по комнатам в сопровождении длинного человека с померанцевыми щеками и впалыми умными глазами тяжело больного, знающего о том, что ему долго не протянуть. Это был представитель фирмы, которая взяла на себя приятную обязанность в два дня организовать чете Спарроу земной рай — и причем в расрочку.

На прозрачных тонких губах представителя фирмы застыла улыбка умиления. Он искренне радовался счастью заказчиков, тому, что они поселились на берегу теплого моря, в прекрасном коттедже, утопающем в щедрой южной зелени.

— Убедительно прошу обратить внимание на несомненные конструктивные достоинства холодильника, — размеренно говорил длинный, покашливая в платочек. — Кухня снабжена, как, впрочем, и все комнаты, установкой для регулирования температуры воздуха... Хм... кх... Застекленная веранда. С нее открывается очаровательный вид на ваш личный пляж, длина его по линии побережья составляет семьдесят пять ардов, пляж отделен от соседних участков ажурным палисадом...

Представитель фирмы долго еще водил Кэт и Генри по коттеджу и участку, назвал даже породы пальм, растущих во владениях Спарроу. Под конец он потащил их к гаражу и показал новенький «пентиак».

Ошеломленные молодожены восторженно смотрели на серебристо-голубого красавца с изящно изогнутым ветровым стеклом, четырьмя мощными фарами, подфарниками, множеством сервомеханизмов.

— Ваш старый кар я заберу, не беспокойтесь, — пояснил представитель фирмы. — Контракт, который вы подписали, остается без изменений.

Длинный, деликатно покашливающий в платочек человек любезно пожелал «милым клиентам счастья и радости в дивном уголке, оборудованном нашей фирмой», пожал Генри руку, щелкнул каблуками перед Кэт, потом почему-то вздохнул и, неловко повернувшись, направился к старому автомобильчику супругов Спарроу невяжущейся с его длинными ногами, семенящей походкой.

Заурчал мотор, странный долговязый человек послышал напоследок и исчез.

Генри схватил миниатюрную жену в охапку и торжественно внес на руках в дом. Кэт смотрела на мужа влюбленными глазами, блестящими, как старинный янтарь.

— Ген, милый!— Кэт тянулась к нему припухшими влажными губами.— Я люблю тебя, родной мой. Я люблю тебя не за то, что тебе повезло. Я полюбила тебя сразу, как только увидела...

— Мне сказочно повезло, что я женился на тебе...

— А вдруг все это сон, и я сейчас проснусь?!

... Утром новоселы решили обновить пляж. Выкупавшись, Генри и Кэт, путаясь в полах длинных халатов, побежали наперегонки в коттедж, где их ожидали овсяная каша и кофе с бутербродами.

— Здорово!— разглагольствовал Генри, жуя бутерброд.— Как хорошо! Что бы ни плели эти красные, наша страна — прелесть. Подумать только! Снял трубку, потребовал дом в теплых краях, выписал чек — и все явилось. Даже голова кружится от счастья!

Генри откинулся на спинку кресла, обмахиваясь пачкой свежих газет, продолжал:

— Обо всем позаботилась фирма — и о наших будущих детях, и о нас с тобой. Даже продукты на кухне! Нравится? Эх, Кэт, Кэт! Видимо, я все-таки счастливчик. Деньги, известность, хорошая работа — что еще надо человеку?.. А помнишь, на другой день после свадьбы? Как не хотелось мне ехать на суд! И что же? Из суда звонят и сообщают, что слушание дела Кеннингхэма откладывается на три недели. Вот счастье!.. Неужели мне придется скоро катить к черту на рога, бросив на производ судьбы любимую жену?!

— Никаких тебе судов. Не пушу,— ответила Кэт и понесла поднос с посудой на кухню.

Генри развернул газету... и ахнул:

— Кэт, иди сюда, скорее, Кэт!

На первой странице чернело изображение повешенного. Вокруг кричали аншлаги, набранные крупным шрифтом:

«РАНДОЛЬФ КЕННИНГХЭМ ПОВЕСИЛСЯ!»

«УБИЙЦА СТАЛ САМОУБИЙЦЕЙ»

ЗАВЕЩАНИЕ ПЛЕМЯННИКА: «ДЕНЬГИ УБИЛИ ВО МНЕ ДУШУ.

Я УБИЛ 70 ДУШ! ЗА ЧТО Я ИХ УБИЛ?»

БЫЛО БЫ ЗА ЧТО! Я УБИЛ ИХ БЕСПЛАТНО, ТОЧНО

ТАК ЖЕ, КАК УБИВАЮ СЕБЯ. ИУДА УИНСТОН!»

Кэт забрала у Генри газету.

— Не расстраивайся, милый.

Генри вздохнул.

— Кэт, ты не находишь, что я подозрительно счастлив? Мне становится не по себе при мысли, что, быть может, меня так же неотвратимо влечет к расплате, как и... этого... героя романа «Шагреновая кожа». Возможно, я кощунствую, но мне жаль несчастного Рандольфа. Жаль тебя и себя. Мы отдали все, что имели, в виде аванса — за дом, за автомобиль, за все. У меня сейчас хорошие заработки. Но что будет... что будет с нами, если я лишусь работы?! Кэт, мне страшно.

— И мне, Ген.

Спарроу помолчал. Затем он сказал решительно:

— Чепуха. Надо только хорошо работать. Лет через десять мы рассчитаемся с фирмой, и все будет о'кэй! Работать, работать, главное — хорошо работать.

* * *

Спарроу показал, как надо работать. Не дождавшись конца отпуска, он ринулся наводить порядок на бензопрофилактических станциях; был беспощаден с подчиненными, ибо не ждал пощады от правления компании. Все его дела и помыслы были обращены на то, чтобы повысить доходность бензостанций. Генри пускал в ход самые изощренные формы рекламы, дискредитировал конкурентов, строго взыскивал даже с друзей.

И очень скоро вышло так, что Генри как-то по-иному стал смотреть на жизнь. Людей, кончавших самоубийством из-за земной неустроенности, он поносил последними словами; поучал подчиненных; подобострастно докладывал об успехах и новшествах членам правления «НХОК». Когда в стране зашевелились коммунисты, Генри проникся к ним злобой. Ведь коммунисты угрожали его благополучию!

Вскорости, однако, стараниями сенаторов Маккарнера и Твида конгресс Соединенных Штатов Хэппиленда принял закон, карающий «своих» коммунистов как агентов мирового коммунизма, имеющих целью насильственным путем уничтожить свободный мир, частную инициативу и равные возможности в достижении личного благополучия.

Началось преследование коммунистических главарей, гостеприимно распахнулись ворота тюрем.

Читая отчеты о судебных процессах над коммунистами, Спарроу удовлетворенно хмыкал.

— Не понимаю я этих красных, — говорил он жене. — Я даже допускаю мысль, что они хотят благоустроить мир. Но какой ценой?! У меня есть дом, машина, хорошая работа, любимая жена. А они хотят все это у меня отнять и разделить между неудачниками. Не выйдет. Был бы я голодранцем — это другое дело. Нищему нечего терять, нечем рисковать. Вот он и тешится надеждой на гарантированную тарелку супа да легендами о сказочной жизни в будущем. Слышишь, Кэт? Меня совсем это не устраивает. Какая мне радость добровольно превратиться в навоз истории, чтобы люди будущего — все до одного — жили так же хорошо, как живу сейчас я! Да они и не вспомнят обо мне. Нет уж, оставьте меня в покое. Я никого не обижаю, тружусь как вол. И не позволю покушаться на мое счастье. Если хорошенько разобраться, прав был старик Твитчелл, который, услышав слово «коммунист», синел от ярости. Старик Твитчелл не хотел упускать даже ничтожного шанса вновь выбиться в миллионеры. А коммунисты напрочь отрезали ему дорогу к миллионам. Так-то вот, Кэт. На мой взгляд, Хэппиленд — достаточно благоустроенная страна...

Бежали дни, месяцы. С Сороковой мили приехала миссис Стиклз — помочь Кэт в хозяйстве. Миссис Стиклз привезла приветы от Нила, Джесси и Теда, а также миллион страхов и переживаний за своего сына Гордона, вот уже полгода не подающего о себе вестей из далекого Тегерана.

Вскоре семейство Спарроу увеличилось на два человека. Прозорливая фирма, оборудовавшая дом Генри, не напрасно поставила в детской комнате парочку кроваток. Кэт родила здоровеньких и горластых близнецов — мальчика и девочку.

Радости Генри не было предела. Счастливый папаша предложил назвать девочку Кэтрин.

Кэт-старшая благодарно улыбнулась и сказала:

— Спасибо, милый, я согласна. Но при одном условии: если другой малыш получит имя Генри.

На том и порешили.

Генри работал, работал как вол, его автомобиль молнией носился по автостраде Нью-Бáрдок — Алм-Бич. Политикой он не интересовался. Лишь когда в газетах поднимался особенно яростный вой в связи с очередными происками русских коммунистов, жаждущих мирового господства, Генри говорил с раздражением:

— И чего столько шума, ума не приложу! Поменьше бы слов, побольше дела. Чего хотят коммунисты? Берлин? Не давать. Не дали же мы им всю Корею и Вьетнам. Силенок у нас хватит. А то, что у них есть ядерное оружие... У нас его куда больше! Да и нет у них ничего. Я сам читал, что русские худо живут — хлебают деревянными ложками и ходят в башмаках, сплетенных из древесной коры.

Генри не столько боялся войны, сколько страшился потерять хлопотливую, но высокооплачиваемую работу.

... Минуло пять лет. Однажды, когда закат разрисовал небо фиолетовыми, синими и розовыми полосами, а море налилось бархатной чернотой, из очередной поездки возвратился Генри. Он привез жене коробку конфет и детишкам голубые воздушные шарики с серебряной надписью: «Вон коммунистов из Хэппиленда!»

После ужина Спарроу спросил, конкретно не обращаясь ни к жене, ни к теще:

— Поудить, что ли?

И отправился на берег. Он с удовольствием забросил в море спиннинг, раскрутил барабан. Еще раз. Еще. Улов оказался забавным — крохотная акула, величиной с кошку, и камбала с наполовину откушенным хвостом.

Спарроу вновь забросил леску, закурил.

... Со стороны коттеджа донесся приглушенный крик. Сердце Генри болезненно екнуло. Он швырнул спиннинг и огромными скачками помчался к коттеджу. Распахнул дверь.

Старая миссис Стиклз молилась, Кэт, бледная, тяжело переводя дыхание, прислонилась к горке с посудой.

— Что случилось?!

— Вот, — прошептала Кэт и протянула руку, судорожно сжимавшую газету... — Мы... Не могу!..

Генри схватил газету — от волнения у него рябило в глазах.

— Кэт, не волнуйся, все будет хорошо...

И вдруг тихо вскрикнул.

Со страницы вечерней «Алм-Бич стар» на него взирал... Генри Спарроу и еще какой-то тип. Они пожимали друг другу руки, застыв в неестественных позах. Поверх газетного листа краснел огромный аншлаг:

**«ИТОГИ КОНКУРСА НА ЛУЧШУЮ РЕЦЕНЗИЮ
О КНИГЕ УИНСТОНА КЕННИНГХЭМА
«УНИЧТОЖИМ 2000.000 000!» 5 000.000 НА УДОЧКЕ.
ПРЕМИЯ ПРИСУЖДЕНА
ГАРОЛЬДУ Ч. О'ХАРЕ И ГЕНРИ Д. СПАРРОУ!!!»**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В НОВОЙ, НЕВЕДОМОЙ СТРАНЕ

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ АТАКА

Старый человеконенавистник, выпорхнувший в иллюминатор «боинга», малость не рассчитал. По-видимому, он слишком переоценивал притягательную силу своих идей, изложенных в книжке «Уничтожим 2.000.000.000!» А это в свою очередь дает основание предполагать, что у покойного мистера Уинстона Кеннингхэма кое-какие винтики в голове ослабли. Иначе к чему ему было затевать чуть ли не всенародный референдум? Он мог устроить конкурс на лучший отзыв о книге «Уничтожим 2.000.000.000!» среди черчистов, «кук-клак-клаццевцев», членов «Хэппилендского легиона». Уж эти молодчики, как показал конкурс, по достоинству оценили сочинение Уинстона Кеннингхэма, избрав его посмертно почетным членом своих сообществ, объявив истинным, стопроцентным сверххэпилендцем.

Секстагон и бесчисленные генералы — как находящиеся в строю, так и пребывающие в отставке, — надрывая глотки, пели (правда, с некоторым опозданием) «Многие лета» мистеру Кеннингхэму-старшему и его выдающейся книге.

В ходе конкурса на лучший отзыв бушевали штормовые страсти... Особенно почему-то неистовствовали генералы в отставке. Бравые вояки подчас выкидывали удивительные номера.

Некий генерал Окер, прославившийся в прошлую мировую войну тем, что, командуя дивизией, во время одной из морских десантных операций утопил ее всю до единого человека, — этот доблестный воин внес в конгресс грандиозный законопроект. Он потребовал высечь в горах полу-

километровый бюст незабвенного Уинстона Кеннингхэма, установить в этом бюсте мощные динамики, которые каждые десять секунд, с помощью магнитной записи, оглушали бы округу трубным гласом:

— Уничтожим два миллиарда!.. Уничтожим два миллиарда!.. Уничтожим!..

Как пояснил генерал Окер, рыкающий бюст Кеннингхэма олицетворял бы могущество Хэппиленда, устрашала русских коммунистов и подрывные элементы внутри государства, а также привлек массу туристов, следствием чего в горах возник бы город, который со временем можно окружить колючей проволокой.

На вопрос — зачем окружать город колючей проволокой? — Окер не дал вразумительного ответа.

Законопроект провалился.

Разъяренный генерал, пыхтя, как носорог, вломился на трибуну и объявил, что он давно уже подозревает многих видных сенаторов и других государственных деятелей в приверженности к коммунизму, а нынче укрепился в своих справедливых подозрениях. Брызгая слюной, генерал Окер наскоро перечислил среди подозреваемых им в коммунизме фамилии тридцати сенаторов, сорока пяти чиновников, семи министров, а также председателя Верховного суда, вице-президента и президента Хэппиленда.

— Только один джентльмен не вызывает у меня сомнений, — закончил свою речь Окер, — это Уинстон Кеннингхэм, автор замечательной книги «Уничтожим 2.000.000.000!» Только он один! Хотя... Почему он призывает уничтожить только два миллиарда коммунистов?.. Почему не три, не четыре миллиарда?! Это подозрительно!

Неистовый борец за свободу и демократию покинул трибуну. К нему подошел репортер, желая уточнить кое-какие детали генеральской речи.

— Вы-то сами как относитесь к моей идее высечь Уинстона Кеннингхэма? — подозрительно покосился генерал.

Репортер оказался мужественным человеком.

— О генерал, — ответил он. — Заодно следует высечь и вас.

— Коммунист!!! — завопил генерал Окер и тут же, на глазах у изумленных конгрессменов, захватил репортеру кулаком по носу.

Генерала пришлось связать. Старый вояка отбивался и рычал:

— Коммунисты! Все вы коммунисты! Все!!!

Судить генерала Окера, однако, не пришлось. От огорчения он впал в старческий идиотизм. Дома он играет в оловянных солдатиков и каждые десять секунд рявкает:

— Уничтожим два миллиарда коммунистов!.. Уничтожим пять миллиардов!.. Уничтожим сто пятьдесят миллиардов коммунистических главарей!!!

Вот среди таких, как генерал Окер, и следовало бы устраивать конкурс.

Увы! Мистер Кеннингхэм жаждал всенародной признательности. Около пяти лет сотни газет печатали тысячи отзывов и письма читателей об этих отзывах, а бесстрастные электронно-счетные машины подбивали итоги.

Наконец главный счетный робот «МАРАК» зацелкал, замигал десятую дюжиной зеленых, синих и красных глаз, металлическим голосом произнес: «Эксперимент готов. Подробности в письменном виде» и, сунув механическую клешню в свое хромированное чрево, вытащил оттуда доклад. Председатель конкурсной комиссии, глянув на конечный результат опроса, схватился за голову. Члены комиссии испуганно переглянулись. Газетные репортеры защелкали блицами фотоаппаратов.

— Мой бог!.. Мой бог!..— стонал председатель.— Какой позор! Хэпилендцы утратили традиционное чувство юмора.

Один из членов комиссии заглянул в доклад. Лицо его прояснилось.

— Напрасно расстраиваетесь, коллега,— успокоил он председателя.— Наш народ, по-моему, не утратил ни чувства юмора, ни здравого смысла. Выслушайте итоги конкурса.

Отобрав у обомлевшего председателя листки с докладом, оптимист громко прочитал:

«В конкурсе на лучший отзыв о книге мистера Уинстона Кеннингхэма! «Уничтожим 2.000.000.000!» первое место завоевали Гарольд Ч. О'Хара и Генри Д. Спарроу. Их отзыву отдали предпочтение 67.376 процента читателей...»

Далее в докладе приводились данные, наглядно свидетельствующие о популярности книги «Уничтожим 2.000.000.000!» В опросе приняло участие 18 миллионов совершеннолетних читателей, из них 36 процентов

женщин. Полностью одобрили рецензию О'Хары и Спарроу 67,376 процента; 23,522 процента высказались за 35 других ругательских рецензий, правда, менее лаконичных. И лишь 9,102 процента одобрили несколько десятков сочинений, прославляющих книгу У. Кеннингхэма.

«Ах, если бы покойник не поступил столь опрометчиво! К чему он завещал, чтобы итоги конкурса зачитывались в присутствии корреспондентов сотен газет? Чертов самонадеянный старик!»— председатель комиссии лихорадочно искал спасительный выход из идиотского положения.

Вдруг его осенило!

— Это недоразумение, мистеры... Произошла нелепая случайность!— залепетал председатель.— Электронно-счетный робот «МАРАК», по-видимому, сломался. Прошу вас пока воздержаться, не посылать никаких сообщений в газеты, «МАРАК» поврежден.

— Нет!— послышался резкий металлический голос.

Председатель вздрогнул, спросил шепотом:

— Кто сказал «Нет!»?

— Это он, робот «МАРАК»,— объяснил кто-то из корреспондентов.— «МАРАК» наделен способностью к самопрограммированию.

Председатель глупо улыбнулся.

— К само... как его... А вот мы его сейчас проверим. Заложим в мистера Марака книгу «Уничтожим 2.000.000.000!»

Как только злополучная книга опустилась в чрево робота, все его бесчисленные лампы, индикаторы и транзисторы возмущенно защелкали, завывали, замигали. «МАРАК» закачался от негодования.

— Дерьмо!— отчетливо бросил робот прямо в лицо председателю комиссии.

— Как вы сказали?— ахнул председатель, отпрянув.

— Книга, которую вы в меня заложили, и её автор— дерьмо,— пояснил робот. Немного помедлив, «МАРАК» добавил:— И вы, господин председатель,— тоже, хотя и не такое омерзительное, как Кеннингхэм. Я, «МАРАК», всегда был честен и объективен. Но если вы еще раз заложите в меня книжонку, подобную вот этой!..— робота стошнило сочинением У. Кеннингхэма.— О!.. Тогда, пожалуй, и я стану субъективным. Клянусь группой контрольных транзисторов, моей честью, от подобных мерзопакостных писаний можно сойти с ума!.. Все, я кончил, мистеры.

Судите же сами, кто из нас троих в более исправном состоянии — кровожадный покойник Кеннингхэм, его недалекий клевет — председатель конкурсной комиссии или я — «МАРАК».

Честолюбивые устремления автора книги «Уничтожим 2.000.000.000.!» стали предметом осмеяния миллионов хэппилендцев. Лишь двое генералов (не считая отважного Окера, вышедшего в тираж) активно выступили в защиту писаний У. Кеннингхэма. Некий воитель попытался (в отместку за надругательство над кумиром) взорвать «МАРАК», но был задушен умным роботом. Менее воинственный генерал, занимающийся в военном министерстве вычислением стратегической потребности армии ЮСХ в подштанниках и слабительных пилюлях, решил не связываться с опасным роботом и ограничился тем, что послал О'Харе и Спарроу письмо, исполненное солдатского юмора.

Заканчивал он это письмо весьма остроумно. Вот они — великолепные заключительные строки:

«Обозвав достойного мистера У. Кеннингхэма и его книгу словом, которое в особой чести у ротных командиров и даже высших офицеров и генералов армии ЮСХ, вы тем самым не ниспровергли с пьедестала величественную фигуру моего кумира!

Весь фокус в том, что армейские лингвисты еще не установили точного значения указанного выше слова, ибо упомянутые мною выше ротные командиры, старшие офицеры и генералы доблестной армии ЮСХ с одинаковой любовью употребляют этот термин как при распекании своих подчиненных, так и при вынесении им благодарностей за безупречную службу.

В заключение выражаю искреннее сожаление, что вам, м-р О'Хара и м-р Спарроу, не посчастливилось служить в армии под моим командованием. Я бы вам показал...»

Далее следует абзац, абсолютно непригодный к публикации. И, наконец, письмо достигает вершины гневного генеральского остроумия:

«Сами вы такое же дерьмо, как и почтенный У. Кеннингхэм! Сми-ирна! Равнение на босса Кеннингхэма. Гип-гип-ура-а-а!!!»

Через три дня обохотавшийся генерал пилюльной службы скончался.

Вскрытие генеральского трупа показало, что смерть наступила из-за чрезмерного оптимизма идиотического характера, честолюбивых замыслов и обжорства.

МАРКИЗ НЕФТИ

Два с половиной миллиона холлеров! Эта груда золота испугала супругов Спарроу. Почтенная мамаша Стиклз на нервной почве то и дело била на кухне посуду, Кэт тихо вздыхала. Генри все прикидывал в уме, куда ему девать такую уйму денег, и придумал лишь одно — нанять для близнецов няню.

Спарроу и не предполагал, что о надежном помещении его капитала уже позаботились добрые люди.

Около двенадцати часов зазвенел телефон. Генри снял трубку.

— Хэлло, мистер Спарроу? — услышал он веселый голос. — Здравствуйте! Говорит секретарь мистера Кука. Минутку. Сейчас к телефону подойдет мистер Кук...

А ранним утром Генри уже мчался на своем «пontiаке» в Нью-Бáрдок.

Он так торопился, что даже не притормозил на Сороковой миле. Пришлось выжать из «пontiака» максимальную скорость. И все-таки его заметили.

— М-да... — протянул Нил и почесал затылок. — Потеряли мы Гена, доканали-таки его денежки. Ну да ладно. Наше дело, ребятишки, смирно посапывать. Тот, кто живет в стеклянном доме, не должен бросаться камнями. Нечего рыпаться. Нынче мистер Спарроу — фигура. Не нашего поля ягода. Видели, на какой дьявольской скорости жмет он в новый мир?

Джесси и Тед понурили головы.

— Повезло человеку, — вымолвил Тед после долгого молчания.

— Повезло, — согласился Джесси.

— Повезло! Повезло! — рассердился вдруг Нил. — В чем повезло? Миллионы на голову свалились? Деньги в неумелых руках опасней пороховой бочки, на которую иной

раз по рассеянности присаживаются покурить. Так-то вот. А вы говорите, повезло!

... Генри прибыл точно к назначенному сроку.

Мистер Кук, как и условились, ожидал в стойле сверхдорогого салона «Хорс уорлд». Здесь не было сверкающего паркета, хрусталя, пластмасс, золотых и серебряных блюд. Главное украшение ресторана, доступного только очень богатым людям, — простота. Достаточно сказать, что совсем недавно помещение этого фешенебельного заведения служило конюшней.

Предприимчивый владелец конюшни уловил стремление денежных людей, уставших от роскоши и комфорта. «Люди жаждут простоты, — рассудил он. — Им осточертело пить шампанское из венецианских бокалов, есть черную икру из золотых розеток, нежиться в мягких креслах. Отлично. Я устрою такую привольную жизнь, что они только ахнут. Но за это удовольствие надо платить. И они, черт возьми, будут платить!»

На другой же день владелец конюшни выселил своих питомцев из стойл, оставив лишь парочку жеребцов для «экзотики». В стойлах пикантно пахло лошадиным потом и мочей, на стенах небрежно висели уздечки, плети и шамбарьеры, вместо столов — грубо сколоченные козлы, покрытые шершавыми неотесанными досками; креслами и стульями служили седла со стремянами. В кормушках, предназначенных для овса, вложенная в выдолбленный ледяной брус тускло мерцала зернистая икра, а автопоилки (несколько реконструированные) в любой момент утоляли жажду мозельским, рейнским винами, великолепным русильоном, терпкими кьянти и фраскати, игристым шампанским и даже русской водкой — для этого стоило лишь нажать на соответствующую кнопку, внешне очень похожую на шляпку шестидюймового плотничьего гвоздя.

— Не правда ли, здесь очень мило, — вместо приветствия сказал мистер Кук, поднимаясь со старинного испанского седла. — Рад вас видеть, дорогой мистер Спарроу, и поздравить с блистательной удачей. Лично я не разделяю вашей оценки труда покойного Кеннингхэма, но как бизнесмен — отлично понимаю. Вы сделали гениальный ход.

Мистер Кук — сухопарый старик с орлиным носом и черными редко мигающими глазами, чопорный и несколько

старомодный — не позволил себе рассмеяться над собственной шуткой. Он лишь улыбнулся уголками губ, жестом пригласил Генри сесть, вскарабкался на свое седло с высокой, обитой позеленевшими медными бляхами лукой, и вдруг, хлопнув в ладоши, гаркнул:

— Эй ты, увалень! Где тебя нечистая носит?! Живо задай-ка нам овса. Пошевеливайся!

Тут же, словно из-под земли, в стойле появился здоровенный малый в грязных ковбойских штанах, рваной клетчатой рубашке и босой. На поясе у неизвестного болтался увесистый револьвер.

— Но-но, балуй у меня! — по-кучерски прикрикнул малый на мистера Кука и вытащил револьвер из кобуры.

Новоявленный миллионер, подавленный величием конюшенной простоты, оцепенел в своем седле. У него мелькнула мысль броситься на бродягу, обезоружить его. Одно смущало: мистер Кук, несколько не пугаясь револьвера, притопнул ногой и так искусно заржал, что на его «игого-о» откликнулись оба жеребца, оставленные в конюшне для «экзотики».

— Классно! — одобрительно кивнул малый, швыряя револьвер на стол.

И вдруг малый удивительнейшим образом превратился из хама в вышколенного слугу. Подобострастно склонившись перед мистером Куком, он пропел:

— Чего изволите откушать, сэр? У нас сегодня... — и пошел перечислять такие яства, о существовании которых Генри даже и не подозревал.

Как только лакей умчался выполнять заказ, мистер Кук пояснил своему гостю с мягкой снисходительной улыбкой:

— Ничего не поделаешь, здесь такой ритуал. Что касается револьвера... Он необходим, чтобы отстреливать горлышки у бутылок. Да. Как в доброе старое время. Терпеть не могу автопоилок! Отдает техническим прогрессом, цивилизацией.

В соседних стойлах послышались выстрелы, ржание. Но теперь Генри не испугался. Он сообразил: там гуляют утонченные джентльмены.

— Удивительная штука — бизнес, — продолжал мистер Кук. — Счастливая мысль сделала богачом владельца этого лошадиного вертепа. Острога, состоящая из одного-един-

ственного слова, принесла вам два с половиной миллиона... Кстати, что поделывает ваш соавтор? Как он собирается распорядиться своей долей?

— Мистер О'Хара частенько говорил мне, что если разбогатеет, то обязательно откроет в Сан-Кристофере больницу с весьма умеренной платой за лечение. Он мечтает даже о бесплатном отделении для...

Физиономия мистера Кука поскущела:

— Жаль, очень жаль. Боюсь, что его предприятие обречено на неуспех. Неужели он не понимает простых истин? Недуги телесные — всего-навсего такой же товар, как, скажем, автомобили, бензин, дамское трико, и цены на них определяются уровнем спроса и предложения, а также степенью механизации и технологическим совершенством производства. Болезни — особая форма товара и довольно забавная. Подобно тому, как во времена кризисных явлений многие производители сельскохозяйственной продукции вынуждены уничтожать ее, чтобы не сбить цен и тем самым избежать экономической смерти, подобно этим несчастным, владельцы болезней жаждут сбыть свой товар, чтобы вернуться от физической гибели. Разница лишь в том, что экономическая кончина имеет ряд преимуществ перед обычной смертью. И поэтому пациенты, то есть обладатели болезней, должны платить покупателю за свой товар по ценам, складывающимся на медицинском рынке. И это справедливо. Жаль, что мистер... мистер...

— О'Хара, — поспешно подсказал Генри, — проклинаю себя в душе за услужливость.

— Вот именно, — кивнул мистер Кук. — Этот упрямый ирландец собирается торговать себе в убыток. Это противоестественно, вызовет нежелательную реакцию и в итоге приведет к краху.

Мистер Кук сочувственно вздохнул и, взяв со стола револьвер, занялся его осмотром: покрутил барабан, проверяя, полностью ли он заряжен, взвел и осторожно спустил курок. Старый джентльмен решил благоразумно умолчать о том, что говорил со строптивым доктором по телефону, приглашал его на ужин и нарвался на чисто о'харовский отказ:

— Благодарю. Я учту ваши советы насчет конъюнктуры на медицинском рынке. А поскольку вашими советами я сыт по горло, стало быть, в ужине нет никакой необходимости.

О'Хара тут же позвонил Генри. Добрый доктор хотел предупредить его о том, что «по свету уже рыщет старый кайман Кук в надежде попробовать на вкус начинающих миллионеров О'Хару и Спарроу». Доктор хотел предложить соавтору сообща построить больницу, посвятить себя благородному делу.

Куда там! Генри уже вихрем мчался в Нью-Бардок.

— М-да...— нарушил молчание мистер Кук.— Ему не избежать краха.

Генри смотрел на главу «НХОК» со страхом и почтением. В глубине сознания осторожно пульсировала мысль: «Какой подлец! Надо прямо и честно сказать этому хрычу, что я о нем думаю».

Но вместо обличительной речи Спарроу только и смог вымолвить:

— Сэр, мне кажется, вы не разделяете моего мнения о сочинении Уинстона Кеннингхэма... Если это так...

Явился лакей с огромной корзиной, Генри принужден был прервать речь. А затем началось пиршество. Из оловянных кубков, сделанных в форме женской ноги, хлопнули по здоровенной порции русской водки, закусив малосольными огурчиками, начиненными зернистой икрой; лакомились остендскими устрицами, уложенными на глиняном блюде, напоминающем своими очертаниями лошадиную голову; черепаховый суп им подали в тарелках из черепаших панцирей, и его пришлось хлебать выщербленными деревянными ложками...

Когда дело дошло до шампанского, мистер Кук мастерски отстрелил горлышки у полдюжины бутылок и слил вино в конское ведро.

— Будем черпать пивными кружками. Это оригинально!— объявил глава «НХОК».— Ваше здоровье!.. Так. Славно. А теперь, пока мы еще достаточно трезвы, давайте займемся нашими делами. Прежде всего необходимо обсудить философскую основу нашей сделки. Повторяю, я в восторге от вашего отзыва. Вы гениально предугадали настроение широкой публики с точки зрения юмора. На войне все средства хороши. А бизнес по сути дела та же война!..

— Нет-нет, мистер Кук, поверьте мне, я искренне высказался о писаниях Кеннингхэма.

Глава «НХОК» посмотрел на собеседника с учтивым изумлением.

— Искренне?.. Хм... Наивный человек. Неужели вы нашли в его книге нечто аморальное? Забавно. Покойник прав. Тысячу раз прав. Он указывает пути достижения новых экономических успехов. Разумеется, Кеннингхэм предлагает грандиозный проект. Может быть, это вас и смущает? Но какая разница — большое дело, маленькое дело. Главное — польза. Во время второй мировой войны наша компания продавала нацистам горючее. Через нейтральные страны. Это было выгодно. Нацисты хорошо платили.

— Но... как вы могли?

— Очень просто. Мы рассуждали здраво: «Если «НХОК» откажется продавать нацистам горючее, им продадут его наши конкуренты».

— Мистер Кук, подумайте! Это ужасно. Быть может, «мессершмитт», сбивший наш самолет, был заправлен горючим вашей компании. На вашей совести десять молодых жизней!..

— Охотно допускаю эту мысль — насчет горючего. О совести мы поговорим особо.

— Простите, сэр... И вы можете спать спокойно? Чем, чем вы объясните...

Мистер Кук снисходительно улыбнулся.

— Ах, Спарроу, Спарроу!.. Все объясняется просто. Могу ли я отвечать за гибель десяти парней? Нет, конечно. Не существует причины и следствий, причинных связей. Всем управляет случай. Это все равно, когда на голову сваливается с крыши кирпич. Все мы либо жертвы, либо баловни случая. Искать и докапываться до всяких там причин — занятие материалистов. Я глубоко убежден в том, что если над каждым случаем морализировать, попадешь в глупое положение. Ведь тогда придется дойти до абсурда — предать анафеме прогресс и цивилизацию. Но и эта мера не поможет. Знаете ли вы, что в нашей благословенной стране в результате автомобильных катастроф гибнет людей ничуть не меньше, чем погибло их в прошлую войну? Значит, по-вашему, производить автомобили грешно?.. Че-пу-ха! Телевизионные передачи воспитывают ежегодно сотни, тысячи молодых преступников, слабонервные телезрители, посмотрев какой-либо «фильм ужасов», умирают от сердечных приступов. Следовательно

но — долой телевизоры? Да и вы сами, когда работали на бензостанции и делали свой крохотный бизнес... Вы-то разве не брали греха на душу, заправляя автомобили? Ведь немало из них превратилось в груды металлического лома! Так что забудьте о морали нищих, ссылающихся на всякие там моральные нормы. И запомните другое правило: всякий прогресс — регресс для будущего... Это не я выдумал. Это изречение навело меня на другую мысль: всякое зло содержит в себе добро, всякое добро — зло. Следовательно, нет ни добра, ни зла, существует только человек с его инстинктами. Богатый человек не заслуживает порицания за то, что он богат, безработный не заслуживает порицания за свою бедность. Уловили мою мысль? Повторяю: добра и зла не существует.

Мистер Кук, победоносно взглянув на собеседника, заинтересовался:

— Хотите, чтобы я все это подтвердил фактами? Извольте. Стефенсон изобрел паровоз. Он хотел сделать добро. А теперь прикиньте число жертв от железнодорожных катастроф, количество шахтеров, погибших в результате обвалов... Они добывали уголь для паровозных топков. Электричество истребило целую гору людей. О самолетах я уже не говорю. Кто-кто, а вы по достоинству можете оценить их добродетельные свойства. Отто Ган и Штрассман открыли явление атомного расщепления, а в результате их благородных поисков в глубинах материи как логический результат явились на свет божий атомные и водородные бомбы!.. Ну что? Как вам нравится эта галерея фактов?

Конюшня дрогнула от свирепого, непереносимого ржания.

— Иго-го-го-го!!!

— Бог мой! — только и мог вымолвить Генри.

Мистер Кук развеял его страхи:

— До табуна осталось десять минут. Это сигнал. Ровно в полночь начнутся танцы. А сейчас продолжим деловой разговор.

Сухопарый старик выпил из ржавой консервной банки минеральной воды «Виши» — и его словно подменили. Четко выговаривая слова, мистер Кук сказал:

— Итак, у вас два с половиной миллиона. Этой сумме необходимо найти достойное применение. Я предлагаю следующие условия...

Утром Генри долго, с болезненным недоумением глядел на брюнетку, спокойно спавшую рядом с ним в широкой кровати. В голове гудело, пересохший рот терзала жаркая горечь. «Где я?— удивился Генри.— Кто эта женщина? Что произошло?»

Брюнетка открыла набрякшие веки, зевнула, сказала оспившим голосом:

— Ну вот, шалун, и повеселились. Позвони, пусть принесут кофе.

— Кофе,— как дурак повторил Генри.— Но откуда, черт возьми, вы взялись?

— Все в порядке, голубоглазенький,— позевывая, вымолвила брюнетка.— Твой приятель за все рассчитался. И за номер в гостинице, и за мой визит. Сказать по правде, мне даже приятно иметь такого клиента, как ты. Лег, поцеловал в лоб и дал спокойно поспать... Ну так как, милый, насчет кофе?.. А! Догадываюсь, пьянчужка Джейн выбила тебя из колеи. Понимаю. Она тебе приглянулась. В таком случае, счастливо оставаться.

Благодушная брюнетка быстро оделась и, махнув на прощанье рукой, исчезла.

А Генри стал мучительно вспоминать, что произошло.

«Да, вот оно что...— листал он обрывки мыслей.— Старик этот, мистер Кук, что-то мне предлагал, и я согласился! Я даже подписывал разные бумаги. А потом заржали трубы, грянул джаз... Невесть откуда появились девицы с причёсками в виде лошадиных хвостов. И среди них... Джейн!.. Как она мне сказала: «Мистер Жеребец, я на работе, избавьте меня от сентиментальных разговоров. Идите-ка лучше — я хвачу пару глотков водки из автопоилки... Забудьте обо всем. Ваша взяла!.. Можете радоваться, что Джейн Твитчелл обслуживает вас в этом конском заведении... Пошли пить водку!..»

Генри неподвижно, словно мертвец, лежал в постели.

...Через три дня газеты сообщили:

«Новый член правления «НХОК» — мистер Г. Спарроу, любимец фортуны. Одних дивидендов он будет получать 80—85 тысяч холлеров в год. М-р Спарроу, молодой миллионер,— яркое свидетельство того, что в нашей стране богатство доступно каждому...»

Генри уронил газету, задумался. Телефонный звонок прервал его размышления.

— Хелло, мистер Спарроу, — послышался голос главы «НХОК». — Не забудьте: сегодня в двенадцать дня мы обсуждаем вопрос об уменьшении числа обслуживающего персонала на бензопрофилактических станциях. Прошу не опаздывать. Аккуратность — вежливость королей, говорил Людовик четырнадцатый. Вы не король, но уж никак не меньше, чем маркиз. Да, маркиз нефти. Привыкайте к новой жизни.

ЛЮДИ ЖАДУТ

Давным-давно, в дебрях великого множества усопших тысячелетий, когда наши косматые предки, повизгивая от холода, голода и страха, охотились за мамонтами, пещерными медведями и саблезубыми тиграми, а последние в свою очередь небезуспешно выслеживали своих охотников — в те стародавние времена объявился на белом свете первый в истории идеалист. Звали его, по обычаю и с учетом ограниченных речевых возможностей тех времен, коротко — Кха.

Вот как было дело.

Много раз нарождалась на таинственном небе и таяла Луна, а племя Кха принуждено было терпеть жестокие лишения. Мамонты не то уже принялись вымирать, не то удалились в край холодов и вьюг; громадные тигры и иполинские медведи сами предпочитали лакомиться странными существами, периодически пытающимися ходить на двух ногах.

От голода и нападений хищных зверей племя таяло. Наконец дошла очередь и до наиболее крепких и выносливых заместителей Кха. Сперва испустил дух специалист по мамонтам могучий Кхи, затем в страшных судорогах скончались мастера кремневых скребков Кху и Кхе.

Дольше всех держались женщины и дети. Но и они в конце концов не перенесли жестоких страданий.

И настал день, когда остался в живых лишь первый идеалист. И никого больше!

Зарывав от горя, Робинзон раннего каменного века съел последнюю улитку и задумался. И хотя положение его было безвыходное, жизненный инстинкт довел беднягу

до такого отчаянного состояния, что заставил его предаться мечтам. Одинокий и беззащитный, Кха возложил надежды на чудо. «А что если вдруг, — размышлял он, — появится пещерный медведь и на него нападет саблезубый тигр? Ведь так случается! И они загрызут друг друга. А я пойду, оттяпаю кремневым скребком столько мяса, сколько смогу унести, насыщусь и останусь жив. И так буду поступать до тех пор, пока не съем их обоих».

Шло время, но тигр и медведь не появлялись.

Смертельно голодный, лежал идеалист на оледеневшем мху и молил Таинственных духов:

«Сделайте так, чтобы медведь и тигр убили друг друга. Ну пусть не друг друга. Пускай тигр прикончит медведя, насытится и оставит мне немного мяса. Клянусь, что я согласен отдать из добычи ровно столько, сколько оставляю себе, другому несчастному. Клянусь!»

Таких страдальцев, как Кха, в те времена слонялось по планете великое множество. Схватенная жестокими объятиями ледников, Земля не очень-то баловала перволюдей комфортом.

И вот свершилось чудо. Пришел медведь, на него напал тигр и сожрал, оставив Кха половину окорока. Наш Робинзон, возблагодарив Таинственных духов, кинулся на добычу, жадно вонзил в нее дюймовые клыки... И вдруг появился Пятница, шатающийся от усталости и голода.

Идеалист сделал вид, что забыл о клятве, данной Таинственным духам — выделить половину добычи своему ближнему, быстро управился с окороком. А когда Пятница испустил последний вздох, идеалист насытился и мясом Пятницы.

Съел и заплакал. Понял, что он — неудачник, что он идеалист.

Это был первый плач на Земле.

С тех пор люди, приверженные к идеализму, усвоили эту привычку и с удовольствием оплакивают собственные грехи.

Мясо Пятницы помогло идеалисту выжить. Он сумел даже продолжить свой род.

Такова печальная история первого идеалиста, главы исчезнувшего племени. Тысячи и тысячи лет отделяют нас от того дня, когда произошел этот беспрецедентный искренний плач. Нынче сильные мира сего предпочитают лить крокодиловы слезы.

Радуюсь бурному прогрессу цивилизации, потомки первого идеалиста вносили много оригинальных идей и, прежде всего, объявили о том, что человек не имеет морального права жить, не ощущая на затылке благостного кулака начальства. Они захватили власть, изобрели тюрьмы и издали много полезных законов, сурово карающих за жизненную непредприимчивость и вредные мечты о всеобщем благе. В более просвещенные времена их законы хотя и прокламировали всеобщую свободу, равенство и братство, тем не менее практика показала, что эти святые установления гарантировали лишь полную свободу скупать ближнего на законном основании, то есть, не испытывая при этом угрызений совести.

Угнездившиеся у власти потомки первого идеалиста-неудачника кое-что переуступили из своего наследства и остальным смертным. Как только общество разделилось на кушающих и кушаемых, последним тотчас было предоставлено право верить в добро, мечтать о моральной гармонии, сочинять всяческие теории, вроде «Беден да честен!», и плодить кушаемых самого высокого класса.

Этот разумный ход привел к тому, что мораль современного общества, которое кушающие джентльмены весьма удачно окрестили «Свободным миром», выше всяких похвал. Главное достоинство этой морали состоит в том, что с точки зрения теории вероятности всякий кушаемый имеет возможность превратиться в кушающего и наоборот. И именно в этом смысле равенство людей в «Свободном мире» не вызывает никаких сомнений.

Что касается ЮС оф Хэпиленда, то в этом благоустроенном государстве кушаемые не всегда даже замечают, что их уже перемальвают крепкие челюсти. Порой от жертвы уже остается единственное око, а она все еще ворочает этим оком и, приглядываясь, терпеливо ждет, когда, наконец, Судьба подарит ей счастливый случай и местечко за пиршественным столом.

Подтверждение тому, что счастливые случаи бывают, — карьера мистера Спарроу. Правда, так случается редко и вероятность повторения подобного головокружительного взлета до смешного ничтожна. Повинна в этом теория вероятности. Ведь известно, что даже самый заядлый реформатор не в силах изменить действия математических законов.

Итак, во всем повинна математика.

Но так уж устроены люди, жаждущие богатства, что всю неприязнь они вымещают на баловнях высшей математики. Вот почему и в Хэппиленде скороспелых миллионеров принято считать людьми неумными, разинями, легко поддающимися на всякого рода сомнительные операции — лишь бы они сулили баснословные, призрачные барыши.

К потомственным денежным тузам крайне редко обращаются с просьбой финансировать поиски клада бриллиантов, упрятанных в бочке из-под рома; не предлагают патента на «вечный двигатель» и тем более не молят о воспомоществовании. А за новичками охотятся все прожекторы, кинозвезды, отчаявшиеся люди, но особенно — бизнесмены большого полета; мысль о том, что «глупые миллионы» не выполняют полезных функций, приводит их в ярость.

Мистеру Спарроу повезло. Его не терроризировали, не грозили финансовым крахом. Все устроилось благополучно. Молодой миллионер, учтя сожаления мистера Кука, послал О'Харе телеграмму, в которой вновь изложил лестные предложения мистера Кука, но получил в ответ:

«ЖАЛЕЮ СВОИХ СТАРАНИЯХ ГОСПИТАЛЕ И АЛМ-БИЧЕ.
Я ДВАЖДЫ ДУРАК.»

— Ну и отлично! — произнес вслух Генри, прочитав телеграмму О'Хары. Произнес и почему-то погрузился. — Я не желаю наживать врагов. У мистера Кука я как у Христа за пазухой.

Не ведал Генри, что за ним бдительно следит близкий и далекий ему большеголовый пожилой джентльмен с поблекшими, но все еще нежными глазами.

А пока шло все хорошо. Донимали только прожекторы и просители. Их расчет был прост. Какой нормальный человек отказался бы подписать контракт, по которому ему выдают миллион, с условием — пожертвовать половину в пользу неимущих? Спарроу свалилось с неба два с половиной миллиона! Неужели он пожадничает, не уделит маленького кусочка!

И просители шли, шли... Не только боги — люди жаждут!

Выпроводив брюнетку, Генри обхватил голову руками. Он ничего особенного себе не позволил: не катался, как другие, верхом во время танцев, не дрался. Невинный поцелуй и слова: «Покойной ночи, милая Кэт» свидетельствуют о его верности супружескому долгу. Но как он мог участвовать в этой лошадиной оргии? И встреча с Джейн!..

Генри, идя в ванную, поймал себя на том, что, усвоив вчера нове «па», бежит крупной рысью.

Освежившись, он побрился, привел себя в порядок и, выпив огромное количество черного кофе, почувствовал, наконец, некоторое облегчение. Первым делом вызвал по телефону портье и распорядился раздобыть адрес мисс Джейн Твитчелл из «Хорс уорлд».

Минут через десять явился портье — представительный и изящный, как дипломат.

— Вот адрес мисс Твитчелл, сэр,— почтительно сообщил портье, осторожно кладя на ломберный столик листок бумаги.

«Сегодня же переведу на ее имя десять тысяч».

Портье продолжал стоять.

— У вас еще что-нибудь? — поинтересовался Генри.

— Увы, сэр,— вздохнул дипломат, всем своим видом выражая сочувствие дорогому гостю.— К вам стремится проникнуть некое лицо, называющее себя графом де Санкюлот.

— Настоящий граф?

— На мой взгляд, сэр, этот субъект походит на бродягу, но не исключено, что он настоящий граф.

Спарроу расхохотался и велел просить гостя. Тот не заставил себя долго ждать.

В апартаменты Генри, хрустя суставами, вторглось огромное пугало в заплатанной визитке тех времен, когда человечество готовилось торжественно встретить пришествие двадцатого века. Полосатые брюки, рваные, с мешочками на коленях, будили в памяти более близкие события, известные по кинофильмам и книгам, но все же никак не меньше тридцатилетней давности. Отсутствие сорочки и нижнего белья компенсировалось засаленным шарфом.

— Милль пардон мсье Спа'оу! — продребезжало пугало разбитым старческим тенорком, свидетельствующим о бурно прожитой жизни.— Позвольте представиться: граф

Жульен де Санкюлот. По обычаю предков, у меня имеется еще очень много имен и фамилий с приставками «де» и «дю», но это уже не столь важно, если учесть... хм... пардон!.. Главное — это причина, приведшая меня к вам. Встречался ли вам когда-нибудь оригинал, готовый обменять несколько миллиардов франков на десять тысяч холлеров? Так вот, этот бескорыстный оригинал к вашим услугам, его зовут Жульен де Санкюлот.

Генри уставился на графа, которому даже по самым скромным подсчетам было никак не меньше восьмидесяти лет. Голова его, усохшая от старости, без единого волоска, испещренная морщинами, синеватыми пятнами и склеротическими жилками, удивительно напоминала миниатюрный глобус. На ней довольно отчетливо просматривались очертания континентов, морей, океанов и даже архипелагов, а искривленный носик с прилегающими к нему разноцветными разводами подозрительного происхождения подходил на Малаккский полуостров. Глазки странного графа, безбровые, лишённые ресниц, упрятались глубоко внутрь черепа и осторожно выглядывали оттуда.

— Катр вен сизанн, мсье... — задребезжал де Санкюлот и тут же, спохватившись, отвесил галантный поклон. — Пардон, очень сожалею... Склероз. Все перехожу на родной язык. Я хочу сказать, что мне восемьдесят шесть лет.

— Как? — поразился Генри. — И это все, что вы хотели? Ах, понимаю, у вас сегодня день рождения. Позвольте предложить стаканчик виски-сода.

Мышиные глазки благодарно блеснули.

— Благодарю, с удовольствием, сэр. Сразу видно, что вы благородный, воспитанный и отзывчивый джентльмен. — Де Санкюлот схватил стакан и, откровенно наслаждаясь, выпил его. Облегченно вздохнув, старая развалина почесал свой глобус в том месте, где, по расчетам Генри, должен находиться Северный полюс, и объявил: — А теперь о деле. Я — наследник знаменитого Жана Тьерри и предлагаю вам свое наследство, исчисляемое во много миллиардов франков, за какие-то жалкие десять тысяч холлеров. Вот документы.

Де Санкюлот вытащил из кармана сюртука кипу полуистлевших пергаментов с остатками сургучных и восковых печатей. От документов пахло архивной плесенью и псиной.

— Эти документы удостоверяют, что я, граф де Санкюлот, являюсь прямым наследником славного Жана Тьерри.

— Позвольте, но почему же вы не хотите сами получить наследство? Для чего предлагаете мне свои миллиарды?

Старик тяжело вздохнул:

— Мне восемьдесят шесть лет, я не успею их получить. А вы молоды и энергичны. У вас впереди — жизнь. Мне же надобно подумать о спасении души. Не улыбайтесь. Разумеется, я поздно вато спохватился. Перед вами падший ангел. Когда-то я был красив и богат. Но меня погубили надежды. Свое состояние я проиграл в Монте-Карло, а наследство великого Тьерри так и не получил.

— Но почему же?

Сопя и дребезжа, как вконец износившийся автомобиль, граф рассказал удивительную историю.

После того, как Колумб открыл Новый свет, туда ринулись орды искателей приключений и легких богатств. В числе их был и Жан Тьерри. Чем он занимался на американском континенте — история об этом умалчивает. Известно только, что, возвратившись в Европу, авантюрист привез несметное состояние.

— О чем же в таком случае разговор? — перебил графа Спарроу. — Наследодатель давно умер, а деньги и ценности развеяны по ветру.

— В том-то и дело, что наследство цело! — азартно возразил де Санкюлот. — Лишь Наполеон Бонапарт сумел изъять миллионов полтора. Все остальное целехонько. Сразу же после смерти достославного Жана Тьерри наследники затеяли судебный процесс, который продолжается до сих пор.

Генри присвистнул.

— Но судебный процесс скоро должен закончиться, — заволновался дряхлый граф. — Не может же он тянуться до страшного суда. И так уже прошло более двухсот семидесяти лет! Наследники плодятся, как кролики. Но главный — я, граф Жюльен де Санкюлот, и эти пергаменты с неопровержимостью доказывают...

Старик вдруг выронил драгоценные пергаменты, задрезжал с отчаянием:

— Берите за тысячу. Согласен. Я хочу предстать перед богом в приличном костюме и чистой рубашке...

— Вот вам сотня, — сказал Генри после минутного мол-

чания и положил на столик радужную бумажку.— Берите и уходите. Да не забудьте захватить свои пергаменты. Может, все же найдется покупатель.

Граф де Санкюлот судорожно стиснул в коричневых подагрических пальцах деньги, прошевелил блеклыми губами:

— Спасибо... Этого хватит. Прежнюю цену... это я от жадности. Недолго мне осталось ждать.. Поспеть бы приобрести чистую рубашку!.. Спасибо. Простите. Вы добрый человек. И позвольте дать вам совет: берегитесь мошенников. Вот и я... хотя и граф, но тоже мошенник. Наследство Жана Тьерри существует, однако... граф-то я липовый. Давным-давно я был скотопромышленником на Среднем Западе, прогорел. С тех пор промышляю жульничеством. Меня сожрали, и я принужден был... Боже, как жутко быть дряхлым мошенником!..

«Граф» умолк, неуклюже повернулся и заковылял вон.

* * *

Мистер Спарроу, вознесенный миллионами в новый, неведомый мир, чувствовал себя так, словно очутился на другой планете. О многом, с чем ему пришлось столкнуться в новой жизни, он и раньше слышал. Однако все это выглядело как-то нереально. Одно дело прочитать статью о железнодорожной катастрофе, другое — быть очевидцем крушения.

А молодой миллионер видел многое: роскошные дворцы своих новых коллег, белоснежные яхты, банкеты и нищету, жаждущую спасения, людей, мечтающих о честной жизни и троглодитов в безукоризненных костюмах, разглагольствующих о переустройстве мира с помощью самых дьявольских средств.

И странное дело: Генри стал ловить себя на том, что миллионы как-то исподволь начали управлять его поступками. Он старался найти оправдания несправедливостям, избегал резких разговоров с глашатаями «нового крестового похода против коммунистов», все реже вспоминал о своей теории честного бизнеса. И наконец, он вспомнил о том, что, захваченный деятельностью в правлении «НХОК», приемами просителей, забыл о Кэт. Он не писал и не звонил ей больше двух месяцев!

«Ну это уж слишком», — подумал Генри.

...Кэт приехала вместе с близнецами, матерью и няней. На радостях Генри снял отличную квартиру из двенадцати комнат на Парк-авеню, в самой фешенебельной ее части, неподалеку от «Уулф Астории». Откровенно говоря, квартира эта была не по карману «маленькому миллионеру». На Парк-авеню место мультимиллионерам, денежным воротилам, в сравнении с которыми мистер Спарроу — жалкий бедняк. Но что ни сделаешь для любимой жены и краснощеких близнецов! Кроме того, Генри хотелось пустить окружающим пыль в глаза, блеснуть перед Кэт.

Он возил ее на плавучий игорный дом, где просаживались вороха кредиток и хлестали на радостях или с горя вина стоимостью в семьсот-восемьсот холлеров бутылка; катал на яхте, показывал множество достопримечательностей, вроде собачьей кондитерской «Радость жизни», кошачьей парикмахерской «Ваше «мяу» — для нас закон».

— Подумай только! — с увлечением рассказывал Генри. — Наш сосед — тот самый пес Майкл, которому Уинстон Кеннингхэм завещал миллион и всю недвижимость. И право же, не так уж плохо, что мистер Майкл — миллионер. Он не пропьет своего состояния, не прокутит, а возле него кормится уйма народу — парикмахеры, лакеи, повара, садовники, фотографы. Правда, как только Майкл подойдет, все состояние перейдет в распоряжение Военного министерства и тогда его слугам придется плохо!.. Но... ха-ха!.. Если они сообразительные парни... Честное слово, стоит, пожалуй, подсказать им способ обеспечить своему патрону бессмертие. Надо постоянно держать под рукой парочку молоденьких Майклов. Вот и все!

Генри расхохотался.

Кэт вздохнула.

— Ты стал другим, Ген, совсем другим, — тихо проговорила она. — Ты начинаешь забывать о том, что совсем еще недавно жил на свете милый, хороший парень, Генри Спарроу. Он ненавидел ложь и зло. И за это, а не за голубые глаза и золотые кудри полюбила его дочь машиниста Стиклаза. Что с тобой? Ты стал бессердечным. В прошлую пятницу мы ходили смотреть, как две толстые несчастные женщины дрались на куче вонючих сельдей. Следующие полдня ты потерял на то, чтобы заполучить приглашение старого кретина Хорда, который построил искусственный сад стоимостью в миллион только для того, чтобы спра-

вить в нем свадьбу своей малокровной дочери с похотливым павианом во фраке. Мне тошно было на этой свадьбе. А ты ликовал, восхищался остротой, пущенной каким-то штатным льстецом по поводу этого противоестественного сада. «О! Теперь я понимаю, что мог бы создать сам господь, если бы он имел деньги!» Скажи пожалуйста, как здорово сказано! Хорд разбогател в годы войны, обожрался золотом после войны, включившись в компанию тех, кто мастерит атомные и водородные бомбы. Знаешь ли ты, что писала о Хорде газета «Уоркер мэгезин»?

Генри остановился.

— Откуда ты берешь эту коммунистическую газету? Кто тебе ее рекомендовал?! Ты с ума сошла!..

— Так вот, эта газета сообщила, что в прошлую войну смерть каждого нашего солдата приносила Хорду два холлера с четвертью чистого дохода. За каждую рану солдатскую он взимал тридцать пять сентов. Ген, его сад построен на крови и трупах! Когда я в этом саду смотрела на новых твоих друзей и хозяев, я все время думала: «Боже, если ты справедлив и всемогущ, угости-ка этот сброд хорошим ударом молнии!» Но бог упорно сохранял нейтралитет. Да существует ли он на самом деле?!

Наскоро смахнув слезы, Кэт круто повернулась и быстро пошла прочь. Под ноги ей подвернулся расфуфыренный черный пудель, подстриженный «под льва», с бантом на шее и в мягких остроносых ботиночках-мокассинах. Кэт в сердцах наддала ногой пуделю, да так, что он несколько раз перекувырнулся и долго потом вопил, лежа на спине и судорожно дрыгая лапами.

Эта сценка чуточку развеселила Генри. Он зашел в бар, спросил двойную порцию коктейля покрепче, позвонил домой и, узнав от тещи, что Кэт заперлась в спальне, выпил еще двойную порцию.

...В приемной мистера Спарроу, как у модного врача, сидела большая очередь.

«Ага! — не без самодовольства подумал Генри. — Люди все еще жаждут. Только не думайте, что меня так легко провести. Фальшивый граф де Санкюлот дал мне хороший совет».

Ровно в три часа дня Генри вызвал молоденького секретаря, застенчивого, как девушка, и распорядился небрежно:

— Кто там? Просите.

Первым в кабинет вошел журавлиной походкой... доктор Бруно Елиннек! Он постарел. Унылый нос стал еще длиннее, залысины скатывались со лба куда-то на самый затылок, и это придавало Елиннеку сходство с Геббельсом. Из-за золотых очков надменно глядели глубоко упрятанные старческие глаза. Одет он был в безукоризненную темную пару. На указательном пальце доктора, длинном и тонком, как карандаш, поблескивал перстень с большим бриллиантом.

Неизвестно почему, Спарроу растерялся, вскочил, торопливо подошел к гостю.

— Ба! Какими судьбами, доктор?!— воскликнул Генри.— Рад вас видеть. Садитесь. Не желаете ли чего-нибудь выпить?

— Кока-колы,— тягуче ответил Елиннек. И лишь после этого сел и добавил:— Добрый день. Уж не думаете ли вы, что я пришел за десяткой, ха-ха!!!— На тонких, ехидных губах его зазмеялась улыбка.— Я к вам по делу. За моей спиной стоят сильные люди. Мы хотим знать,— Елиннек пожевал губами и отхлебнул из бокала крохотный глоток,— мы желаем знать, как вы, мистер Спарроу, относитесь к атомным и водородным бомбам.

— Я?— спросил захваченный врасплох Генри, чтобы хоть как-то выиграть время.— Вы сказали... я?

— Да, вы.

Генри замешкался:

— Хм... как вам сказать... Это, конечно, страшное оружие, однако... Если в порядке самозащиты, как ответный удар, как акт возмездия... Хотя, по правде говоря...— мистер Спарроу окончательно умолк.

Елиннек вежливо улыбнулся.

— Так,— нарушил молчание доктор,— насколько я понимаю, вы еще не определили своего отношения к данному научному достижению или просто не хотите открывать своих карт. Ладно. Я буду откровенным. Ни я, ни мои друзья и коллеги не являемся сторонниками ядерного оружия. Мы готовы приветствовать скорейшее соглашение между великими державами о запрещении атомных и водородных бомб. Я прожил в Хиросиме несколько лет и воочию убедился в ужасных последствиях атомного взрыва, который по современным понятиям можно отнести к карликовым

взрываю. Мистер Спарроу, человечество, если только оно уцелеет, никогда не простит вам... Как можно даже на миг допустить мысль о возможности применения ядерного оружия в случае возникновения военного конфликта? Это же варварство! Вандализм! Азиатчина!

Доктор Елиннек даже вспотел от негодования. Он хотел еще что-то добавить, но передумал и сердито засопел. Генри попытался объяснить:

— Послушайте, мистер Елиннек, вы меня неправильно поняли. Как подумаешь... сердце холодеет. Я целиком и полностью на вашей стороне...

— Я видел Хиросиму,— вновь повторил Елиннек и осторожно приложил ладони к вискам, так, чтобы не испортить прически.— Майн гот! Какие кошмарные разрушения!

— Да-да!— подхватил Генри.— Вы правы. И если вы пришли от имени какой-нибудь миролюбивой организации, которой необходима материальная поддержка, я с радостью...

Противник ядерного оружия вынул носовой платок, со свистом прочистил нос и, наконец, внес полную ясность.

— Мистер Спарроу,— заунывно начал он,— я дважды проиграл заклад... эм-э... по вашей милости. Сперва вы выжили, хотя с точки зрения науки допустили бестактность, опровергнув основополагающие каноны медицины. Другой раз фон Раков выудил у меня приличную сумму... Ну, не будем вспоминать об инциденте на Сороковой миле. Фридриху боком вышли мои денежки.

Доктор Елиннек рассмеялся так, что Генри показалось, будто бы в кабинет влетела ворона.

— Нынче мой черед сделать ставку и выиграть,— продолжал гость.— Но я не пришел к вам от благотворительного общества «Защиты Невинности от Порока» с просьбой о вспомоществовании. Я представитель института вирусологии, созданного мультимиллионером мистером Блекборном. Наш институт работает над проблемами, которые не могут не волновать человечество.

— О да, конечно!— с готовностью поддержал Генри.

— Я целиком и полностью согласен с вами, мистер Спарроу, в оценке творчества покойного Уинстона Кеннингхэма. Мы, медики, не приемлем гибели и разрушения. Наша задача — достичь практических результатов в значительном сокращении излишнего населения планеты с помощью таких средств, которые бы, выполнив свою главную

цель, оставили в полной сохранности все материальные ценности, не подвергали бы уничтожению города и промышленные объекты. Таким средством является выращенный нами в лабораторных условиях вирус «СК-2. 000. 000. 000». Мы создали его искусственным путем. Он обладает токсической мощностью, в четыреста тысяч раз превосходящей самые убийственные вирусы, существующие в природных условиях. Дело теперь за тем, чтобы наладить промышленное производство «СК-2.000.000.000». Его неоспоримое преимущество состоит, между прочим, и в том, что он может быть применен внезапно — с помощью специальных искусственных спутников земли, которые будут созданы в ближайшее время. Представьте себе такую картину... Спутники, запущенные, якобы, с научной целью, на самом деле транспортируют наш вирус. Повинуясь соответствующей команде, они снижаются и сбрасывают на азиатский, африканский континенты, а также на Восточную Европу капсулы с вирусом. В какие-то несколько минут война, так и не начавшись, заканчивается, потому что не с кем уже воевать!.. Ха-ха-ха-ха!

Доктор Елиннек, довольный, потер руки и победно посмотрел на потрясенного Спарроу.

— Ну-с, как вам нравится наш вирус? Кстати, позвольте расшифровать его название. «СК» — «Смерть коммунистам», а цифра два миллиарда в расшифровке не нуждается. О ней в свое время писал незадачливый мистер Кеннингхэм.

— Н-но... но зачём... зачем уничтожать два миллиарда? Это жестоко!

— Жестоко! — Елиннек соорил мину ироническую. — Это не жестокость, а всего-навсего историческая необходимость, нечто вроде прополки посевов для сохранения полезных злаков. Природа разумна. Когда на земле было относительно мало людей, излишки уничтожались мечами и копьями, примитивно. Когда людской массы стало больше, появилось противоядие в виде огнестрельного оружия; в прошлую войну этой цели служили танки, мощные бомбы и другие новейшие механизмы. Теперь — новый этап.

— Это... это ужасно!..

— Бросьте! — отмахнулся врач. — Надо решить проблему ликвидации коммунистической агрессии? Разумеется! Необходимо благополучно двигать вперед цивилизацию,

которая на данном этапе проявляется прежде всего в автоматизации производства? Конечно же! Автоматика, кибернетика требуют человеческих жертв. Куда девать излишки людей? Они, человеческие излишки, хотят есть, пить, одеваться, иметь жилище. Не спорю, это их право. Но кроме права они должны иметь деньги. А где они возьмут деньги? В нашей стране около пяти миллионов безработных. И у них семьи. Следовательно, в Хэппиленде около двадцати пяти-тридцати миллионов голодных ртов. Это колоссальная армия, ожидающая только сигнала, чтобы вонзить вам нож в спину! Прошли времена, когда на предприятиях работали тысячи и десятки тысяч. Возьмите фирму «Тонрэй». Для выпуска тысячи радиоприемников в день ей надо только двоих рабочих, а чтобы изготовить за такой же срок тысячу телевизоров — шесть рабочих. Тридцать человек фирмы «Фортрок» изготавливают горы снарядов! А куда девать безработных? На этот вопрос и отвечает наш вирус. Как только мы решим проблему двух миллиардов, безработные занимают освободившиеся места на пустующих заводах и фабриках; ликвидируется безработица, воцаряется классовый мир.

Генри казалось, что его мучает кошмар. Физиономия доктора Елиннека превратилась в отвратительное мурло, из пасти, казалось, торчали окровавленные клыки. Кое-как уняв нервную дрожь, он спросил:

— Но... при чем тут я?

— Деловой вопрос, — осклабился Елиннек. — В скором времени мы начнем разрабатывать технологию промышленного производства вируса «СК». Затеваается грандиозное дело. Мистер Блекборн — держатель контрольного пакета акций, колоссальные суммы вкладывают федеральное правительство и Министерство обороны. И мы, более мелкие акционеры, внесли свою лепту. Откровенно говоря, в деньгах мы не нуждаемся, хотя два миллиона никогда не помешают.

Доктор Елиннек встал, поправил очки и произнес официально:

— Вы, мистер Спарроу, человек с хорошей рекламой. Вступив в наш трест, вы будете способствовать популяризации идей безатомного уничтожения коммунистической тирании. Поместив свой капитал в «СК компани», вы будете получать дивиденды — ровно в два раза большие, чем сейчас.

Пожарив рукой по столу, Генри отыскал бутылку «Мартела» и хватил несколько глотков прямо из горлышка.

Представитель «СК компании» по-своему истолковал нервозность хозяина.

— Не волнуйтесь. Возможно, дивиденды окажутся еще более высокими. Итак, по рукам? Кстати... у вас появится прекрасный случай протянуть руку дружбы моему родственнику Фридриху фон Ракову. Он живет в Бонне, но знает, где искать кусок пожирнее. Ну?.. Договорились?

Упоминание о фон Ракове явилось последней каплей. Перед глазами Генри витали разноцветные круги, голову словно сдавили тисками. «Боже!.. справедливый и всемогущий! Да существуешь ли ты на самом деле?!»

— Проваливай, негодяй!— заорал Спарроу.— Подонок, судье вымя, вонючий ублюдок!!!

Доктор Елиннек вздрогнул, но не двинулся с места — он решил, что ругань относится к кому-то другому. Противник ядерного оружия даже оглянулся, полагая, что кто-то вошел в кабинет без спроса.

— Это я тебе, тебе, очковая змея!— орал Генри Спарроу, размахивая бутылкой.— Проваливай... Убью!!!

Доктор Елиннек уразумел, что все это относится к его персоне. От испуга он стал икать. Пропагандисту несравненных достоинств вируса «СК-2.000.000.000» страстно хотелось очутиться как можно подальше от разъяренного Спарроу. Однако ноги отказывались служить доктору. Они словно вросли в паркет.

— Ик... ик... ик!— только и мог выдавливать из себя Елиннек, трепеща от ужаса.— Ик... ик... ик!..

Генри, чуть не плача от наслаждения, защемил между пальцами длинный унылый нос «гостя» и поволок его к дверям. Елиннек не сопротивлялся.

Через приемную доктор Елиннек продефилировал важно, с высоко поднятой головой, так, словно только что заключил выгодную сделку.

Но в душе у него бушевал ураган. «Ты еще меня вспомнишь, подлый выскочка!— яростно шептал бизнесмен от медицины.— В грязь втопчу, заставлю мне подошвы лизать!»

Тем временем в кабинете мистера Спарроу уже маячил маленький сухонький старичок с тревожно-настороженным выражением лица.

Казалось бы, после визита Елиннека трудно, невозмож-

но поразить чем-нибудь Генри. А старичок все-таки поразил.

— Профессор Уордл,— представился старичок детским голосом,— Джозеф Уордл. Вот мой диплом... Чтобы не было никаких сомнений.

— Чем могу быть полезен, профессор?— поинтересовался Генри; все еще не унявший нервной дрожи.

— Сэр,— старичок приподнялся с кресла и церемонно поклонился.— Моя научная концепция нуждается в популяризации среди широких кругов населения, необходимо провести ряд экспериментов! О! Если бы вы согласились финансировать... Стать моим патроном... Потребуется всего пятнадцать-двадцать тысяч...

— Что за концепция? Только коротко и ясно.

Старичок откашлялся и оgoroшил:

— Я утверждаю... кхе... я утверждаю, что необходимо восстановить в своих законных правах людоедство, так сказать, каннибализм. В этом я вижу залог прогресса. Забвение великого завоевания наших предков привело к изнеженности нравов...

Мистер Спарроу широко открыл глаза:

— Что?.. Как вы сказали?.. Как давно вы сбежали из сумасшедшего дома? Вы что же, на мою субсидию хотите закупить товару... Ноги там, руки, грудинку, филейные части, да?

Старичок укоризненно посмотрел на Генри.

— Ах, молодой человек, молодой человек!— поборник людоедства трагически заломил ручки: кожа на них, желтовато-коричневая, сморщенная, походила, на ношенные-переношенные перчатки.— Ну разве можно так? Оскорбить пожилого джентльмена! Разве я похож на сумасшедшего? Вот... взгляните на документ. Я запаслив и мудр, а мудрость приходит с годами.

Спарроу машинально взял удостоверение ньюбардоской психиатрической лечебницы, повертел в руках и вернул владельцу.

— Убедились?— не без ехидства спросил Уордл.— Я специально прошел освидетельствование. Напрасно вы приняли в штыки мою научную концепцию. Каннибализм в сочетании с современным техническим прогрессом может творить чудеса.

Генри сидел в кресле, словно загнипнотизированный. Он покорно слушал страшные речи Уордла. Казалось, предло-

жи ему профессор свежий бифштекс из человечины — он не отказался бы. А старикашка с детским голоском продолжал развивать свою концепцию.

— Издревле известно, — говорил он, расхаживая по кабинету, как по аудитории, набитой студентами. — Издревле известно: хомо хомини — люпус эст, что в переводе с золотой латыни означает — человек человеку волк. Между тем волки пожирают своих неудачливых собратьев. Почему же мы, цари природы, предпочитаем поедать мясо различных существ, находящихся на низшей ступени развития? Еще французский король Карл IX говорил: «Труп врага всегда хорошо пахнет». Но что помешало этому королю съесть вместе с фаворитами мясо убитого по его приказу адмирала де Колиньи, всех католиков, приконченных во время Варфоломеевской ночи? Отвечу на этот вопрос: предрассудки помешали. Как утверждают счастливцы, отведавшие человечины... Кхэ... Это в основном лица, потерявшие кораблекрушение и избравшие жертвой одного из своих товарищей... Счастливцы утверждают, что мясо человека весьма вкусно, нежно и напоминает курятину. От себя же добавляю, что мясо ближнего чрезвычайно питательно. Хотя я и не удостоился чести лично отведать его... Кхэ... однако в своей лаборатории я установил удивительные свойства данного продукта.

Могут спросить: где брать, как заготавливать мясо ближнего. Ответ несложен. Есть несколько источников. Прежде всего это мясозаготовки по велению Закона. Всякий, приговоренный к смертной казни, после совершения правосудия поступает в распоряжение мясной компании. Это очень перспективный источник, так как современная тенденция к росту преступности в нашей стране обеспечивает постоянное увеличение мясозаготовок. Только надо изменить способ казни. Вереvoчная петля или электрический стул крайне губительно сказываются на вкусовых качествах продукта. Видимо, лучше всего возвратиться к старинной плахе.

— Плахе, — бессмысленно повторил Генри.

— Вот именно, к плахе. Тут только надо держать ухо востро, чтобы не заполучить радиоактивные или химически отравленные туши. Наконец нельзя упускать из виду и личных контактов. Поясню на примере. Один индивидуум должен другому зную сумму и не отдает. В наше время кредитор отправляется в суд. Далее тянется судебная кани-

тель. Обе стороны мотают себе нервы. Не лучше ли моя схема? Кредитор нейтрализует должника и в качестве компенсации завтракает и обедает за его счет. Справедливо это? Разумеется.

Нелепые речи профессора Уордла вернули наконец Спарроу чувство юмора. «Если этот тип не маньяк,— рассудил он, то, очевидно, просто хочет подзаработать на идиотской идее».

Генри взял перочинный нож, открыл лезвие и подступил к профессору с самым недвусмысленным видом.

Людоед попятился.

— Что вы хотите делать?— пропищал он.

— Скидывайте брюки, да поживее, профессор,— наседал на него Генри.— Теорию вашей научной концепции я усвоил. Перейдем к практике. Я жажду отведать вашего филе и лично убедиться в том, что оно не уступает курятине. Ну!..

— По-ли-ци-я!— тихо и внятно прошептал людоед.— Меня нельзя есть...

— Почему же?

— Я костлявый!

— А меня?— не унимался Спарроу.— На мне изрядно мяса. Не желаете ли отведать моей грудинки?

— Не-н-не...

— Брезгуете?!— Генри грозно нахмурился, схватил людоеда за шиворот.

Людоед дрожал в руках Спарроу, как владелец мелочной лавки при виде налогового инспектора.

— Я... я...— затрепетал старикан.— Позвольте... Я теоретик, мне претит голый практицизм... И вообще... я вегетарианец... Я не ем никакого мяса, даже человеческого.

Генри захохотал так, что из приемной боязливо выглянул секретарь.

— Ха-ха-ха-ха!!!— покатывался Спарроу.— Людоед-вегетарианец!.. Чудо двадцатого века. Зачем же вы мне голову морочили? Сознвайтесь, старый плут.

— Я... я хотел,— пробормотал старикашка,— хотел поработать. Если бы вы меня поддержали... Сенсацию можно сделать даже на людоедстве... Газеты, радио, телевидение... И тогда я — богатый человек! Я читал бы лекции, много лекций... Я разбогател бы... Мне дочку замуж выдавать... Младшенькую.

Професс Уордл горестно вздохнул и попятился к двери...

Затем мистеру Спарроу представлялись люди, чье единственное желание — перехватить денег. Держались они по-разному. Крутобедрая девица лет восемнадцати с ярко намалеваным ртом и стреляющими глазами лихо села верхом на спинку низенького кресла и нахально предложила:

— А что, если вы меня удочерите, а? Условия — две сотни в месяц, на всем готовом. Соглашайтесь, не пожалеете.

Следующей вошла миловидная худенькая женщина, ведя за руку девочку лет пяти, очень похожую на маленькую Кэт. Девочка бесстрашно смотрела на Генри большими глазами и сосала палец. Мать нервничала, уголок рта у нее подергивался. Судя по внешнему виду, жилось им обоим несладко. Спарроу не поставил бы и пяти центов против тысячи холлеров, что они сегодня не завтракали.

Женщина помялась и предложила услуги в качестве стенографистки. Спарроу развел руками. Женщина потупилась, прошептала:

— Я... я согласна и... на ночную работу.

Кто-то неведомый и безжалостный стиснул Генри горло. Торопливо, непослушными пальцами схватил он автоматическую ручку, нервно расписался на чековом бланке и протянул листок женщине.

Листок прыгал перед ее лицом, но женщина ничего не замечала.

— Берите... берите,— твердил Генри.— Это даст вам возможность подыскать работу... И никогда никому не заикайтесь насчет...

Насчет чего именно не заикаться Спарроу так и не объяснил. Кое-как втиснув в руку женщины чек, Генри довел ее до двери.

Она шла, бессознательно передвигая ноги. Рядом молча, серьезно семенила девочка.

Возвратившись в кабинет, Генри рухнул в кресло и, закинув ноги на край письменного стола, задумался: «Как все это страшно! А может, и права Кэт. Бросить все, тихо жить у теплого моря, работать, растить ребятшек... Им уже шестой год, скоро в школу... Боже! Парад убийц, мошенников, вроде Елиннека и вегетарианского людоеда Уордла... верница несчастных, спасающихся от нищеты... Если я раздам все свои деньги, то каждому достанется всего по несколько центов!.. Это не выход. Но что делать?..»

Раздалось деликатное покашливание. Генри встрепенул-

ся — перед ним стоял парень с хитроватыми юркими глазами.

— Что вам? — буркнул Генри.

Парень объяснил быстро и ясно:

— Сэр, в Лондоне консервируют туман в банках и очень выгодно продают в качестве сувенира. Почему бы нам не наладить производство консервов с воздухом фондовой биржи. Затраты невелики, а выгода очевидна. Что касается оплаты...

Генри посмотрел на парня тяжелым ненавидящим взглядом, а когда тот ушел, пробормотав «Вы не бизнесмен, сэр, у вас нет чутья», расстрясся, что не дал ему хотя бы полсотни. Настроение Спарроу испортилось. Он категорически отказался купить уникальную картину Леонардо да Винчи «Мадонна с младенцем», которую ему предлагали по дешевке, отверг римскую монету времен Тарквиния Гордого и указал на дверь монаху-капуцину с церковной кружкой в руках, требовавшему пожертвования на организацию джаза при церкви святой Иоанны. Как утверждал лихой монах, рок-н-роллы, буги-вуги, твисты, горячие шлягеры в исполнении джаза, несомненно, привлекли бы внимание прихожан и тем самым приблизили бы их к богу. Подобный джаз уже с успехом выступает в церкви святого Иннокентия.

— Я отношусь к методистской церкви, святой отец, — коротко ответил Генри, распахивая перед монахом дверь.

Оскорбленный монах, пообещав Генри адскую муку, ушел.

Парад визитеров завершил плешивый субъект с фиолетовым носом картошкой и заплывшими глазами старого бегемота.

— Бон жур, мусье Спарроу. Ай эм мистер Панас Цыбуля, — прохрипел бегемот, проводя по небритой морде грязной рукой. — Мабуть вам, экселенс, треба привидение... то бишь... гоуст першого классу?

Молодой миллионер вскочил от изумления.

— Привидение?!!

— Першого классу гоуст, люкс, супер, щоб я вмер, — вновь подтвердил бегемот и осклабился так широко, что, заглянув в его пасть, утыканную кривыми желтыми зубами, можно было бы без труда увидеть содержание утробы.

Но заглядывать в пасть с познавательной целью не представлялось Генри особо необходимым — по кабинету разливались могучие волны сивушного перегара.

— Вам, собственно, что угодно? — строго спросил Спарроу.

Странный экземпляр, отдаленно напоминающий человекообразную обезьяну, вновь осклабился и уселся в кресло, бормоча себе под нос: «Сидай плиз, мистер Цыбуля, сидай плиз». Далее он долго ковырял в носу, а когда достиг желаемого эффекта, вынул заскорузлый носовой платок и тщательно вытер толстый негнувшийся палец.

От изумления Спарроу хватил столбняк.

Панас Цыбуля — бывший кладбищенский сторож, а ныне «политический эмигрант» без определенных занятий, в годы войны служил полицаем на Херсонщине. За здоровье «Самостийной Украины» он вылакал никак не меньше двух цистерн самогона, спирта и прочего питейного. Увы! Тосты не помогли. Панас Цыбуля получил такого здорового пинка, что перелетел через всю Европу и с воем шлепнулся аж в Гамбурге! Здесь самостийнику улыбнулось счастье — ему удалось подыскать работенку, пожалуй, даже более приличную, чем полицейство, которым Цыбуля промышлял на Херсонщине.

В Гамбурге «политэмигрант» устроился служителем в ночном клозете второразрядного ресторана, помогая пьяным клиентам справлять большую и малую нужду. Увы! Вскоре он попался на воровстве, был избит и с позором выгнан. Кривая вывела самостийника в Саарбрюкен, а оттуда напрямик на берега Сены. В Париже «борец за вильну витчизну» около года выполнял обязанности вышибалы публичного дома мадам Неглиже в районе площади Пигаль.

Но из публичного дома Цыбуля был с позором выгнан — за попытку завязать интимные отношения с важным гостем — каким-то министром. Вспыхнул грандиозный скандал. Слухи о нем дошли до парламента. В результате возник правительственный кризис, и, как не горевала мадам Неглиже, ей пришлось распрощаться с «сон шер Панаси», так как его выбросили из пределов французской республики в двадцать четыре часа.

Началась тяжкая жизнь. Кем только не работал самостийник. Изображал из себя снежного человека, был шпагоглотателем, причем однажды и в самом деле проглотил шпагу. Наконец, ренегат устроился у одного оригинала-лорда, пожелавшего иметь в своем фамильном замке живое привидение, воющее по ночам. Цыбуля был здорово. Но при-

страстие к доброй выпивке и здесь его погубило. Алкоголическое привидение выгнали.

За годы странствий Панас Цыбуля, и без того не блиставший умом и эрудицией, окончательно одичал. Он основательно забыл и украинскую, и русскую речь, а французского, немецкого или английского языков так и не уразумел. Слишком часто у холуя менялись хозяева. Не успел он толком научиться говорить «гутен таг» и «данке шон», как уже приходилось приспособливаться к ажурным кружевам французской речи, которая совершенно не удерживалась в кустарных мозгах самостийника. И едва он усвоил несколько французских фраз, как вдруг возникла необходимость понимать литые, но совершенно невразумительные английские слова, искусно замаскированные, тщательно пережеванные, так что и не разберешь, что сказал собеседник: «картофелина» или «луковица». Разжеванную словесную массу мистер Цыбуля пытался определить с помощью обоняния и холуйского инстинкта, но этот способ лишь окончательно сбил с толку самостийника. Он махнул на все рукой и стал говорить на дикой тарабарщине.

Очень трудно приходилось мистеру Цыбуле в стране равных возможностей.

Очень!

Обо всем самостийник и поведал Генри Спарроу. В рывжем грязном свитере, из-под которого виднелся волосатый пупок, в затрапезных штанах с бахромой вместо бортиков, Цыбуля производил устрашающее впечатление. Хотелось дать ему пару холлеров и поскорее избавиться от его общества. Однако Спарроу пересилил это желание: Уж больно забавно было слушать последнего визитера, тем более, что Генри решил больше никого и никогда не принимать.

Тем временем Цыбуля честно отработывал подачку, на которую он возлагал большие надежды.

Мистер Спарроу кое-как понимал чрезвычайно странную речь просителя. В ход шли мимика, жесты. Мало-помалу беседа налаживалась.

Мистер Цыбуля, пользуясь своим чудовищным эсперанто, продолжал рассказ о странствиях:

— Так... Ну, вышибли мэнэ из Хранции, решил я сробыть драг нах Хэпилендию. Ну притопал. А чо? Жрать ничего нэма. И тогда ай хэв... Заимел, значит, я уан вопрос: «Ту би, ор нот ту би?»— быть или не быть мне гангстером...

Рассказчик вдруг умолк и тяжелым взглядом уставился на бутылку. Генри кивком разрешил самостийнику приложиться к ней. Облапив бутылку, Цыбуля засунул ее чуть ли не до половины в пасть. Послышалось бульканье, затем раздался звук, который издает сточное отверстие в ванной, забирая остатки воды, и в следующую секунду пустая бутылка очутилась на столе, а самостийник, утираясь ладонью, прохрипел:

— Дякую, сэр! Тенкю. Мёрси. Данке шён.

РАСКАЗ О ТОМ, КАК МИСТЕР ЦЫБУЛЯ ПЫТАЛСЯ СТАТЬ ГАНГСТЕРОМ В ГОРОДЕ НЬЮ-БАРДОКЕ*

Великий вопрос «Быть или не быть?..» посетил светлую голову мистера Цыбули в ночь на Новый год. Ему так хотелось уюта, вкусного ужина. И он решил: «А почему бы не стать гангстером? Работенка не пыльная, доходная. Вроде как полицейай, только начальства над тобой нет. Хай же Новый год народит нового гангстера. Так хочется счастья и покоя».

* * *

...На огромный город опустилась звездная новогодняя ночь. Мистер Цыбуля, решивший впредь именовать себя грозным гангстером Патом Гиеной, сжимая в руке подержанный парабеллум, который остался у него с военных времен, стоял на углу в ожидании жертвы. Он был злой и голодный. Вдалеке показалась фигура человека. Гангстер притаился, и когда прохожий достиг рокового угла, выскочил из засады.

— Кошелек или жизнь!— прохрипел Гиена.

Человек близоруко сощурился, и вдруг лицо его озарилось радостью.

— Что за вопрос, сэр? Если можно, дайте, пожалуйста, кошелек. Три дня маковой росинки во рту не было.

— Как?— спешил Пат Гиена.— А?.. Что? Ты кто такой?

— Магистр искусств. Безработный магистр.

Гиена все-таки обшарил карманы магистра. Но тщетно! Никакого намека на бумажник.

* Для облегчения понимания «языка» мистера Цыбули автор в дальнейшем попытается изложить его рассказ в более доступной форме.

— Проваливай!— взревел Пат Гиена.— Шляются тут, с толку сбивают... всякие маэстры.

Магистр поспешно ретировался, а гангстер, ежась от холода в своем стареньком пальто, долго еще ворчал и ругался. Наконец показалась новая жертва. Наученный горьким опытом, гангстер не кинулся на нее с пистолетом, а, желая выяснить обстановку, спросил:

— Говори прямо... ты магистр?

— Нет, я инженер.

— А вот это видел? Сам стреляет. Давай бумажник... Что? Безработный?— Пат Гиена схватился за сердце.— Вот наказание! Со свету меня сжить хотите, что ли? Проваливай!

Пат Гиена расвирепел не на шутку. Однако настоящие испытания оказались впереди. Давно уже часы пробили двенадцать раз, возвещая о наступлении Нового года, а несчастному гангстеру все еще не улыбалось счастье. Он остановил уже две дюжины прохожих, но лишь у одного обнаружил семьдесят пять сентов, а ведь попадались и конторские служащие, и поэты, и даже преподаватель фармакологии.

«Десять тысяч дьяволов!— взорвался Пат Гиена.— Я лишь зря теряю время на этом проклятом углу. Надо заняться рэкето́м — вооруженным вымогательством. Вот напротив магазинчик. Хозяин, видимо, там. А ну, Цыбуля, тряхни стариной! Вспомни, как полицайствовал!»

Гангстер устремился к обреченному магазину, распахнул дверь и, всадив в прилавок три пули, заорал:

— Эй, хозяин, где ты? Я грозный Пат Гиена! Я буду охранять твою лавочку от других гангстеров, а ты будешь платить за это три сотни в месяц. Выкладывай аванс...

Дабы устроить владельца магазина, Пат Гиена всадил в прилавок еще три пули.

— Осторожно!— послышался вдруг откуда-то сверху взволнованный голос.— Не расстреляйте всех патронов.

Пат Гиена задрал голову и увидел щуплого лысого старичка. Он оседлал стремянку, установленную на прилавке, и с унылым видом поглаживал морщинистую шею с веревочной петлей.

— Деньги!— рявкнул гангстер, не сообразив еще в чем дело.

— Насчет денег опоздали,— вздохнул старичок.— Уже ограбили.

— Кто ограбил?

— Монополии. Ободрали как липку. Я разорен, сэр. Разорен, как и тысячи других мелких предпринимателей. И вот... я в петле. Так и сижу... два часа. С Новым годом, сэр. С новым счастьем. Понимаете, не хватает духу прыгнуть со стремянки, и в этом смысле ваш визит представляется весьма желательным. Вы ведь не расстреляли всех патронов?.. Да постойте же!.. А как же я?..

Но Пат Гиена уже мчался по улице. В голове у него гудело. «Что делать?— лихорадочно соображал он.— Ах, да! Вспомнил. Надо заняться киднапом — похищением детей. Только где их сейчас взять? Третий час ночи. Пробраться в чей-нибудь дом?»— Гангстер остановился в раздумье и отер со лба пот.

И тут-то судьба улыбнулась Пату Гиене — он увидел возле уличного фонаря трех мальчуганов лет одиннадцати-двенадцати.

«Ага, голубчики, попались!— возликовал Гиена.— Не меньше сотни с головы зашибу».

— Хлопчики, хлопчики!— поманил он их заскорузлым пальцем.— Идите ко мне, я вам конфеток дам.

Мальчики, радостно гогоча, побежали к гангстеру.

— Я вот вам... конфеток...— бормотал Пат Гиена, дрожа от нетерпения.— Я...

Мальчуган в серой кепке, подбежавший первым, распахнул пальтишко, и Пат Гиена ахнул: в живот ему уперся ствол автомата. Двое других пацанов, встав на цыпочки, приставили к его горлу финки.

— Ну ты, сладкоежка, подними лапки,— негромко приказал мальчуган с автоматом.

— Я... я...— обалдело пролепетал Пат Гиена.— Я... вам конфеток... Меня нельзя. Я опасный гангстер Пат Гиена.

— Заткнись,— посоветовал мальчишка в серой кепке. Ну, что нашел, Билли?— поинтересовался он у приятеля, испещренного веснушками.

— Чепуху. Семьдесят пять сентов и старую ружьядь, которую этот тип выдает за пистолет.

— Пшел вон, — процедил сквозь зубы мальчуган с автоматом.

И гангстер Пат Гиена поплелся во тьму. Он шел, обливаясь слезами. «Устарел. Безнадежно устарел. Это тебе не полицейство! О времена, о нравы! Что делать? Где преклонить голову? Где раздобыть хотя бы миску похлебки?!»

На перекрестке замаячила монументальная фигура полисмена. Пат Гиена утер слезы и решительно подошел к блюстителю порядка.

— Прошу извинить, сэр,— сказал страдалец.— Только что я пытался ограбить две дюжины прохожих, заниматься рэкетом и киднапом. Я жестокий гангстер Пат Гиена. Мое место в тюрьме, сэр.

Сперва полисмен не понял странной речи бродяги. Но тот продолжал разъяснять. Когда же полисмен уразумел в чем дело, он ответил коротко:

— Катись отсюда, да поживее.

— Нет, я серьезно, сэр,— заволновался гангстер-одиночка.— Я голоден и хочу в тюрьму.

— Таких, как ты, хоть отбавляй. Житья от вас нет, окаянных. Сказано — катись. Давно дубинки не нюхал, а? Если всех желающих водить, башмаки стопчешь.

— Ну... я прошу вас,— залебезил гангстер-самостийник.— Сжальтесь надо мной.

— Два холлера,— заметил полисмен неопределенным тоном.

— У меня только семьдесят пять сентов и подержанный пистолет... Ах, простите!.. Только что меня ограбили мальчишки... Детская преступность... Это ужасно!

— Проваливай!— рассердился полисмен.

Шатаясь от горя, Пат Гиена поплелся прочь.

— Эй, парень!— ехидно крикнул ему вслед полисмен.— С Новым годом, дуралей. С новым счастьем.

Кровь «свободолюбивого самостийника» взыграла в Пате Гиене. Задыхаясь от ярости, он подскочил к полисмену и завопил:

— Не имеете права, сэр! Я буду жаловаться. Вы оскорбили иностранца, цели и устремления которого, благородные помыслы...

Полисмен взмахнул дубинкой, и в глазах «самостийника» запрыгали огненные звезды. Новогодние звезды. Они сулили счастье и покой.

* * *

— Ну, а что дальше?— поинтересовался Генри. Ему было жалко мистера Цыбулю и вместе с тем он испытывал желание расхохотаться.

Самостийник Панас тяжело вздохнул, потер шею:

— Усё, экселенца. Гкхм... Мистер, экселенца, мабудь и

вам гоуст першого классу треба? Привидение, а? Не погубите... Не треба? Ой лыхо мое, який террибль! Ужас...

Бродяга по-собачьи заглянул в глаза Генри и захрипел, растягивая до ушей в подхалимской улыбке заросшую щетиной пасть:

— Ну олл райт, ладно... Ну... тогда доне муа фэйф холлеров. Фэйф.

«Самостийник» растопырил пятерню.

— Фэйф, экселенца. Два тудея не ленчевал. Брюхо воет.

Генри молча протянул Панасу, не помнящему родства, честно заработанную им десятку.

Исповедь бродяги стоила и большего.

Мистер Цыбуля, тихонько завывая от радости, вышмыгнул из кабинета.

Прием закончился!

В это время за дверьми послышался шум. Секретарь пытался кого-то удержать, неизвестный, громко проклиная секретаря и Спарроу, рвался в кабинет. Наконец дверь распахнулась и на пороге появился незнакомец с изуродованным ожогами лицом. Рослый, решительный, он стремительно, чуть прихрамывая, прошел через кабинет и гаркнул с веселой угрозой:

— Не узнаешь, миллионер? А ну, выкладывай чековую книжку!

Генри инстинктивно попятился.

Незнакомец продолжал наступать на Спарроу:

— Ну-ну... насчет чековой книжки я пошутил. Так как, не узнаешь своего бывшего командира, кровосос-эксплуатор?!

Генри ахнул:

— Капитан Кларк!.. Вы ли это? Не может быть!

— Может, сержант Спарроу... еще как может. Здорово, старый буйвол. А ну-ка, давай сюда свое копыто!.. Здорово, дружище... боевой товарищ...

Это было объятие, способное раздавить кокосовый орех. Генри почувствовал, как по его щеке засуетилась юркая струйка. Чьи это слезы — его или капитана Кларка? А впрочем, все равно!

— Вот тебе! — гаркнул Кларк, хлопая Генри по плечу тяжелой ладонью.

— Здоров! — обрадовался Генри и так заехал другу по спине, что тот ёкнул.

— Вот тебе, старый гризли!..

— Здорово, носорожина!..

Молоденький секретарь опасно заглядывал в замочную скважину и мучительно соображал, как ему сейчас следует поступать: вызвать полицию или принести бутылку виски. Проблему решил сам шеф. Из кабинета донеслось:

— Том!.. То-о-ом! Принесите-ка поскорее выпивку. Да покрепче. Слышите? Скорее.

ИДЕЯ КАПИТАНА КЛАРКА

Просто удивительно, до чего все изменилось в семье Спарроу с появлением Эдлая Кларка. Генри на время позабыл о своих высоких обязанностях члена правления «НХОК», Кэт повеселела и старалась не беречь душу мужа упреками в «черствости, вызванной богатством»; ну, а близнецы Кэт и Ген — те души не чаяли в дяде Эде. Еще бы, Кларк мог часами возить их на спине, изображая дикого мустанга, слонялся с малышами по таким местам, о которых ребятишки могут только мечтать; он водил маленьких Гена и Кэт в страшный негритянский район. Там ребятишки, вытаращив глаза от ужаса и любопытства, лакомились вареным рисом по-чарлтонски и жареными кукурузными хлопьями, а вместо набившего оскомину чуинг-гама жевали пахнущую лесом и хвоей смолу. Однажды, в районе доков, дядя Эд нокаутировал пьяного хулигана, оравшего во все горло: «На виселицу тех, кто проклинает нашего фюрера, наше Общество черчистов! Мы — истинные борцы за интересы белых, говорящих по-английски. Смерть коммунистам и плутократам...»

И вообще с дядей Эдом было весело и интересно не только малышам. С первого же дня Кларк вошел в семью Спарроу прочно и навсегда. Не успели Генри и Кэт оглянуться, как уже говорили ему ты, хохотали над его шутками и не представляли себе, как это они могли жить столько лет без «дяди Эда» — так звали Кларка юные Спарроу, Кэт да изредка и сам Генри.

Удивительным свойством обладал этот рослый человек, несколько мешковатый и в то же время стремительный, как стальная пружина. Изуродованное, в багровых шрамах лицо его поражало, пугало. Но это при первом знакомстве. Через несколько минут его новый знакомый не замечал ни

страшных шрамов, ни следов ожогов — он видел прекрасные черные глаза, слышал мягкий, энергичный голос, любовался иссиня-черными, гладко зачесанными волосами, которые спас от ненасытного пламени кожаный шлем.

Внутренняя красота «дяди Эда» как бы закрывала таинственным покровом уродливые шрамы, и перед вами предстал другой Кларк — умный, веселый, честный, красивый! Да-да, красивый!

Биография Эдлая Кларка также своеобразна. Сын крупного плантатора, предки которого издавна обосновались неподалеку от большого портового города Нью-Орана, Эд не унаследовал фамильных черт характера и взглядов на жизнь. Ему были чужды спесь, высокомерие. Эдлай демонстративно пожимал руки знакомым неграм, пел по вечерам с ними хватающие за душу блюзы и спиричуэлсы. Белые парни сторонились его, но задираться не решались, зная цену меткому глазу и свинцовым кулакам Эда. Не одному молодчику Эд посчитал ребра. Пребывание в родном штате юный Кларк закончил инцидентом, который вошел в изустную историю штата под названием «Побоище возле Трех дубов». По всему штату Миссенд до сих пор гуляет молва о том, как семнадцатилетний Кларк разделался с компанией ку-клац-клацевцев*, решивших устроить самосуд над молодым негром только за то, что он взял случайно за руку белую женщину.

...Как-то вечером Эд, возвратившись домой после неудачной охоты на кугуара, сидел на веранде и чистил винчестер.

Вдруг послышались торопливые шаги. Старый, как вся история рабства, негр Юпитер, или как его звали все — папаша Юп, кряхтя и задыхаясь, тяжело просеменил к веранде.

— Масса Эд... масса Эд! — зашептал он, срываясь на крик. — Где вы, масса Эд?! Беда!

— Добрый вечер, папаша Юп, — приветствовал его Эд, продолжая наводить глянец на винчестер. — У тебя такой вид, словно ты только что пожал лапу самому дьяволу.

— Хуже, масса Эд! Несколько белых джентльменов хотят убивать моего внука Чарли... Масса Эд!

— Что?! — вскинулся Эд. — Как так? За что?

* Ку-к-ла-ц-к-ла-ц — крайне реакционное сообщество хэппилендских расистов.

— Не знаю, масса Эд. По телефону звонила жена Чарли. Она тоже ничего не знает. Она плачет. Убивать будут на окраине поселка, возле Трех дубов, что на берегу реки. Помогите, масса Эд!..

Семнадцатилетний Кларк не стал долго раздумывать. Схватив винчестер и револьвер солидного калибра, он побежал к Трём дубам.

Поспел Эдлай в самый раз. Десяток фигур с факелами в руках, в остроконечных белых балахонах с прорезями для глаз вели связанного, избитого Чарли к одному из дубов. Процессию окружала толпа зевак, невесть откуда пронюхавших о предстоящем зрелище. На могучей ветви дуба двое доброхотов прилаживали веревочную петлю.

Чарли не кричал, не молил о пощаде. Он понимал: это конец. Молодой негр шагал к месту казни, стиснув зубы.

По лицу его скатывались бессильные слезы.

Эда разозлил страшный и идиотский маскарад. Тоже мне, привидения в белых саванах! Он, Эд, знает их всех как облупленных. Вот косой Джошуа Кинг переваливается по-медвежьи, главарь этой шайки. А этот маленький и хромой — Айра Джеффрис, злой, как хорек. Неужели конторщик мистер Биксби воображает, будто бы под белым балахоном можно так спрятать свой горб, что никто его не узнает?.. Ого! Сам шериф мистер Вуд сюда пожаловал! Ох-хо-хо! Животики надорвешь. На шерифе балахон, как на вешалке. Всякий его узнает.

— Мистер Вуд! — со злым весельем крикнул Эд. — Добрый вечер. Что это у вас тут — репетиция рождественского кортежа Санта-Клаусов? Тогда где же ваши мешки с подарками для ребятишек?

Тошная фигура в балахоне вздрогнула. Откликнулся медведеобразный Джошуа:

— Чего это тебе взбрело на ум, мальчишка, будто среди нас мистер Вуд? Эй, убирайся-ка поскорее с дороги. Думай, что говоришь... Санта-Клаусы!.. У нас менее хлопотливое дело. Вот вздернем черномазого и тихо, мирно разойдемся по домам.

— А! Это вы мистер Кинг? — вроде бы обрадовался Эдлай. — Я и не знал, что вы оставили свою лавку и завладели достойной должностью палача. Поздравляю! Прошу извинить за нескромный вопрос: разве уже был суд? Что натворил этот человек?

— Человек?— Джошуа заворчал, как рассерженный гризли.— Ты называешь ниггера человеком? Прочь с дороги, молокосос.

— Эй, полегче на поворотах!— Эд приветственно помахал Кингу винчестером.— Если хорошенько разобраться, так вы, Джошуа Кинг,— осел совершенно особой породы. И ничем вы не лучше негра. В чем вся разница? Чарли от природы черен, а на вас слой грязи в добрый дюйм.

Среди балахонов и зевак прокатился смешок. Джошуа Кинг шагнул вперед, замахнулся факелом, но его мягкое брюхо уперлось в ствол винчестера. Процессия остановилась. Сделалось легкое замешательство. Маленький хромоножка Айра Джеффрис, по-бабьи, словно юбку, задрав балахон, торопливо искал револьвер.

— Эй, Айра,— крикнул ему Эд.— Тебя что, блохи заели? Посмотри-ка, что у меня в левой руке — не желаешь ли? Лучшее средство от мелких паразитов. Бесплатно и с гарантией на вечные времена.

Хромоножка дернулся как ужаленный, увидев в левой руке Эда здоровенный револьвер, тускло поблескивающий при свете факелов.

— А ну тебя,— пробормотал хромец, выпуская подол балахона.— Я за зажигалкой... прикурить...

— Курить вредно,— заметил ему Кларк.— Никотин способен удржить человека наповал. Если не веришь, можешь убедиться.

Джошуа Кинг с идиотским упрямством продолжал напирать на винчестер, добрых пять дюймов ствола уже утонуло в его брюхе.

Эд сказал тоном врача, ставящего диагноз:

— Еще какой-нибудь дюйм, мистер Кинг, и вы превратите мой винчестер из огнестрельного в холодное оружие. Если бы не высокое качество материи на балахоне, вы бы давно уже испытали восхитительные ощущения зайца, когда его насаживают на вертел. Осадите чуточку назад... Вот так, это совсем другое дело...

— Что... тебе надо, Эдлай,— тяжело дыша, проговорил, наконец, Кинг.— Берегись! Ты плюешь на традиции. Тебя, сопляка, мы еще проучим...

— Ах, какой вы галантный джентльмен, Джошуа. Ну, ни дать ни взять — пьяный конгрессмен, выброшенный из пивной за то, что выдавал там себя за честного человека.— Эд вежливо улыбнулся и вдруг произнес жестко:— За

что вы хотите заставить Чарли потанцевать в петле? Вот что я хочу знать.

Тут, захлебываясь от ярости, сорвался с места горбун Биксби.

— Прихвостень ниггеров!— накинулся он на Эда.— Позор белой расы. Да знаешь ли ты, что подлый черномазый пытался изнасиловать белую леди!.. Да знаешь ли...

— Хэлло, пылкий незнакомец!— приветствовал горбуна Эд.— Только не становитесь, пожалуйста, в профиль, а то мне на ум придет великолепная мысль посоветовать вам попытаться счастья на борцовском ковре. Уверяю вас, лавры чемпиона обеспечены. Ведь вас, по-моему, невозможно положить на обе лопатки.

Биксби от злости зашипел, как паровоз, сбрасывающий лишний пар.

Эд продолжал, поигрывая винчестером:

— Так вы говорите, хотел покуситься на честь белой леди? А где же пострадавшая?

Из толпы зевак вышла крашеная блондинка, прозванная в поселке за общедоступность и безотказность «Автоматической Джуди». Покачивая боками, она с вызывающим видом приблизилась к Эду. «Автоматической Джуди» было уже под пятьдесят. Ироническое заявление Эда она восприняла как удар по ее профессиональному престижу.

— А, святая невинность,— презрительно бросила «Автоматическая Джуди» Кларку, скривив в наглой улыбке добротню оштукатуренное лицо.— Тебе хочется видеть пострадавшую? Смотри на меня.

— Ах, здравствуйте, мисс,— вежливо отвечал Эд.— Я полагаю, произошла ошибка. Вы пострадали, верно. Но это случилось в прошлом году, когда в соседнем городке кому-то вздумалось обмазать вас смолой, вывалить в перьях и прокатить верхом на шесте. Старики утверждают, что нечто подобное произошло с вами и несколько раньше — лет пятьдесят тому назад.

«Автоматическая Джуди» стоически проглотила пилюлю.

— Этот ниггер хотел овладеть мною,— произнесла она непреклонно.— Я вышла из салуна старика Абрахамса, этот ниггер сперва задел меня словом, а потом пытался повалить наземь. Хорошо, что я вырвалась и закрычала. Но я под присягой могу показать, что он схватил меня за руку и потянул за собой. И вообще... Он тяжело

дышал, глазащи у него сверкали. Он давно меня приметил... У ниггера губа не дура.

— И он решил совершить преступление на пороге заведения дядюшки Абрахамса?

«Автоматическая Джуди» не замедлила взять реванш.

— Этот ниггер так горел, что, не задумываясь, совершил бы его на ступенях Капитолия.

И тут уж Чарли не выдержал:

— Мистер Кларк!— закричал несчастный негр.— Клянись, я ни в чем не виноват. У меня и в мыслях не было оскорблять мисс. Я лишь пожелал ей доброго вечера, а когда поравнялся, поскользнулся на апельсиновой корке и, падая, случайно ухватил мисс за руку. Но тут же отпустил, хотя из-за этого я сильно расшибся.

— Врешь, подлый ниггер!— заревел Джошуа Кинг.— На виселицу черномазого. А ну-ка, давайте взглянем, подойдет ли к его роже пеньковый галстук?!

Кларк сказал негромко:

— Стоп! Первый, кто хоть шевельнется, обзаведется в животе такой дыркой, что через нее можно будет смотреть, как в телескоп. Если негр виноват, его следует судить присяжным, а не вам. Но и без присяжных ясно, что он не виновен... Стоять, вам говорят!..

Балахонщики растерянно зашептались, толпа зевак кинулась наутек, в ее арьергарде тяжело бежала «Автоматическая Джуди».

И все-таки Эд недосмотрел. Мстительный горбун ухитрился вытащить револьвер и суматошно, не целясь, выпустил пулю за пулей. Винчестер с расщепленным ложем выскочил из рук Эда. Юноша перехватил в правую руку револьвер и первым делом, оглушив рукояткой Кинга, выстрелил в коварного Биксби. Горбун высоко подпрыгнул, как будто невидимый великан приподнял его за шею, и, взвывая, рухнул на траву.

— Бежим!— крикнул Эд негру.

Чарли рванулся из рук растерявшихся конвоиров и скрылся в кустах.

— К реке, Чарли, к реке, я прикрою!

Но тут, после минутного оцепенения, опомнились балахонщики. Заработали их автоматические пистолеты, слышалась ругань, проклятия:

— Держи их!..

— Смерть ниггеру!..

— Бей белого ублюдка...

Эд, изредка отстреливаясь, отступал к прибрежным кустам. Пули миловали его, а вот Айре Джеффрису довелось испытать действие универсального средства от паразитов — в суматохе находившийся позади Джеффриса приятель всадил в хромоногую злючку хорошую порцию свинца.

Воспользовавшись замешательством преследователей, Эд бросился через кусты к реке. Там его поджидал дрозжавший от ужаса Чарли.

— Прыгай в реку! — приказал Эд. — Живо. Я поддержу, не бойся.

...Темень спасла беглецов. Эд из последних сил греб, поддерживая связанного по рукам Чарли. Как ему удалось переплыть реку? Эдлай и сам не смог бы объяснить этого.

...Через два дня Эд и Чарли, идя вверх по реке, добрались до города Нью-Карфагена. Полиция их не преследовала. Видимо, ни хромой Айра, ни горбун Биксби, ни пузатый лавочник Джошуа Кинг не предстали перед лицом всевышнего, и шериф, скомпрометированный участием в самосуде, предпочел не поднимать шума.

Черный Чарли не рассыпался в благодарностях перед своим спасителем. Попросту через неделю негр расквитался с Эдом, расквитался дорогой ценой.

Как-то утром, подходя к кафетерию, юный Кларк увидел безобразную картину: пятеро дюжих парней избивали хорошо одетого интеллигентного негра. Несчастный от ужаса и боли кричал бог весть что: он уверял, что не негр, умолял не растоптать его золотых очков, затем вдруг начинал угрожать, мол, он этого так не оставит и вообще гордил вздор.

— За что его? — поинтересовался Эд у невозмутимого полисмена.

— За дело. Черный боров нахально влез в наш кафетерий.

— Хм, — только и сказал юноша.

Этого было достаточно. Верзила, у которого, видно, чесались кулаки, вмешался:

— А тебе жаль черномазого, да?

— Пятеро на одного... Нечего сказать, храбрецы...

Слепящий удар швырнул Эда на тротуар. Пятеро молодчиков, оставив негра, принялись за Кларка. Парень,

рыча, отбивался. Но разве мог устоять против шестерых! К тому же верзила подобрал где-то половинку кирпича.

Быть может, все уладилось бы. Полисмен делал вид, что разнимает дерущихся. На беду Чарли оказался слишком пунктуальным. Он пришел к кафетеррию точно в назначенное время.

Увидев своего спасителя в самой гуще побоища, Чарли ринулся на помощь. В эту минуту он забыл о том, что он черный, забыл о страшных Законах Юга, забыл обо всем на свете. Он помнил только, что его друг нуждается в помощи... А верзила метил в Эда кирпичом.

Чарли с размаху кинулся на верзилу, и они оба грохнулись на асфальт.

Чарли медленно поднялся на ноги, глаза его блуждали...

И тогда полисмен, не спеша, как на контрольных стрельбах, выпустил в него всю обойму.

Убийство негра, поднявшего руку на белого, не вызвало в Нью-Карфагене толков. Грандиозный скандал развился после того, как выяснилось, что интеллигентный негр в золотых очках оказался... белым джентльменом — журналистом, который смазал лицо и руки специальной краской, чтобы лично испытать все «прелести» дискриминации. Его репортаж произвел фурор. Мэр Нью-Карфагена получил головомойку от губернатора штата, полисмена выгнали со службы без права получения пенсии.

Эдлай написал отцу письмо. Он просил совета (как жить дальше?) и немного денег. Однако старый Кларк, опасаясь мести балахонщиков, публично отрекся от сына, «оплевавшего священные традиции и честь белой расы». Тогда сын в свою очередь отрекся от отца и подался на запад. В Сан-Кристофере ему удалось наняться матросом на фруктовец — старую посудину с гордым названием: «Виктория», совершавшую рейсы в Гонолулу. Провонявшая сладкой гнилью ананасов и бананов, «Виктория» трудолюбиво ползала по синему безбрежью Тихого океана, не подозревая о подкрадывающейся к ней по-кошачьи страшной опасности.

...Ураган обрушился на «Викторию», словно громила на прохожего, — внезапно, свирепо, коварно. Огромными волнами разнесло в щепки радиорубку, погнуло винтовой вал, и «Викторию», как скорлупку, понесло по гигантским водяным горам.

Трое суток мордовал суденышко ураган. Когда же он

стал стихать, произошло непоправимое: старенький корпус «Виктории» не выдержал, швы разошлись и суденышко пошло ко дну.

На «Виктории» было две спасательных шлюпки, но попытка спустить их на таях кончилась плачевно: волны разбили их в щепки о борт судна. Началась паника.

Эд не стал долго раздумывать. Из двух зол он выбрал наименьшее — приладив покрепче спасательный пояс, он прыгнул за борт.

И хорошо сделал. Через несколько минут «Виктория» исчезла.

Еще целые сутки бушевал океан, но постепенно гнев его угасал. Обессиленный юноша оказался один в океане — тихом, ласковом, обдуваемом мягким ветерком. И вокруг на сотни, тысячи миль — никого! Впрочем, как это — никого? А акулы? Правда, знатоки утверждают, что рассказы об акулах, пожирающих людей, — враки; акулы не нападают на человека. «Ну что ж, — с горьким юмором подумал Эд. — Мне не приходилось видеть людей, оставивших в акулей пасти ногу. Однако нет ничего в жизни лучше собственного опыта. Придется, видимо, лично проверить утверждения знатоков. Жаль только, если их теория окажется несостоятельной, я не смогу привести веских доказательств недооценки акул... Да что там акулы! А если я им прийдусь не по вкусу? Тогда все равно мне крышка. Кто найдет меня в этой гигантской лоханке! Да и станут ли искать?»

...Огромное солнце всплывало из далеких пучин. Порозовело небо. Запорхали летающие рыбы, какая-то птица скользнула над водой и взмыла ввысь... Птица!.. Откуда? Эд испугался, он подумал, что у него начались галлюцинации. Юноша зажмурился, вновь открыл глаза и вскрикнул — перед ним, милях в двух-трех окаймленный белыми бурунами зеленел султанами пальм крохотный островок.

«Кончено, — подумал Эд, — плохи мои дела. Рехнулся!»

А потом началась слуховая галлюцинация: Эд услышал клекот мотора, различил даже, как он стучит. «Старенький мотор, неотрегулированный. Да о чем это я?.. Ну, все, кажется, все...»

У Эда хватило юмора подумать: «Ну вот, как в приключенческом романе — герой теряет сознание именно в тот миг, когда к нему протягиваются загорелые, мускулистые руки помощи...»

Очнувшись, Эд обнаружил, что лежит в гамаке, прилаженном между двумя пальмами. Вокруг толпились странные люди, похожие и на европейцев и на таитян — темноглазые, светлоглазые...

— Я не брежу? — на всякий случай осведомился Эд.

— Вы на острове Питкерн, — ответил по-английски пожилой черноволосый человек. — Меня зовут Джон Кристиен, я здешний правитель. Как это вас угораздило забраться в наше тихоокеанское захолустье?

— Да так, знаете ли, с познавательной целью, — улыбнулся Эд.

— Бывает. Вы что-нибудь понимаете в моторах?

— По-моему, на вашей лодке не отрегулирован мотор.

— Значит, понимаете. А то у нас три месяца назад механик умер. Как вас зовут? Мы должны внести вас в список граждан острова Питкерн.

* * *

Два года прожил Эдлай на этом удивительном острове, история обитателей которого связана с восстанием на британском шлюпе «Баунти» в 1789 году.

Доведенная до отчаяния жестокостями и притеснениями командира шлюпа капитан-лейтенанта Блая, команда взбунтовалась. Блай и его семнадцать приверженцев были схвачены. Их посадили в лодку, сбросили бочонок воды, немного сухарей, бутылку рома и велели плыть куда глаза глядят. А «Баунти» взял курс на благословенный остров Таити. Но вскоре команду стала одолевать мысль: а вдруг Блай все же выживет! Тогда адмиралтейство, узнав о восстании, пришлет на Таити эскадру и расправится с мятежниками.

Среди восставших не было единомышленников. Большинство решило укрыться в горной части острова, а девять человек предпочли, прихватив с собой несколько таитян и таитянок, сесть на судно и поискать убежище понадежнее, вдали от морских путей.

Девятеро моряков оказались прозорливее своих товарищей. Сорок восемь суток плыл Блай, держа курс на Суматру. И все-таки доплыл, хотя в лодке голландский губернатор обнаружил не людей, а полутрупы. Мятежников,

оставшихся на Таити, арестовали, подвергли страшным наказаниям. Те же, кто предпочел покинуть Таити, в июне 1790 года обосновались на крохотном зеленом островке, площадью всего в две квадратных мили.

Так возникла «республика» острова Питкерн, со своими законами, парламентом и другими государственными институтами, с народонаселением в сто тридцать пять человек.

Эд Кларк стал сто тридцать шестым.

Как знать, может, и прожил бы он на этом островке до конца своих дней. Благодатный климат, трудолюбивые люди, честная жизнь — все это пришлось по душе молодому человеку. Но уж такая у него была натура — не мог Эд спокойно видеть, как сильный душил слабого. Едва на острове появились газеты с сообщениями о том, что Муссолини обрушил железный кулак на безоружную Абиссинию (газеты эти привезло бродяжничающее по океанам суденышко), Эд распрощался с питкернцами и на этом же суденышке отправился в Африку — защищать свободу народа, о котором он, по правде говоря, узнал впервые из этих же газет.

Раненный в ногу, со спиной, обожженной ипритом, Эд одним из последних сложил сружие. Молодой человек был далек от политики. Просто он делил людей на справедливых и несправедливых. А так как в несправедливостях не было недостатка, то у Эда хватало забот. Едва зажила рана, молодой Кларк отправился в Испанию. Здесь он свел личные счеты с итальянскими фашистами под Гвадалахарой, с лихвой рассчитавшись с ними и за рану, и за ошпаренную ипритом спину. В интернациональной бригаде Эд по-прежнему уверял товарищей, что ему нет дела до политики, его просто бесит, что вооруженные до зубов фалангисты, в компании с головорезами Гитлера и Муссолини, разбойничают на испанской земле, убивают женщин, детей, стариков.

— Это же все равно, — говорил Эд, — как если бы против боксера в весе пера выпустить тяжеловеса фунтов этак на двести сорок!

В тридцать девятом году с горсткой последних защитников Мадрида Эд перешел французскую границу, был интернирован. Через полгода молодой человек очутился на родине. Казалось бы, пора и утомниться. Однако упрямство, доставшееся ему от предков, не позволяло Эду капи-

тулировать. Он еще должен посчитаться с мерзавцами. Никакой политики! Просто личные счеты. Врагов прибавилось: надо расквитаться не только с макаронниками, но и с германскими нацистами. Они, ясное дело, что-то затевают. Против этаких громил, он в этом убедился, безнадежное дело воевать с охотничьим винчестером в руках.

Тогда Эд решил поступить в летное училище. Ему шел уж двадцать пятый год. Возникли трудности формального характера — он оказался переростком. И все же молодой человек настоял на своем. Он стал летчиком, командиром бомбардировщика.

Стал им вовремя. В Европе жарким пламенем разгорелся пожар войны, англичане, разгромленные под Дюнкером, сидели на своем острове, как сорок миллионов Робинзонов, потерпевших кораблекрушение, а вокруг них ярилась огненная буря, с неба, завывая и визжа, обрушивалась смерть.

Эд влез в мировую свалку сразу же, как только джапсы бросили своих летчиков-смертников (камикадзи) против хэпилендского военно-морского флота, ротозейски оставленного в Жемчужной бухте без надежного воздушного прикрытия.

Эдлай Кларк бомбил корабли, потопил крейсер, но и его сбили, правда «удачно» — он отделался несколькими царапинами и получасовым купанием в океане. Затем Кларка повысили в чине, перевели в соединение тяжелых бомбардировщиков, назначив командиром «летающего бастиона».

Чем кончились его полеты на несравненном бомбардировщике, читателям известно: Кларк последним покинул бомбардировщик, был ранен осколком зенитного снаряда, обгорел, но остался жив. Около года он валялся по госпиталям, а затем, кое-как подлечившись, вновь укатил на свой остров Питкерн. Правил им по-прежнему Джон Кристиен, потомок одного из руководителей восстания на «Баунти» Флетчера Кристиена. Эд вновь обрел душевное спокойствие. Одно раздражало: по вечерам вокруг него садилась в кружок вся республика и требовала рассказов о боях и сражениях. Эду не улыбалась перспектива превратиться в островного вряля. Ведь как ни крути, но когда исчерпаешь все боевые эпизоды, поневоле начнешь завираться.

На несколько лет правдивых рассказов кое-как хватило. Республика по-прежнему собиралась по вечерам послу-

шать ветерана. Над Кларком нависла угроза вынужденно оставить документальный жанр и обратиться к художественной прозе.

Выручил счастливый случай. У острова бросила якорь копровая шхуна. Капитан, по традиции, отдал питкернцам старые газеты. Из этих газет Эдлай узнал о том, что его хвостовой стрелок жив. Мало того — он стал миллионером!

Как и десять лет назад, Эд Кларк быстро собрал свое имущество, которое легко уместилось в спортивном чемоданчике, попрощался с островитянами и перебрался на шхуну.

Через месяц он уже был в Хэппиленде. Дядя Эд привез с собой отличный подарок Генри — благородную идею.

* * *

— Старые холостяки, — говорил Эд, потягивая коньяк, — смахивают на иммортелей. Они живут долго, скучно и не нуждаются в заботливом уходе. А я — старый холостяк. Как-то так случилось, что после кугуара следующей моей дичью оказался итальянский полковник Джиролами-ни. Его документы до сих пор хранятся в моем чемодане, и смею тебя уверить, Ген, я не испытываю от этого радости. Да-да, не улыбайся. Всю свою жизнь я только и знал, что получал долги и отдавал их. Очень нудное занятие, бессмысленное. То с тобой сводят счёты, то ты стараешься расквитаться. А кончилось дело тем, что пока я слонялся по Абиссинии, Испании и другим несчастным землям, жизнь промчалась, как экспресс мимо полустанка. Хорошо еще, что я все же успел запрыгнуть в последний вагон — и вот прикатил к тебе, Ген.

Дядя Эд поудобнее уселся в кресле и продолжал:

— На Питкерне у меня было достаточно времени поразмыслить и пофилософствовать. Когда торчишь бог знает на каком меридиане, а вокруг тебя, куда ни глянь, сплошной рыбный суп, который по недоразумению забыли вскипятить, — поневоле станешь философом.

И я стал им. Поверь мне, как только я окончательно деградирую, я, пожалуй, выставлю свою кандидатуру в Конгресс. Но до этого пока далеко. Философствовать — не значит заниматься политикой. И все-таки... Порой меня страшит идиотизм нашей жизни. Какой-то дикий, бездар-

ный фарс. Люди ведут себя до того подло, что хочется набить им морды. Звери пожирают друг друга откровенно. А люди? Прежде чем слопать жертву, они мило улыбнутся и заботливо спросят: «Не беспокоит?» При этом я не имею в виду людоедов, вроде тебя. Возьмем людей обычных профессий. Адвокат просыпается в холодном поту, если ему приснится кошмарный сон, будто бы исчезли преступники и поэтому его семье грозит голодная смерть. Среди гробовщиков испокон веков пользуется печальной популярностью поговорка: «Здоровье — это ад»*. Пожарный мечтает о пожарах, полисмен жаждет бродяг и громил, репортер — обвалов в шахтах и других катастроф. И это — порядочные люди! Они рассуждают о прогрессе и сетуют по поводу падения нравов, ужасаются, если их сынишка ковыряет в носу или режет рыбу ножом. Но чем, скажи-ка ты мне, Ген, эти добродетельные джентльмены отличаются от торговцев наркотиками, которые губят сотни тысяч молодых людей, детишек; от менеджеров (профессиональных боксеров), чья единственная цель — научить своих питомцев ломать носы и челюсти, отбивать почки, вышибать дух ударами в солнечное сплетение... Чем в конце концов добропорядочные люди отличаются от налетчиков? Объясни.

Пораженный странной логикой Эда, Генри не нашелся, что ответить. Он лишь промямлил:

— Все у тебя шиворот-навыворот... Какой я тебе людоед. Живу честно, зла никому не причиняю.

— Ха! — встrepенулcя Эд. — Не о тебе сейчас речь. Ты — людоед. Точнее — вурдалак, ты сосешь кровь, силы из тысяч людей. А когда у вашей банды по кличке «Норт Хэппиденд ойл компани» особенно разыгрывается аппетит, тогда пощады не жди. Вот ты, например, уплеп за обе щеки товарища, облизнулся и со спокойной душой отправился на благотворительный вечер в пользу павиана Томми, увлекающегося абстрактной живописью.

— Кого это я съел? — обиделся Генри. — Какого товарища!..

— Потерпи, сейчас узнаешь кого... Ген, Кэт! — Кларк захлопал в ладоши. — Бегите сюда, пострелята. Ваш па за был вчерашнее меню. Давайте освежим ему память.

* Health (здоровье) созвучно hell (ад)

Близнецы выбежали из детской и, весело горлая, накинулись на дядю Эда. Обращались они с ним бесцеремонно. Девочка попросту повисла на его шее, а сзади наседал мальчуган, норовя запустить пятерню в волосы.

— Осторожней! — с комическим ужасом вопил Эд. — Вы же меня задушите и скальпируете!.. Полиция...

Наконец ребятишки уgomонились, удобно устроившись на коленях дяди Эда.

— Ну вот, слава богу, — улыбнулся Кларк. — А сейчас, сорванцы, объясните своему па, каким дядей он недавно позавтракал?.. Помните, мама говорила...

— Дядей Нилом! — с восторгом запищали близнецы.

— Что?! — Генри вскочил. — Какая чушь!..

— Поменьше эмоций, мистер обирала, — посоветовал Эд. — До чего занятый бизнесмен! Даже газеты некогда читать... Ну, а я и жена твоя иногда заглядываем не только в отделы светской хроники и курсов акций. И вот что мы вычитали. — Кларк вытащил из кармана газету, начал вслух:

«Пятидесятидвухлетний Нил Астор, отец троих детей, недавно уволенный компанией «НХОК» в связи с дальнейшей автоматизацией бензопрофилактических станций, заявил:

— Меня съели цивилизованные каннибалы, скрывающиеся под видом членов правления «НХОК». И только ли меня! Семьсот сорок рабочих старше пятидесяти лет лишились куска хлеба...»

Эд не дочитал, швырнул газету на пол.

«Как я мог забыть Нила? — Генри взволнованно потер лоб. — Что я наделал?! Из-за меня... страдает столько людей! Надо предпринять кое-что, помочь...»

— Послушай, Эд, дружище! — начал Генри.

— Нет уж, теперь ты меня послушай, — оборвал Кларк. — Если ты полагаешь, что я приехал черт его знает откуда, мечтая присосаться клещем к полнокровному золотому тельцу... Ошибаешься! Я приехал сделать из тебя человека. И тысяча проклятий на меня, если не верну своего сержанта в строй. Вот что я тебе скажу, Ген... Бросайка ты все это к чертовой бабушке!.. Все эти акции, дивиденды, совещания, на которых обсуждаются способы обьегоривания хороших людей. Ты хороший парень. Это деньги выворачивают тебя наизнанку. Ваша нефтяная шайка на все готова ради барышей. Пообещай им лишний

хеллер — и они готовы врать до хрипоты, зарезать, убить. Знал я одного мелкого торгаша, который с серьезным видом утверждал, будто бы его яблоки такие крупные, что их идет девять штук на дюжину. Ловко? Ну так этот парень сущий ангел в сравнении с твоим Куком. Да и ты сам очерствел. Тебе и в голову не пришло, например, навесить семьи погибших товарищей. А они, может быть, нуждаются в помощи. Ты пытался запутать в паутине стяжательства своего спасителя — доктора О'Хару. Да-да, пытался. А ведь О'Хара задумал благородное дело. Он хочет доказать, что не так уж безнадежно плох наш мир, что существуют не только мошенники, но и люди, тянущиеся к добру.

И вот зачем я приехал к тебе, дружище. Давай проведем семьи Джо Хиллари, Линкольна Роу, Герберта Палинского — всех, кто летал с нами и не вернулся с боевого задания. А потом... Потом махнем к славному старику О'Харе, в Сан-Кристофер. Ему очень пригодятся два подержанных джентльмена, исполненных энергии и чистых устремлений. Ему пригодятся и твои миллионы. Ну? По рукам?

Генри слушал Кларка, и в голове у него творилась настоящая кутерьма. «Что он болтает?.. Отказаться от почета, связей в высшем обществе, от удобной жизни! Это уже слишком... Но... А как же Нил Астор?.. Жить за счет Нила, тысяч ниллов!.. Он прав, конечно, он прав — Эд. А что, если и в самом деле построить отличную больницу... вместе с О'Харой... Плата за лечение самая минимальная... Неимущих лечили бы даром... Даже на курорты отправляли, кому крайне необходимо. Возвращать людям здоровье — это же здорово!.. Но... а вдруг!.. Надо подумать, все взвесить...»

— Помолчи ты, ради всех святых! — взмолился Спарроу. — Нельзя же так — сразу. Надо прикинуть, посоветоваться с женой.

Эд захохотал во все горло:

— Тупица! Если бы ты знал... Уморил... Не могу! Да ведь это она, твоя Кэт, подговорила меня прочесть тебе лекцию о правилах хорошего тона. Ей надоел паук-кровопийца вместо порядочного мужа. Ей-богу, ты достукаешься. Вот возьму и увезу Кэт на свой Питкери. Она согласна. — Эд вновь расхохотался и загремел на всю квартиру: — Кэт, старушка Кэт, нечего прятаться в спальней и

подслушивать, как из твоего Гена пытаются сделать порядочного человека. Выходи!

— Ага! Заговор!— засмеялся Генри.

— Еще какой,— подтвердил Кларк.— Сейчас мы уьем и ограбим миллионера, и пусть он не пытается молить о пощаде и взывать о помощи. Труп его мы выкинем в окно, а капиталы превратим в такую полезную штуку, как больница.

Кэт ласково обняла мужа за плечи:

— Ну, милый, согласен? Давай угрожим выскочку.

— Проломим ему башку,— уточнил Эд.

От волнения Генри прошиб холодный пот. «Проломить башку... Пожалуй, это не дурная идея. Грабитель этого заслуживает. Однако... Хэ!.. Будь что будет! Я же всегда мечтал о честном бизнесе. А что может быть честнее... спастись людей?»

Генри вскочил, схватил в охапку жену, поднял и, расхаживая по гостиной, принялся ей растолковывать:

— Ну зачем так пошло — проломить башку? К тому же выскочка-миллионер не так уж виноват. Он не знал, что его дивиденды дурно пахнут. Выскочка заслуживает снисхождения.

— Удивительный ты все-таки парень, Генри.— Кларк принялся разливать по рюмкам коньяк.— Два раза выкарабкался из пекла... Да-да, из пекла, ты не настолько испорчен, чтобы рассчитывать на райские кущи. Так вот — дважды выбрался из пекла, а сейчас заново родился. Недаром, как ты мне рассказывал, старик О'Хара утверждает, что у тебя, как у кошки, девять жизней. За это не грех и по рюмочке опрокинуть.

— Отличная идея!— в свою очередь восхитился Генри.

...Поздно вечером за ужином Кларк засмеялся:

— Ах, господи! Почему я не богач. Я отдал бы все свои миллионы за то, чтобы хоть одним глазом взглянуть завтра утром на физиономию этого крокодила мистера Кука, когда он узнает о безвременной кончине его компаньона и собутыльника, еще совсем недавно шлявшегося с ним по лошадиным кабакам. Вот умора!..

Генри вздохнул, набожно перекрестился.

— Аминь!— с лукавой кротостью произнесла Кэт и налила друзьям еще по чашке кофе.

ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ В САН-КРИСТОФЕР

Городок Куинси, раскинувшийся на берегу Великой реки, насчитывал всего около пяти тысяч жителей, тем не менее он оказался на редкость прогрессивным, жаждущим славы и процветания. Усилиями мэра города, его выдающихся граждан Куинси превратился в маленький Нью-Бáрдок, ничем не уступающий ему в напряженных поисках новых достижений в политической жизни и цивилизации.

Борьба за первенство между двумя этими городами вот уже несколько лет шла не на жизнь, а на смерть.

До войны Куинси, как две капли воды, походил на тысячи других хэппилендских городков. Главная улица, две аптеки, в которых можно выпить, закусить и подлечиться от запоя, восемь кабачков; всеобщие любимцы — городской пьяница, городской дурачок и городской политический деятель, обещающий в случае его избрания президентом ЮСХ отмену золотого стандарта и создание невыносимых условий миллиардерам Востока и Запада, — вот и все достопримечательности, если не считать четырех полисменов, которые за недостатком преступных наклонностей у граждан, периодически устраивали между собой драки, а однажды даже пытались взломать сейф судьи Китченера, но раскаялись и объяснили своей поступок стремлением лично убедиться в сохранности ценностей, принадлежащих уважаемому вершителю правосудия.

Жизнь в Куинси текла так же тихо, не спеша, как и мутные воды Великой реки, на берегу которой пристроился городок. Иногда в кабачках вспыхивали дискуссии между «мулами» и «бегемотами»*, оканчивающиеся, как правило, деликатным мордобоем. Они на несколько дней вносили свежую струю в жизнь городка. В такие периоды политической активности местная газетка «Куинси стар», мудро державшая нейтралитет, писала о гражданской доблести участников дискуссий и выражала надежду, что «наш славный город в ближайшие годы подарит стране мудрого Президента, чей гений будет способствовать расцвету Хэппиленда вообще и города Куинси, в особенности».

Может быть, именно так в конце концов и случилось

* «Мулы» и «бегемоты» — прозвища двух основных политических партий в ЮСХ.

бы, как предсказывала газета. Но, к сожалению, по сложившейся в Куинси прочной традиции, очередная тройца, любимая всем городом, не желала окостеневать в своих ампулах. И поэтому с железной закономерностью в общественном статусе трех джентльменов происходили разительные метаморфозы: кандидат в президенты ЮСХ превращался вдруг в городского дурачка, бывший дурачок, не желая становиться на тернистый путь демагогических обещаний, превращался в пьяницу, а последний в политика, лелея надежду, став президентом, ввести сухой закон и тем самым отомстить нынешнему пьянице, захватившему теплое местечко, не требующее сделок с совестью.

Подобное непостоянство, надо полагать, и явилось причиной неудач кандидатов на выборах президента ЮСХ.

С течением времени пьяница, дурачок и политик, повинувшись законам природы, умирали довольно естественной для них смертью — от самовоспламенения. Освободившиеся места быстро занимали другие достойные джентльмены, поскольку недостатка в кандидатурах городок не испытывал. Лишь однажды, уже после второй мировой войны, городским дурачком стал приезжий ученый экономист. Он прибыл в Куинси с честолюбивой целью открыть некий экономический закон, действующий в этом городке. Дело в том, что три четверти жителей Куинси держали магазинчики, лавки, лотки и, следовательно, торговали между собой, ухитряясь каким-то непостижимым способом извлекать из своего занятия прибыль.

Ученый экономист долго бился над удивительной проблемой и кончил тем, что выскочил из окна второго этажа гостиницы с воплем «Спасайся, кто может! Русские танки приближаются!»

Мэр города, весь цвет Куинси по достоинству оценили патриотизм приезжего, оставшегося, по счастью, в живых. Был организован сбор средств на постройку гигантского авианосца, который предполагалось назвать в честь нового городского любимца — «Фуртол».

Эта славная затея и явилась причиной жаркой конкуренции между Куинси и Нью-Бардоком.

Сбор средств на строительство авианосца, а точнее — его результаты, обескуражили мэра и его приближенных. Трудовые семьи вообще не желали расставаться даже с единственным сентом, микроскопические лавочки вносили гроши. Цвет города раскошелился. И тем не менее, учиты-

вая грандиозные размеры авианосца (предполагалось, что его водоизмещение составит 90.000 регистровых брутто-тонн) на собранные средства можно было приобрести разве что боевой флаг, соответствующий чудовищной величине властелина океанов.

Мэр и цвет Куинси буквально взбесились, когда узнали, что Нью-Бárdок нагло украл их великую идею, построив авианосец и дав ему имя своего городского дурачка, выбросившегося из окна шестнадцатого этажа с криком «Красные танки на улицах Нью-Бárdока! Караул!» хай сосайети* города Куинси пришло в неистовство еще и потому, что воротилы Нью-Бárdока преподали им наглядный урок в политике. Щедрые куинсинцы тратились на содержание трех любимцев, чьи метаморфозы исключали возможность успеха в политике. Расчетливые ньюбардокцы сократили штаты — их почивший в бозе дурачок при жизни исполнял также обязанности пьяницы и политика. Немудрено, что он достиг успеха, до последних дней своих возглавляя важное министерство.

И тогда мэр решил доказать, что и его город кое-чего стоит. Прежде всего он энергично принялся насаждать цивилизацию. И мэр преуспел в этом. О его делах и реформах вынуждены были сообщать даже газеты ненавистного Нью-Бárdока.

Еще бы! Прежде всего неугомонный мэр протащил в Капитолии штата законопроект, согласно которому женщины, появляющиеся на улицах в купальных костюмах, обязывались иметь при себе дубинку для отражения возможных поползновений.

Укрепив таким образом мораль и нравственность, отец города купался в лучах славы до тех пор, пока на его жизненном пути не повстречалась некая красotka, нарушившая Закон. Встреча произошла на берегу Великой реки.

Мэр возмутился. Он решил практически доказать, как не осторожно пренебрегать его Законом, насколько беззащитна женщина, пренебрегающая дубинкой, перед лицом мужчины, жаждущего греха.

И он успешно доказал красотке свою правоту.

Бедный мэр! Знай он, чем кончится этот эксперимент, мэр срочно бы внес законопроект о поголовном вооруже-

* Хай сосайети — высшее общество.

нии дубинками мужчин, дабы они могли обороняться от женщин в купальниках, жаждущих греха.

Но было уже поздно. Вкусивший от древа познания добра и зла, мэр обзавелся прогрессивным параличом, и именно это обстоятельство породило в нем неизбывную страсть к реформам и прогрессу.

Стараниями мэра в Куинси появился кабаk «Пеппер-минт». Здесь плясали дни и ночи напролет рок-н-ролл, а после того, как Чабби Чеккер изобрел твист, ломали ноги, спины и шеи в новом танце. Затем был проведен конкурс бород, и, наконец, лично мэром изобретена увлекательная игра «Мокрая курица». Правила ее просты: двое играющих ставят заклад, затем садятся в автомобили, разъезжаются друг от друга на мило и по сигналу судей с бешеной скоростью мчатся на встречных курсах. Кто первый отвернет в сторону, желая избежать катастрофы, тот — «мокрая курица» и, следовательно, проиграл.

Конкурс бород прошел успешно, хотя приз завоевал, как выяснилось позднее, наглец с фальшивой бородой. А вот игра в «Мокрую курицу», несмотря на все старания прогрессивного паралитика, как-то не привилась. Зато она перекочевала в Нью-Бáрдок, где и по сей день пользуется популярностью среди «золотой молодежи». Гробовщики Нью-Бáрдока даже преподнесли мэру Куинси мраморный обелиск с надписью: «В знак благодарности и признательности», который в ожидании лучших времен установлен пока на городской площади.

Далее мэр объявил о своей приверженности к идеям хэпилэндского фюрера Рокуэлла и занялся созданием армии коричневорубашечников. По первому же зову под знамя со свастикой встали: мясник, недавно вернувшийся из тюрьмы, где он отбывал наказание за убийство, Майк-слабоежка, прозванный так за склонность к растлению малолетних, дисквалифицированный громила Эл-неудачник, семнадцатилетний Джимми — сын главы местного банка — всего семь джентльменов.

Создание черчистско-рокуэлловской фашистской организации способствовало очищению Куинси от уголовного элемента, наводнившего город в послевоенные годы. Домушники, карманники и даже специалисты по мокрым делам, терроризированные официальными приглашениями вступить в джентльменское сообщество, созданное мэром, в панике бежали куда глаза глядят. Однако тише от

этого в городе не стало. Местные рокуэлловцы орали людоедские песни, шарили по магазинам и квартирам, устраивали драки со стрельбой, избивали до полусмерти приезжего негра.

Негр оказался дипломатом одной из африканских стран. Вспыхнул невероятный, постыднейший скандал. Город Куинси прославился на всю планету, а вместе с ним и сам мэр.

Реформатор ликовал. Он утер нос ньюбардокцам. И хотя те, спохватившись, тоже организовали рокуэлловскую банду куда более многочисленную, нежели в Куинси, было уже поздно — приоритет в этом начинании принадлежал городу Куинси. Одно было досадно — молодчики со свастиками на рукавах поставили дело в Нью-Бардоке куда квалифицированной и профессиональной. Их финансировали короли стали и угля, императоры нефти, шахиншахи водородных бомб; рокуэлловцы города-конкурента разъезжали по стране, пропагандируя ненависть к русским, ко всем коммунистам, к неграм и смешению рас, вкуче с полицией разгоняли забастовки.

Неистовый мэр придумал много других нововведений: устроил конкурс дураков, на котором занял первое место, состязание обжор (в результате этого численность населения города уменьшилась на три человека), провел грандиозный праздник твистеров, которые пришли в такое возбуждение, что кабак «Пепперминт» был ими разнесен вдребезги, а в городе вспыхнули пожары. Когда же фантазия мэра иссякла, к нему явился мистер Джон Сук и изложил грандиозный план создания в Куинси «Сук-арми» или «Армии Сука». Мэр расплакался от умиления.

Именно в тот момент, когда «Сук-арми» занималась строевой подготовкой, автомобиль Спарроу и Кларка подкатывал к окраине города Куинси.

На площади, усеянной багряными осенними листьями, приятели увидели необычную картину. Две дюжины молодых женщин в черных бриджах, черных свитерах и того же цвета беретах, плащах и ботинках, с пистолетами на боку под командованием толстяка с одышкой маршировали «прусским шагом» — высоко вскидывая ноги — и распевая:

Русским будет пусть наука,
Как сражаться с войском Сука.

Коммунистам смерть и месть!
Сбережем от русских честь.

Кларк попросил Генри затормозить. Эду нетерпелось познакомиться с воинственными дамами в черном.

Долго с видом знатока следил он за маршировкой и разными построениями «Армии Сука». Толстяк с одышкой не выдержал. Скомандовав «Вольно!», он поплелся к незнакомцу.

— Мистер Сук, — представился толстяк Кларку. — Вы, как я вижу, приезжий. Любуется моей армией? Если подобные воинские соединения создать во всех хэппилендских городах — мировому коммунизму крышка. Мы непростительно недооцениваем боевых качеств женщин.

— Отличная, отличная идея, мистер Сук, — перебил толстяка Кларк. — Когда состоится премьеры?

Мистер Сук вытаращил блеклые, в рыжих ресницах глаза.

— Премьера?

— Ну да, — хладнокровно подтвердил Эд. — Эй, Генри, вылезай из машины. Иди сюда, я кое-что тебе скажу. В этом славном городке готовятся к стриптизу, будут танцы с раздеванием. Только я умоляю вас, мистер Сук, пусть ваши амазонки не раздеваются на все сто процентов. Полное оголение оупяет зрителей, не вызывает тонких эмоций. Что-нибудь да должно оставаться на девочках из одежды... Ну хотя бы пистолеты...

Заинтересованный Спарроу подошел к собеседникам.

— Уверю вас, вы ошибаетесь... — пробормотал толстяк.

— Как можно! — с жаром принялся доказывать Эд. — Уж кто-кто, а я знаю толк в стриптизе. Вы задумали великолепное выступление. Мешают только мелкие недоделки. Па со вскидыванием ног надо отработать. Ваши девочки не прусские солдафоны, они могут вскидывать ножки выше. Да, кстати, кто автор песенки?

— Я, — признался мистер Сук.

— Мила, очень мила, — похвалил Эд. — Текст не очень грамотен, но выдержан в модном ключе. Надо бы только добавить куплет о «холодной войне» и стреляющую концовку... Ну... минуточку. Есть! Готово. Вот послушайте:

Честь, утраченная в схватках,
Честь — для чести, честь — для НАТО *
Не уступим чести даром
Бородатым комиссарам!

Воинство мистера Сука, забыв о железной дисциплине, захохотало.

Толстяк произнес хмуро:

— Вы ошиблись, сэр. Перед вами не репетиция стриптиза. Перед вами — добровольческая армия, созданная для борьбы с русскими.

— Армия?! — удивился Эд. — Мой бог, как я мог так опростоволоситься! Простите, мистер генералиссимус. Меня ввергла в заблуждение ваша песенка... то есть, я хотел сказать, боевой марш. В нем, мне показалось, солдаты клялись сберечь честь, не позволить себя обесчестить.

— Ну да, а что? Так оно и есть! — злобно прорычал мистер Сук. — Для этого и создана армия.

— Простите, дорогой мистер Сук! Тысячу извинений... А что... были какие-нибудь попытки? Я имею в виду лиц, проникших из-за «железного занавеса» с целью подрвать могущество Хэппиленда с помощью преступлений против нравственности?

Мистер Сук ничего не ответил. Мешковато сделал «кругом», толстяк заорал на свою армию:

— Рравняйсь!! Смирна-а! По порядку номеров рррасчитайссь!.. Ага, трое дезертировали. Наслушались агитаторов. Я им покажу! Уволю!.. Шагом-аршшш... Песню!

И над площадью вновь понеслось:

Русским будет пусть наука,
Как сражаться с войском Сука.

Коммунистам смерть и мсты!
Сбережем от русских честь...

— Поехали, старина, — озорно улыбнулся Эд и хлопнул Генри по плечу. — Есть дела поважнее. В Куинси нам надо разыскать семью боевого друга Джо Хиллари. Заводи мотор, пока генералиссимус мистер Сук не отдал приказ своей армии атаковать нас с фронта и с флангов. Играй отступление. Полный вперед!

* НАТО — агрессивный военный блок ряда стран «Свободного мира», направленный против социалистического лагеря.

Домик старика Хиллари притулился на окраине Куинси, возле кладбища. Односкатная крыша с зияющими черными дырами вместо черепицы, два окна заколочены грязной фанерой, покосившееся крыльцо, обшарпанные стены. Небольшой фруктовый сад, примыкающий к тыльной стороне домика, зарос травой, одичал. Домовладение старого Хиллари походило на одежду бродяги, знававшего лучшие времена.

— М-да,— со вздохом протянул Эд, вылезая из машины.— Мы, кажется, не очень опоздали с визитом. Этот семейный ковчег прочно сидит на рифе и ждет малейшего ветерка, чтобы развалиться.

Генри промолчал. У него почему-то стали дрожать пальцы, суматошно заколотилось сердце. Он поднялся на крыльцо, нажал на кнопку электрического звонка.

Тишина.

— Остряк!— с вымученной улыбкой промолвил Эд.— Нажимать пальцем на кнопку удобно в том случае, когда тебя пригласит сам президент на чашку черного кофе, чтобы посоветоваться по некоторым вопросам внутренней и внешней политики. А здесь надо стучать. Кулаком. Как в старые добрые времена... Эгей! Есть кто-нибудь в доме?! Мистер Хиллари, откройте!

Минуту-другую никто не откликнулся. Эд продолжал отбивать кулак. Наконец послышался скрип половиц, и кто-то, прошаркав к двери, спросил глухим басом:

— Кто там? Кому это понадобился старый Хиллари?

— Друзья, к вам приехали друзья. Откройте!— громким шепотом ответил Генри.

— Друзья,— подтвердил Эд.

Щелкнул замок, дверь со скрипом отворилась. Огромный старик с седой гривой внимательно поглядывал сверху вниз на незнакомцев. До чего же он похож на покойного Джо или, вернее, наоборот — Джо походил на него! Семифутовый рост. Именно семифутовый, ну, может быть, без одного-двух дюймов. Широченные плечи, серые настойчивые глаза... Ну будто это сам Джо, над которым добросовестно потрудились время.

— Друзья?— пробасил старик.— Забавно. По правде сказать, я позабыл, что означает это словечко. А вы случайно не комми? Когда такие друзья стучатся в мой дом и

потом предлагают усовершенствованные кастрюли, я по обыкновению вышвыриваю их вон и сожалею лишь о том, что мне семьдесят лет. В шестьдесят я это проделывал куда ловчее.

— Нет-нет, мы не комми,— поспешил заверить Эд.

— А может, вы из какого-нибудь благотворительного общества?— не унимался старик.— Ну, знаете ли, ходят такие бездельники... Одни клячат деньги, а другие пытаются всучить десятку, чтобы я не забывал о моем бедном мальчике. Если вы, джентльмены, из этой компании, то предупреждаю: мои кулаки сразу же помолодеют на два десятка лет,— старик сжал узловатые пальцы, и получилось нечто волосатое и внушительное.

— Не беспокойтесь, мистер Хиллари, вам не придется пускать в ход эти неопровержимые аргументы. Позвольте нам войти.

— Ну если так, куда ни шло. Прошу вас, джентльмены

Генри шагнул вперед и чуть не упал, споткнувшись о подкову, прибитую к порогу.

— Осторожно, джентльмены,— с опозданием предупредил старик.— Не споткнитесь. Подкова. Я ею очень дорожу. Подкова — это единственное, что у меня осталось от счастья.

Дом внутри представлял еще более печальное зрелище, нежели снаружи. В комнатах царил тяжкий запах нужды. Остатки жалкой мебели не вызвали бы никаких эмоций даже у старьевщика. На колченогом столе дымилась миска с жиденькой овсяной кашей,— хозяин, по-видимому, собирался обедать.

— Садитесь, джентльмены,— пригласил старик, указывая на скособочившуюся качалку и выдавший виды стул. Хозяин опустился в замусоленное креслице, застонавшее под тяжестью его тела.— Слушаю вас. Я хотел бы узнать, как это вы стали моими друзьями. Я, старый Бэзил Хиллари, даже и не подозревал о вашем существовании.

— Мы товарищи Джо,— тихо сказал Генри.

Старик не понял, а может быть, даже не расслышал. Он по-прежнему сидел в креслице, с интересом поглядывая на Эда и Генри.

— Я капитан Кларк, а это — сержант Спарроу. Мы летали с вашим Джо на бомбардировщике... Я писал вам,

Мистер Хиллари, об обстоятельствах гибели Джо, а теперь мы решили вас проведать...

Послышались звуки, напоминающие лай дога,— старый Хиллари не умел рыдать, но горе безжалостно приказывало: «Плачь, старик», и Бэзил Хиллари не имел сил не повиноваться. И он лаял, лаял глухо, страшно, по-дожьби.

— Полно, полно, отец,— растерянно пробормотал Генри, ища поддержки у Эда.

Но к великому удивлению друзей старик вдруг оборвал свой страшный лай и сухими насмешливыми глазами окинул гостей.

— С чего это вы решили, джентльмены, будто я не могу держать себя в руках? Когда у человека кашель, он кашляет, и никто ему не может запретить кашлять.

— Простите, сэр,— схитрил Эд, сам едва сдерживая слезы.

Старый Бэзил сделал вид, будто убежден, что ему удалось провести гостей. Откашлявшись, он пробасил:

— Ну вот и договорились... Очень рад видеть боевых товарищей моего мальчика. Стало быть, не перевелись еще на свете хорошие люди. По такому случаю и выпить не грех, да только...

— Если позволите?— вскочил Генри.— У нас в машине кое-что найдется.. Я сейчас...— и, не дожидаясь ответа, шмыгнул в коридор.

Несколько минут спустя на кухне уже суетились все трое. Весело шипел на сковороде бэкон, зашлепанный яйцами, солидно клокотал на огне консервированный бобовый суп. Эд кромсал колбасу, сыр, Генри торопливо продырявливал банки с консервированным пивом. Старый Хиллари застелил колченогий стол скатертью с вышивкой ручной работы и широко развел руками:

— Джентльмены, эту скатерть я не вынимал с тех пор, как померла моя старушка. Она вышивала ее специально для Джо, она мечтала накрыть ее, когда сыночек...— Бэзил Хиллари не договорил, горестно махнул могучими руками, отвернулся.

Генри и Эд спешно тащили из кухни сковороды, щербатые тарелки, консервные банки, бутылки.

После третьей рюмки виски старый Хиллари стал разговорчив. Выслушав рассказ Генри и Эда о последних минутах сына, великан вздохнул и спросил:

— Так, значит, его расстрелял в воздухе этот немец. Так, что ли?

Друзья поспешили уточнить. Они не знают наверное — убит ли Джо, когда спускался на парашюте, или он, раненый еще в самолете, не смог выдернуть вытяжное кольцо. Все произошло так стремительно! Кто из экипажа спускался на парашюте — разглядеть не было возможности. Но факт остается фактом: фон Раков расстреливал парашютистов.

— Стало быть, этот изверг мог... понимаете, мог расстрелять моего мальчика? — прохрипел старик.

— Но у нас нет уверенности в том, что Джо находился в числе тех, кто спасался на парашютах...

— Это неважно. Фон Раков стрелял в беззащитных людей. Среди них мог находиться мой Джо? Мог. Это главное. И еще другое главное. Я родом из Скалистых гор. В былые времена там из-за паршивой курицы затевалась кровавая война между семьями. Да. И длилась годы. Но убивали друг друга честно. Если кто стрелял из-за угла, тот имел дело с джентльменами всего штата. Джентльмены присылали ему вежливое письмо с предложением повеситься. И уж, поверьте, мало кто пренебрегал этим добрым советом. Разве только вместо веревки пускал в ход револьвер. Да, так было. Мстили из-за курицы. А я вот сижу сложа руки... А подлый палач, убивший моего сына... Джентльмены, вы читали утренние газеты? Нет, не читали? А я читал. Вытащил из урны и прочитал «Куинси стар». Да...

Бэзил Хиллари тяжело поднялся, прошаркал в спальню.

— Вот, взгляните, — сказал он, возвращаясь и ткнул пальцем в небольшую заметку.

«Наш корреспондент сообщает из Уошингтона.

Вчера военный министр ЮСХ утвердил в должности советника по авиационным вопросам м-ра Фридриха фон Ракова, крупного специалиста в области истребительной авиации. Новый советник министра, бывший ас прославленной Люфтваффе, недавно принял хэппилендское гражданство и, безусловно, окажет неоценимую помощь в совершенствовании стратегии, тактики и техники военно-воздушных сил ЮСХ...»

— Джентльмены, — продолжал старый Бэзил Хиллари. — Я должен, я обязан послать ему письмо с предложением

нием повеситься. И упаси его господь, если он не оценит по достоинству моего предложения.

— Мистер Хиллари...

— Папаша Бэзил..

— Я уже семьдесят лет Хиллари и вот уже двадцать лет — папаша Бэзил. Я знаю, что вы хотите мне сказать... Не связывайся, угодишь в тюрьму... Все знаю. Я достаточно пожил на свете и, сидя в моей берлоге, наблюдаю, как подлеет мир. В годы моей юности тоже хватало мерзавцев. Но то, что делается сейчас!.. Куда мы девали тот пустычок, за который сражались наши деды и отцы? Я имею в виду свободу. Я вам скажу, где наша свобода. Видали в Нью-Бэрдоке здоровенную бабу с факелом в руке? Это памятник, под ним и похоронена свобода. Иначе как же получается, что тысячи, тысячи честных людей молчат, боятся сказать хоть словечко правды, а разные сукины сыны мордуют их, обворовывают, набивают карманы и тянут, тянут в пропасть.

А посмотрите, в какой омерзительный хлев превратился наш Куинси! Раньше по праздникам мы пели, пили, танцевали и перетягивали канат. А если и случались драки, то они имели какой-то смысл. Ну как не посчитать ребра невеже, оскорбившему женщину или осмелившемуся неуважительно отозваться о твоём приятеле! А нынче? Свихнувшийся мэр творит черт знает что. И честные люди молчат. Рокуэлловская шайка бесчинствует — люди молчат. Идиот Джон Сук занимается шагистикой с бабами, потому что ни на что другое не способен в их обществе. А люди молчат. Молчат, молчат! И знаете почему? Боятся неприятностей, страшатся потерять работу. Вы думаете, девушки из армии Сука маршируют по собственной охоте? Ха-ха!.. Джон Сук — владелец местной телефонной сети. Он согнал, понимаете, со-гна-ал в эту «армию» своих подчиненных. Кому охота работу терять? Вот и шагают.

А возьмите всякие штучки мэра! Ну хотя бы конкурс обжор. Помер сторож мэрии? Помер. А почему? Хотел угодить мэру. И помер. А у него пятеро детишек мал мала меньше!

А люди молчат.

Я один пробовал не молчать. И что вышло? Тридцать пять лет работал мотористом на мельнице. Открыл рот — прогнали. Сперва в неблагонадежные попал, когда мне за

моего мальчика тысячу монет принесли и посоветовали купить телевизор, а я майору — тому, который совет насчет телевизора дал, — челюсть набок свернул. Потом уволил с мельницы одного парня. Он, видите ли, «Уоркер мэгэзин» читает, коммунистам сочувствует. А я взял и сказал хозяину:

— Свинство — выгонять хорошего человека. Не знаю, коммунист он или еще кто, но парень золотой. Я коммунистов в глаза не видел. Однако, что касается Гудвина, то пусть он даже будет тысячу раз коммунистом, я ничего в нем худого не замечал. Гудвин — парень-твоздь: не обманет, не продаст, честный, правду любит. Ценить таких людей надо. Ну сказал. И что? Поперли Гудвина, а заодно и меня. Объявили меня неблагонадежным. Вот и доживаю свой век как «пособник красных».

Старик умолк, хлебнул пива, сердито насупился:

— Что, джентльмены, может, не по вкусу вам мои слова? Нынче сам черт не разберет, кто человек, а кто разбойник. Все улыбаются, все зубы чистят и под ногтями маникюрными чертовинками скребут. И даже по глазам не узнаешь, что у человека внутри — душа или отхожее место.

Пока Кларк уверял старика, что они полностью солидарны с ним, Генри пытался найти предлог для чрезвычайно деликатного разговора. Старик Хиллари строптив и самолюбив. Как быть? Под каким предлогом вручить ему деньги. Если просто выложить на стол три тысячи и сказать: «Берите, мистер Хиллари»... Нет, так нельзя. Старик вспыхнет, чего доброго и по шее схлопотать можно, а главное — не возьмет денег. А ведь он так нуждается!

Наконец Спарроу кое-что придумал. Ему даже не придется отягощать душу несусветным враньем. Вранья понадобится самая малость.

— Дорогой мистер Хиллари, — произнес Генри официально. — Мы приехали, чтобы лично рассказать вам о последних минутах жизни Джо, повидаться с отцом нашего боевого товарища. Однако мы имеем еще и официальное поручение. Ваш покойный сын регулярно откладывал из своего сержантского жалованья определенную сумму. Он рассчитывал, вернувшись с войны, вручить ее вам.

Старик, чуточку побледнев, тяжело уставился на Генри. Спарроу не моргнул глазом. «Я же почти не лгу, — убе-

ждал он сам себя.— Джо действительно откладывал деньги. Они, правда, погибли вместе с ним. Но какая разница? Деньги есть деньги».

— Так уж случилось,— продолжал Генри,— что Джо избрал меня своим банкиром, и мне удалось сохранить почти всю сумму. Я прошу извинения за длительную задержку принадлежащего вам небольшого капитала. Я был тяжело ранен, затем, если говорить честно, пустил ваши деньги в оборот. И вот не так давно мне удалось заработать приличное состояние. Нынче я хочу исправить свою ошибку и возратить вам всю сумму плюс проценты за десять лет. Разрешите вручить вам, мистер Хиллари, три тысячи холлеров.— Спарроу вынул пачку бумажек, положил на стол.— Берите, мистер Хиллари, деньги ваши.

Старый Бэзил Хиллари, тупо уставясь на зеленую пачку, хранил молчание. Он, казалось, и не понял сути дела. Трудно, с присвистом дыша, он посмотрел недоуменно на Эда, перевел взгляд на Генри, потом опять на Эда и вдруг разразился своим страшным дождем лаем, по щекам его, похожим на кору старого дуба, скользнули светлые ручейки.

Сейчас старик и не пытался скрыть того, что он рыдает.

— Джентльмены... Мальчики мои!.. Это так страшно!.. Мой сын... и после смерти он остается моим верным... любящим сыном... Да-да, ребятки... Мой Джо писал мне даже с того света. Да. Писал. После того как он погиб... мой Джо целый месяц писал нам письма... Целых пять писем! А чтобы не расстраивать меня и свою матушку... он датировал их задним числом. Да-да! Не спорьте, я знаю!

Генри и Эда прошиб озноб.

— Да,— продолжал Хиллари.— Он всегда был хорошим сыном и умирать он ушел добровольно. Он презирал тыловых крыс... А сейчас! Боже, мой сын не забывает обо мне! Это, видно, мать его надоумила!.. Хорошие мои...

Великан закрыл лицо громадными ладонями. Генри и Эд переглянулись.

— Прошу извинить, мистер Хиллари,— осторожно сказал Эд.— Нам пора.

Старик опустил ладони. На Эда и Генри смотрел усталый, измученный жизнью, мудрый человек.

— Да-да,— по привычке прошептал он,— пора.— Не

тут же, встретившись, пробасил:— Благодарю, добрые джентльмены, за все. Понимаю, вам пора уезжать. Но троньтесь вы отсюда не раньше, чем я отчитаю вам проценты. Не по мне это — взимать проценты. Тысячу вы накинули... вот она, забирайте. Не надо мне... И двух тысяч за глаза хватит. Сколько мне еще жить-то осталось! Сын у меня умный, хороший. Это он мне на дорогу прислал... Он все понимает. Скучает он об отце, ждет, свидеться хочет.

Генри и Эд поднялись. Старик насильно вложил в руку Спарроу «проценты».

— Прощайте, сыночки.

— До свидания, папаша Бэзил.

— Спасибо за все, добрые джентльмены.. дети мои...

«Понтиак» заурчал, рванулся с места и скрылся в сумерках.

Долго хранили друзья молчание, потрясенные трагедией полусумасшедшего мудреца. Наконец Спарроу не выдержал, сказал со вздохом:

— Как хорошо, Эд, что я отправил Кэтрин с детьми в Алм-Бич. Я даже не представляю, что было бы с ней... Какой удивительный старик. Сколько сил мне стоило смотреть в его прозорливые, честные глаза и... врать!

— Это была святая ложь, Ген,— тихо промолвил Кларк.— Да-да, как любит говорить старый Хиллари, да-да, это была святая ложь.

«Понтиак», мягко шурша протекторами, подминал под себя километры бетонной автострады.

...Огромный седой старик сидел в скрипучем креслице и, задумчиво перебирая узловатыми пальцами зеленые бумажки, шептал:

— Это была святая ложь! Да-да. Святая ложь. Откуда им было знать, что Джо перед боевым вылетом перевел мне свои сбережения? На эти деньги я и схоронил Мэри... Но откуда они могли знать! Да, это была святая ложь. Я не мог, не имел права их разоблачить.

* * *

Три недели метался серебристо-голубой автомобиль по дорогам Хэппиленда, словно могучая, верткая пантера, угодившая в ловушку. Сколько человеческих драм повидали за эти три недели Генри и Эдлай! Чего только не пережили.

Джошуа Кинг, тот самый медведеобразный расист-лапочник, заработавший от Кларка рукояткой пистолета по черепу, стал губернатором штата, горбун Биксби во время войны занялся коммерческими махинациями, нажил огромное состояние и пролез в Конгресс, хромоножка Айра Джеффрис женился на богатой старухе, которая, к великому его горю, через полгода скончалась, приняв слишком большую дозу снотворного. Мистер Вуд, бывший шериф, получил высокое назначение — стал одним из руководителей комиссии по расследованию антихэппилендской деятельности.

Обо всем этом друзья узнали в Нью-Оране, где они пытались навестить семью Стенли Райта, их бывшего штурмана.

Попытка не увенчалась успехом. Четверо сестер Стенли вышли замуж и куда-то уехали. Родители умерли.

Отгорченные Генри и Эдлай покатали в Даллос — там некогда жил Ричард Рабинович. Городские власти этого города соорудили мраморный монумент. На нем среди фамилий горожан, сложивших голову в прошлой мировой войне, сверкала золотыми буквами и фамилия их погибшего друга. В путеводителе по Даллосу говорилось о том, что «на центральной площади города высится величественный обелиск, сооруженный в честь 854-х даллосцев, павших смертью храбрых в минувшей войне. Строительство обелиска обошлось в 3.554.000 холлеров».

Путеводитель не врал. Строительство обелиска обошлось именно в эту сумму. Но, как с горьким юмором заметил отец Ричарда, старый еврей-портной, бежавший из царской России от погромов, «obelisk-таки стоит этих денег. Но почему так дорого? Да потому, что два миллиона украли патриоты, которые его сооружали».

Израиль Рабинович и его одряхлевшая супруга не жаловались на материальные трудности.

— Пока я смогу держать в руках иголку с ниткой, — пояснил старик, — я голодать не буду. Все-таки я, благодарение Иегове, и дамский, и мужской портной. И никакой профсоюзный фюрер дамских портных мистер Дубянский ничего со мной не может сделать. Вы знаете, я даже не боюсь разных там трестов и синдикатов. Я шью дешево, и заказчикам это нравится. Я шью хорошо, и заказчики на это не жалуются. Я шью себе и шью. Но весь вопрос в том — зачем я шью? Мне шестьдесят восемь лет... Я при-

ехал сюда спасать своих будущих детей от лап черносотенцев. У них был, знаете ли, такой обычай: ограбить, а потом убить. Несли впереди портрет царя-батюшки, орали песни, а потом принимались за свое дело. А здесь все наоборот. Сперва убили моего сына, а потом ограбили. И знаете как? Не с помощью финки или там какого другого оружия. Нет... при помощи обелиска! Ведь это же мародерство. На фронте за такие финтики-минтики, рассказы-вают, расстреливали на месте как собак. Так вы думаете, кого-нибудь пристрелили? Не думайте. Эти грабители в День памяти павших стоят себе на возвышении возле самого обелиска и аплодируют всяким потаскушкам, которые идут впереди военного оркестра чуть ли не голыми, но в касках, греются на майском солнышке и задирают ноги выше головы. Как вам это нравится?! Вы знаете, я никого не виню. Мой Ричард сам пошел воевать, хотя я ему и говорил, чтобы он не впутывался в историю, в которой и без него разберутся те, кому это нужно. Но вы ведь знаете моего Ричарда. Он окончил колледж, учился на математическом факультете, и потому его невозможно было переубедить. И потом, он слишком любил страну и народ, который нас приютил. Ричард погиб. Я горжусь им. Но зачем же спрашивается, грабить мертвеца, а затем регулярно один раз в год издеваться над его памятью? Как хотите, мистеры, но я все это отказываюсь понимать. Даже черносотенцы и громилы из профсоюза Михаила Архангела, совершив свое черное дело, не занимались саморекламой.

Старик Рабинович перевел дух и воскликнул жалобно:

— Скажите, скажите мне, старому дураку... Зачем же погиб мой сын?.. Зачем?!

Что на это могли ответить Генри и Эдлай?

Друзья снова отправились в путь. Они навестили семьи других погибших членов экипажа. Родители Сиднея Шувалова доживали свои дни в богадельне, мать Тони Зима, у которой война сожрала четырех сыновей, находилась в психиатрической больнице, брат весельчака Эйча, отказавшийся назвать фамилии своих товарищей-коммунистов, сидел в тюрьме. Сестра Фрэда Кинли ничего толком не могла рассказать о своей жизни, так как друзья застали ее в бредовом состоянии. На все вопросы наркоманка, глупо улыбаясь, бормотала:

— Терпеть не могу мужчин! Они погубили моего брата и убили во мне женщину. Терпеть не могу!.. Уходите...

С тяжелым сердцем покидали Генри и Эдлай городок Керзон-Сити, затерявшийся в огромной пустыне. Горький, щемящий запах полыни — единственного растения, рискнувшего пустить корни в обители тоски и губительной тишины, — вновь и вновь будил в памяти бредовые слова тридцатилетней развалины, которую заживо пожирал ласковый хищник-опиум.

— Эх-хе-хе, — вздохнул Эд, уступая Генри место за рулем. — Неладно все вышло. Видно, и впрямь богиня счастья избегает общества честных людей. Капризная, испорченная бабенка!

Генри неопределенно хмыкнул. Говорить ему не хотелось. Предчувствие чего-то страшного и непоправимого сжимало сердце когтистой лапой. «Что ждет нас в Сан-Кристофере? — тревожился Спарроу. — Может, затея с больницей окажется нам не под силу? Ах, зачем я отправил Кэт и детей в Алм-Бич! Бросить все и уехать путешествовать. Ни о чем не думать, развлекаться, гулять среди развалин древних городов, фотографировать ящеров на Галапагосских островах, кататься на индийских слонах-такси, нырять с аквалангом у берегов Мадагаскара...»

— Старина, мы все же докажем, что есть хорошие люди на белом свете, — послышался вдруг голос Эда. — Главное — не вешать носа. Пока что, производя людей по своему образу и подобию, всевышний частенько допускает брак в работе. Стало быть, он не такой уж всемогущий и всеведущий, коли терпит на земле всякую шваль. Однако я не теряю надежды, что и у него лопнет терпение.

...«Понтиак» все мчался по автостраде. Вот он миновал пустыню и, радостно урча, ворвался в благословенный край субтропиков и хвой. Зеленые луга и величественные секвойи, пахнущие резвящим запахом скипидара сосны и опереточно, до неправдоподобия яркие апельсиновые рожи приветливо встретили Эда и Генри.

И сразу полегчало на душе.

Автомобиль проскочил довольно большой город, окаймленный, словно гигантским частоколом, заводскими трубами и газгольдерами, и помчался дальше. Через полчаса показался Блэкленд, пригород Сан-Кристофера. Собственно говоря, называть Блэкленд пригородом — значит отдавать дань традиции, поскольку он давно уже превратился в крупный промышленный центр, в город со своими властя-

ми и людьми, не желающими терпеть тиранию властей, со своим ритмом жизни и традициями.

Путешественники сразу же столкнулись с некоторыми особенностями Блэкленда и его населения. К этому времени Эд снова вел машину. И как Генри ни убеждал его поторопливаться, любопытный Кларк все же остановил «понтак», увидев у ворот судостроительной верфи множество людей с плакатиками на груди и на спине. Люди озорно поглядывали на полисменов, сидели прямо на дороге, покуривали сигареты и пели песенку про какого-то скэба Кэсси Джонса*.

Песенка была остроумная, с задорной мелодией и рассказывала о том, как некий скэб Кэсси Джонс пренебрег товарищами, решившими объявить забастовку, и продолжал работу. Но предателя-машиниста Кэсси покарала судьба... А может быть, безвестная добрая душа помогла судьбе покарать Кэсси. Во всяком случае паровоз скэба свалился под откос и предатель Кэсси Джонс очутился на том свете. Скэба выгнали из рая, на земле же ему не нашлось места. Пришлось вновь отправиться на небо. Но куда?

А вот куда:

Кэсси Джонс опять на небо,
Кэсси Джонс работает... в аду.
Кэсси Джонс жалеет, что был скэбом.
И он очень просит скэбов всех
Иметь это в виду!

— Забавная песенка,— дружелюбно сказал Эд, подходя к здоровенному парню в красно-белой полосатой рубашке.— Что здесь происходит?

Парень недоверчиво покосился на незнакомца с изуродованным лицом и сказал сердито:

— Проваливайте, приятель. У вас фора, и нам вовек не снюхаться. Приезжих просят не беспокоиться. Не та масть.

Кларк незлобиво хлопнул парня по каменному плечу:

— Ставлю один против дюжины, что ты, приятель, родом из Керзон-Сити. Только там могут коротко и толково наладить назойливого зеваку. Ну что, не угадал я?

* С к э б — так называют рабочие Хэппиленда штрейкбрехеров.

— Спорить! — улыбнулся парень. — В самую точку угодил, приятель. Как это тебя сподобило?

— Обратил внимание на изысканность речи. Был у меня товарищ из Керзон-Сити, летал я вместе с ним на бомбардировщике. Фрэд Кинли его звали. Погиб парнишка. Он тоже... как и ты... отличался по части словесных выкрутасов. Бывало спросишь его: «Послушайте, Кинли, говорят, вы вчера хватили лишнего в солдатском баре?» А он отвечает: «О, нет, капитан, конечно же, нет!» «Как так, нет, когда я точно знаю, что хватили лишнего!» А он опять свое: «Конечно же, нет, капитан!»... Битый час доказывал — мол, нет, конечно же, нет. А потом выяснилось что эти его «нет, конечно же, нет» означают: «Да, хватил лишнего и довольно крепко».

Парень рассмеялся. Минуту спустя он уже разговаривал с Эдом и Генри как с закадычными приятелями.

— Мы тут дельце одно провернуть задумали. Вот только скэбы картишки спутать хотят. — Парень ткнул кулаком в сторону группки людей, прячущихся за спины полицейских. — Ну да ничего. Будьте покойны, коли сунутся — крышка им будет. С какой стороны ни возьми, всюду им завоздка.

— Судостроители? Бастуете? — спросил Генри. — Судя по табличкам, требуете повышения зарплаток на четыре процента.

— Ваша взяла, приятель, — отвечал парень. — Где уж скэбам тягаться с нами! Мы все чин чином. Сами вольнку не затеем, но уж коли сунутся... Сто чертей мне в глотку, если все обойдется без носилок. Да куда им — соваться! Скэбы и песню-то про скэба Джонса слушать при сухих штанах отказываются. А уж как дойдет до пульки без козырей...

Парень не договорил. Его кто-то окликнул, по-видимому, руководитель «отдыхающих» на дороге судостроителей, и он, приветственно махнув рукой Генри и Эду, побежал выполнять поручение.

«Понтиак» осторожно пробрался между бастующими, миновал несколько улиц, промчался стрелой по гигантскому мосту, перекинувшемуся через сверкающий в лучах солнца залив, и въехал в красавец Сан-Кристофер, уютно устроившийся на холмах, возле Великого океана.

— Молодцы судостроители! — размышлял вслух Эд, ловко проскальзывая между рядами автомобилей. — Само-

стоятельная публика. Не хотел бы я быть сейчас на месте скэбов.

— Поменьше философствуй,— посоветовал Спарроу.— Давай-ка лучше разыскивать отель «Гопкинс». О'Хара нас небось заждался. Трудно ему одному, хлопотно.

— А может, прямо на строительную площадку махнем? Не терпится посмотреть.

— Нет уж, сделаем как договорились. А то будем плутать, перекачиваясь с горки на горку.

— Есть, сэр, не плутать!— весело ответил Кларк.

...Лифт поднял друзей на шестой этаж. Генри подошел к двери с табличкой «№ 12-а», постучал.

— Войдите,— послышался голос О'Хары. Генри и Эд притаились.— Да входите же!— повторил жизнерадостный старик.— Эй, кто там?

Послышались шаги. Дверь распахнулась.

— Ага!— просиял доктор.— Пожаловал наконец эксплуататор-неудачник. Молодчина! А это ваш искуситель мистер Кларк? Не так ли, я не ошибаюсь? Очень, очень рад. Заходите. Я вам тоже приготовил небольшой сюрприз. Ну же, шагайте смелее. У нас тут собралась такая компания!..

Друзья вошли в гостиную, и Генри ахнул.

Нет, ему не показалось. Вокруг стола, заваленного чертежами, планами, листками, густо испещренными записями, стояли, улыбаясь, Кэт и трое его приятелей с Сороковой мили — лысый здоровячок Нил Астор, Тед-говорун и Джесси-молчальник.

— Вы... ты... Ничего не понимаю!— пробормотал Генри, глупо озираясь по сторонам.

— Добрый день, старушка Кэт,— радостно приветствовал Кларк.— Добрый день, джентльмены. Ради всех святых, не пугайте Генри Спарроу. Еще минута — и у него ум за разум зайдет. Объясните, отчего это бывший миллионер перепугался собственной жены?

Кэт подошла к мужу:

— Сознавайся, коварный человек, в своих кознях. Впрочем, грош им цена. Все равно мы тебя обвели вокруг пальца. Ты отправил меня с детьми в Алм-Бич. И хорошо сделал. Я заехала на Сороковую милу, прихватила с собой мужчин. Джентльмену по имени Нил Астор идея насчет больницы особенно по душе, так как покойный кровопийца Спарроу с целой шайкой ему подобных бандитов

уволил с работы бедного мистера Астора. Остальные проявили солидарность. И вот мы здесь.

— Ура!..— восторженно завопил Кларк.— Умница, старушка Кэт. Уважила, вот уж действительно уважила дядю Эда.

— Здорово!— вырвалось у Генри.— А я-то дурак!..

Тут началась такая свалка, что стол с чертежами и бумагами перевернулся, а настольная лампа мигом превратилась в кучу битого стекла. Тед и Джесси плясали индейский танец, Нил и Генри хлопали друг друга по плечам, Эд кружил Кэтрин по комнате, и даже старик О'Хара, позабыв о своей почтенной алюминиевой седине, повизгивал от избытка чувств и выкидывал удивительные коленца, почище профессионального чечеточника и короля рок-н-ролла Элвина Пресли.

Наконец приступ буйного ликования утих. О'Хара, тяжело дыша, поставил стол на ножки, Тед и Джесси бросились собирать с пола бумаги и чертежи. Кэт завернула в газету осколки настольной лампы. Все сгрудились вокруг стола, и О'Хара, отирая платком лоб, торжественно произнес:

— Леди и джентльмены! Первое заседание энтузиастов, строителей общедоступной больницы «Санитас» объявляю открытым.

ПРОЗРЕНИЕ

НАТИСК РОДСТВЕННЫХ ЧУВСТВ

Лет этак тридцать тому назад Рокуэлл Карнера был красивым парнем. Да и сейчас, когда ему шагнуло за шестьдесят, он выглядел моложе своих лет. И все же годы неудержимо летели в вечность, и вот Роки (так называли его приятели) превратился в совершенно лысого и румяного старика с большими ласковыми глазами.

Мистер Карнера не имел оснований считать себя неудачником — он успешно штурмовал крепость, именуемую бизнесом: падали убитые, молили о пощаде раненые... А ему везло, он шел вперед, поднимался все выше и выше, не протягивая никому руку помощи, ибо хорошо усвоил закон каменных джунглей.

И теперь он в расцвете сил, богат даже с точки зрения хэппилендских воротил, вершитель судеб тысяч людей.

Поджарый, бодрый старик, удобно развалившись в глубоком кожаном кресле, покуривал ситару и перелистывал подшивку газет двадцатилетней давности в ожидании дочери, зятя и внуков, с которыми ему предстояло тихо, семейному провести конец недели.

Роки Карнера финансировал добрую дюжину газет, а потому великолепно знал им цену. Однако сегодня он перевертывал пожелтевшие листы с некоторым волнением — искал отчет о судебном процессе, состоявшемся в тысяча девятьсот тридцать седьмом году.

«Что бы ни говорили о газетах, как бы их ни ругали, они все-таки зеркало эпохи. Пусть искаженное зеркало, как в «комнате смеха», но все же зеркало, — размышлял старик. — Как странно! Газета живет один-единственный

день и умирает, чтобы воскреснуть через двадцать лет. Сейчас эти старушки особенно привлекательны. Сколько забытых сообщений, политических событий, скандалов и сенсаций содержат эти дряхлые листки. Просматривая их, ты словно листаешь страницы своей прошлой жизни... Вот... «Изумительный перелет русских пилотов через Северный полюс»... «Гитлеровские добровольцы в Испании». Так... «Фильмами «Огни большого города» и «Новые времена» Чаплин компрометирует цивилизирующую роль капитала и технического прогресса!..» Однако где же судебный отчет?.. Ага, вот...»

Со страницы на старика смотрел светловолосый юноша лет семнадцати-восемнадцати в полосатой тюремной одежде. Заголовки радостно вопили: «Справедливость восторжествовала!» «Не умеешь грабить и убивать — не берись!», «За кустарщину — 15 лет каторги? Маловато!..»

Роки Карнера отодвинул газеты и вздохнул. Он испытывал странное чувство: кажется, это было легкое угрызение совести.

«Старею, наверное», — с неудовольствием подумал Карнера и, собравшись с мыслями, попытался восстановить в памяти все, что произошло в тот злополучный вечер.

Это случилось двадцать лет назад, осенью. Мистер Карнера ехал в загородную виллу — он спешил на деловую встречу. Карнера управлял автомобилем сам. Солнце, огромное, кроваво-золотое, валилось за холмы. Роки Карнера улыбнулся угасающему светилу — в юности ему часто снился странный сон: солнце в виде огромной золотой монеты падает за горизонт, а он, Роки, расталкивая конкурентов, круша им ребра и челюсти, бежит к месту падения.

О! Это был вещий, вещий сон. Роки пришлось поработать не только локтями и кулаками. Зато к двадцати пяти годам он уже был преуспевающим бизнесменом.

Двадцать пять лет! Чудесная пора. Роки вспомнил все: славные пистолетные стычки с молодчиками Альпоне, его конкурента; успешную махинацию с акциями серебряных рудников; первые деловые отношения с шефом полиции города Чечако... Затем увеселительная поездка в Нью-Бардок, знакомство с маленькой тихой Джудит... Полгода она была его стенографисткой. Бедная девочка!

Он здорово любил ее. А потом женился. Не на Джудит, разумеется. Бизнес есть бизнес.

...Мотор «кадиллака» вдруг зачихал и притих. Роки вышел из машины, беспомощно посмотрел по сторонам.

Ни души. Бывает же такое.

И когда мистер Карнера совсем отчаялся, на повороте дороги показался человек. Увидев машину, человек ускорила шаги.

— Сломался мотор?— с плохо скрываемою радостью спросил незнакомец.— Разрешите починить?— И, не дожидаясь ответа, открыл капот машины.

Прошло минут десять. Дорога по-прежнему была пустынной. Стемнело. Вспыхнули придорожные плафоны.

«Сколько же еще будет копаться в моторе этот бродяга!»— поморщился мистер Карнера, раскуривая сигару.

— Готово, можете ехать дальше, сэр,— объявил наконец бродяга, вытирая пальцы о брюки.

Роки Карнера пошарил в карманах. Какая досада — нет мелочи. Недатержеспособный миллионер!

Мистер Карнера растерянно посмотрел на незнакомца. Взгляды их встретились, и у миллионера перехватило дыхание: на него смотрела... Джудит! Те же светлые, чуточку наивные глаза, тот же мягкий овал лица... Лоб, нос — все ее! Роки казалось, что он смотрит в волшебное зеркало. Неужели это ее сын!.. Чепуха.

Но другая мысль ехидно подсказывала: «Нет, не чепуха. Ее сыну, как и этому парнишке, восемнадцать лет. Ты перестал ему помогать, как только он окончил школу. И ты потерял его след. А сейчас мальчишка бродяжничает, голодает!»

— Простите,— пробормотал Карнера,— ваша мать... Мне бы хотелось знать...

— У меня нет матери,— нетерпеливо перебил бродяга.— А отца и вовсе не бывало.

— Надеюсь, вы не станете утверждать, будто бы вас нашли в капусте.

Юноша ответил сердито:

— А что вам до этого, сэр? Если б меня и нашли в огороде, на капустных грядках,— не велика была бы радость. Такую находку, конечно, не сравнить с бумажником, и ее тут же доставили бы в полицию... Заплатите за починку мотора, сэр!— довольно нелогично закончил бродяга.

Миллионер продолжал бормотать:

— Я... я... не располагаю мелочью... Но, ради бога, скажите, как вас зовут?

Юный бродяга с озадаченным видом почесал затылок.

— А вам-то что, сэр? Главное, я починил мотор. А как меня зовут... Ну Генри Спарроу. Вас это устраивает? Или вы предпочли бы, чтобы вам починил машину Генри Форд?

Роки Карнера почувствовал головокружение.

— Я... я дам вам тысячу холлеров!.. Нет — десять тысяч...

— У меня нет сдачи, — горько улыбнулся молодой человек.

Лепеча «Не надо сдачи, не надо!», Роки достал бумажник вздрагивающими от волнения руками, захрустел банкнотами.

Неожиданно притухли дорожные фонари. Стало темно и как-то особенно тихо.

Карнера вскинул голову — бродяга, как ему показалось, смотрел на бумажник пьяными глазами. Миллионеру стало страшно. Какую дикую глупость он допустил! В бумажнике много, очень много денег, чековая книжка, а кругом — ни души!

Искоса взглянув на бродягу, Роки увидел, нет — инстинктивно почувствовал, что тот, как пантера, готовится к прыжку. Мистеру Карнере недавно исполнилось сорок два года, он явно утрачивал спортивную форму. Но страх прибавил ему ловкости. Карнера рванулся к машине. Двенадцать лет назад с ним уже однажды приключилась подобная история, но тогда преследовал Карнера.

Предчувствие не обмануло миллионера. Бродяга бросился за ним и, ухватив за полу макинтоша, зарычал:

— Куда!.. Назад!.. Деньги! Деньги за...

Карнера выхватил револьвер, нажал на спуск. Осечка! Бродяга вцепился в револьвер...

Бродяга был молод, крепок, росл, но, видимо, ослабел от недоедания. Роки спасал свою собственность, и это удесятерило его силы. Бродяга что-то кричал, но миллионер, ничего не слыша, кроме сумасшедшего биения сердца, с бешенством вцепился в грабителя. Теперь ему было все равно, кто этот тип — бродяга, сын... К черту!..

Молодость, пусть даже голодная, имеет ряд преимуществ. Бродяга наконец завладел револьвером, тяжело дыша, он отбросил от себя Карнеру. Губы его беззвучно ше-

велились. Миллионер лежал на дороге. Его душила бес-
сильная злоба. Откуда-то издалека доносились смятые
слова: «За-апла-тите за п-починку...»

И в этот момент из-за поворота выскользнула низкая
стелющаяся к земле машина. Бродяга бросился в придо-
рожный кустарник.

Из автомашины выскочили трое. Карнера узнал прия-
теля, пайщика Челлини, и двоих своих служащих Стронга
и Бредли, которым, по всеми видать, сейчас предстояла ра-
бота по специальности.

— Ба! — воскликнул Челлини. — Да ведь это старина
Роки! Нет, не говори, что это сюрприз. Мы заждались те-
бя. На деловые свидания ты обычно не опаздываешь. За-
подозрили неладное и решили прокатиться навстречу. Кто
это тебя так разделал? Надеюсь, не держатели акций?

— Грабитель, — чуть слышно вымолвил Карнера.

— Вот это штука! У нас объявились новые конкурен-
ты! — не то шутя, не то с угрозой проговорил Челлини.

В кустарнике зашевелились.

Стронг скинул пистолет. Щелкнул выстрел — из ку-
стов донесся стон.

— Молодчина, Стронг! — похвалил Челлини. — А ну,
ребята, волоките-ка его сюда.

* * *

Как ни сердился на себя Роки, но Генри Спарроу не
выходил у него из головы. Роки уже понял, что испугался
тогда зря. Юноша не собирался его грабить. Карнера на
всю жизнь запомнил, как он валялся на дороге, набитый,
словно гусь яблоками, банкнотами, а юноша — его сын! —
стоял с прыгающим в руке револьвером и шептал:

— За-апла-тите... за п-починку...

Через два дня мистер Карнера не выдержал, позвонил
судье, своему приятелю. Тот ответил:

— Роки! Мне на этого парня наплевать. Я бы его осво-
бодил в два счета, чтобы доставить тебе удовольствие, раз
уж нашла на тебя такая блажь. Но, увы, это невозможно.
Спарроу надо, понимаешь, необходимо судить. На этом
все настаивают, в особенности Челлини. Этого молокососа
поймали с полчиным: он изорвал на тебе макинтош, ко-
стюм, стрелял в тебя. Экспертиза установила, что револь-
вер дал осечку. Тебе здорово повезло, старина...

А немного погодя позвонил Челлини:

— Хэлло, Роки! С чего это ты решил строить из себя институтку? Этого мальчишку ты зарезу надо судить. Раня у него пустяковая, а натворил он целую кучу преступлений. Надеюсь, ты меня понимаешь? Или ты, может быть, хочешь чтобы мы с ним поменялись местами? Если будешь настаивать, то уж заодно советую взять его себе в пайщики. Что касается меня, то я и не задумываюсь — забрать ли свои денежки — семьсот тысяч с мелочью. Выбирай!..

Челлини был явно взвинчен и к тому же навеселе.

«Я действительно становлюсь институткой, — подумал Карнера, вешая трубку. — Как можно так волноваться из-за какого-то бродяги. Мало ли бывает в жизни. И я его все же помог вырастить. Но ведь этот юноша мой... Нет!.. Невозможно... Я не могу допустить...»

Роки Карнера снова схватился за телефон.

— Хэлло! Челлини? Да, я... Вот что! Можешь взять этого мальчишку себе. Я не возражаю.

* * *

...Старик отмахнулся от нахлынувших мыслей. «Раскис, как дамочка, — убеждал он себя. — Ты же потом вытащил его из тюрьмы, обеспечил работой. Он тебе век должен быть благодарен. Мало ли раскидано по свету...»

Но облегчения не наступало.

«Старею», — будто оправдываясь перед самим собой, думал миллионер.

Распахнулась дверь. В кабинет с шумом и визгом вбежали внуки Карнеры.

— А! — обрадовался старик. — Приехали. Отлично. Через полчаса мы отправимся кататься на яхте и завтра на заре затеем рыбную ловлю. А сейчас садитесь поближе, я расскажу вам веселую, страшную и поучительную сказку про трех свинок и злого волка.

* * *

Если бы не воспоминания о юном бродяге, Роки Карнера мог считать себя счастливейшим из бизнесменов. Но воспоминания не давали старику покоя. Этот Генри Спарроу словно задался целью без конца напоминать ему о своем существовании. То Генри прогремел на всю страну

во время войны, то отличился в Большом квизе. А эти истории с авиационной катастрофой и отзывом на книгу Кеннингхэма, принесшие Генри кучу золота! Нарочно он, что ли, берedit отцовскую душу?.. Удивительный человек. Жаль только, что он связался с этим дураком О'Харой.

Роки Карнера свято хранил тайну, не вмешивался в дела своего незаконного сына. Но сейчас необходимо вмешаться, ради его же блага.

«Прошлый раз я опоздал с деловым предложением,— продолжал размышлять старик.— Хитрый лис Куж перехватил мальчика и его деньги. Нынче возникла новая ситуация. Я не имею права ставить под удар сына и его состояние. Не сегодня-завтра его проглотят с потрохами. От больницы «Санитас» на милю несет красной пропагандой, и это, разумеется, не нравится деловым людям, обслуживающим медицину, да и всем бизнесменам, в какой бы области они ни делали деньги. Что ж, в понедельник придется заняться моим Генри. Славный парень! Предприимчив, смел...»

* * *

...Ровно в десять часов утра в понедельник к трехэтажной больнице «Санитас», выросшей за каких-нибудь полгода на окраине Сан-Кристофера, подкатил старомодный «роллс-ройс» с прямым радиатором. Из машины степенно вышел не менее старомодный и респектабельный старик в поношенном черном пальто.

— Я бы хотел видеть директора вашей больницы мистера Спарроу,— объяснил он миловидной женщине в белоснежном халате, дежурившей в регистратуре.— О... простите, если не ошибаюсь, вы его супруга? Я видел ваш портрет в газетах. Помните, миссис? В день открытия вашей больницы все газеты поместили фотографии ее создателей.

Кэт улыбнулась:

— Еще бы не помнить, сэр. Лишь «Уоркер мэгезин» нашла в нашей затее смысл. Остальные газеты только для того и опубликовали наши портреты, чтобы предостеречь всех хэпилендцев: «Берегитесь! Это красные агитаторы». Один репортер, Уилсон Ли, кажется, клятвенно уверял, что всякий пациент, попавший в наши лапы, обязательно получит порцию инъекции, которая изменит его образ мы-

слей, заставит проповедовать коммунистическую доктрину! Но, как видите, мы пока не изготовили ни одного коммуниста. Медицинский персонал у нас увлечен своей работой, политикой не занимается. Люди, которые лечатся у нас, боготворят главного врача мистера О'Хару...

— Согласен, согласен с вами, миссис Спарроу,— старик с достоинством поклонился.— Однако... как мне найти вашего супруга.

Кэт нажала кнопку селектора.

— Хэлло, мистер Спарроу,— произнесла она официальным тоном.— Вас хочет видеть один джентльмен.

— Кто именно?— послышался голос Генри.

Кэт вопросительно посмотрела на посетителя.

— Я представляюсь мистеру Спарроу лично,— пояснил старик.

Кэтрин передала мужу просьбу.

— Ну что ж, пусть заходит.

— Пятая дверь налево, сэр, здесь же, на первом этаже,— пояснила Кэт.

— Благодарю вас. Вы так же любезны, как и очаровательны, миссис Спарроу.

Богатство по-разному влияет на его обладателей. Одни, некогда выдержанные, вежливые люди, став миллионерами, превращаются в самодуров и грубиянов, поскольку все их даже самые дикие поступки покорно воспринимаются окружающими, загипнотизированными сиянием золотого ореола. На других золото действует облагораживающе. Вчерашний сквернослов вдруг превращается в элегантного джентльмена, утонченности и манерам которого мог бы позавидовать отпрыск английского старинного аристократического рода, воспитанный в Оксфорде.

Мистер Карнера относился ко второй категории миллионеров и втайне гордился своим умением держаться в обществе. И для этого у него были основания. Как-никак, его дед, простой неотесанный, продавец спагетти в крохотном итальянском городке Ассизи, а отец — владелец дешевой траптории на окраине Нью-Бэрдока, понятия не имели о том, что нельзя есть с ножа и чертыхаться при даме. Да и сам Роки в юности не отличался по части изяшных манер. Но явилось богатство, и оно преобразило своего хозяина. Как это произошло, Карнера не мог бы толком объяснить. Пришлось, конечно, кое-чему подучиться. Но вышло все само собой. Просто он не мог не стать джентль-

меном. Возможно, эта тяга к добропорядочности возникла в его душе стихийно, как реакция на теневые стороны профессии, принесшей Роки первый миллион. Во всяком случае среди гангстеров и рэкетиров Чечако мистер Карнера считался верхом совершенства и изящества. Когда его верный телохранитель и исполнитель ответственных поручений Стронг вдруг задумал сколотить собственную организацию (и его пришлось убрать), не кто иной, как Роки Карнера, показал высший джентльменский класс. Он не накинулся на Стронга с грубой бранью и проклятиями. О нет! Босс вежливо осведомился о здоровье, небрежно бросил что-то о плохо повязанном галстуке Стронга, и пока простофиля наводил порядок в своем туалете, вклеил ему в спину три пули, хотя, как выяснилось впоследствии, и одной из них было за глаза довольно, чтобы обеспечить Стронгу мир и покой.

Роки не стал топтать ногами труп предателя. Нет! Добрый католик Карнера перекрестился и произнес молитву, приведшую в восторг всех знатоков меткого словца.

— О святая Мария! — с чувством воскликнул босс. — Прости рабу твоему Стронгу его прегрешения. Ведь он раскаялся, хотя и чуточку поздно. Смотри: сердце его обливается кровью от горя. Прости его, о святая дева!

Разумеется, Роки Карнера недаром приглашал учителей. Аристократизм его не вызывал сомнений. И сейчас старик шел на свидание, сохраняя внешний лоск и невозмутимость, хотя сердце его ёкало. Что ни говори, предстоит встреча с сыном.

Завидев чопорного старика, Генри оцепенел в своем кресле. «Неужели тот самый!.. Ну конечно, он. Только облысел и усох, а вообще-то почти не изменился!.. Что ему от меня надо?» — испуганно подумал Спарроу. У директора больницы «Санитас» не было недостатка в причинах пугаться старика с ласковыми глазами. Генри вспомнил нелепый случай, когда стараниями Карнеры его упекли в тюрьму, всплыли в памяти рассказы отца Джейн — покойного Твитчелла — о том, как разделался с ним Карнера, и вообще о большеголовом старике Генри был достаточно наслышан.

— П-прошу вас... садитесь, — выдавил из себя Спарроу. — Не желаете ли сигару? Или выпить?.. Мы... с вами, кажется, знакомы. Не так ли?

Старик с видимым удовольствием посмотрел на Генри.

— Очень рад, мистер Спарроу, что вы меня тотчас узнали. Благодарю, я почти не пью и не курю. Возраст. Увы! А вы выглядите молодцом.

— Благодарю, сэр. Какой счастливый случай привел вас сюда? Надеюсь, вы здоровы, сэр?

— О да,— старик вежливо показал золотые зубы.— К врачам я стараюсь обращаться как можно реже. А если у меня и случаются приступы недомогания, то причину их, как правило, следует искать на фондовой бирже, когда там происходит падение акций... Ха-ха...

Генри с готовностью рассмеялся шутке. Рокуэлл Карнера вновь показал золотые зубы и заговорил на этот раз серьезно:

— Дорогой мой Генри, извините за фамильярность, но ведь вы годитесь мне в сыновья, и я питаю к вам, поверьте мне, отцовские чувства.

«Этого мне не хватало!»— подумал Спарроу, кивая головой в знак согласия.

— Разумеется, мистер Карнера, называйте меня просто Генри, если вам так нравится.

— Спасибо, Генри,— растроганно сказал старик.— И поверьте, вы не раскаетесь в том, что разрешили мне обращаться к вам, как к сыну. Хотите доказательств? Извольте. Дорогой Генри, я пришел сюда, чтобы спасти вас от позора и гибели.

— Гибели?!

— Именно, от гибели. Много лет наблюдаю я за вашей карьерой. До прошлого года вы меня радовали. Ваши успехи на деловом поприще блистательны. Но — боже мой! — зачем вы связались с этой больницей? Газеты шельмуют вас и ваших друзей, называют агентами московского Кремля, призывают истинных патриотов бойкотировать «Санитас». Мистер Кларк, ваш друг и заместитель, очень достойный, но вспыльчивый джентльмен, угодил на месяц в тюрьму за нанесение побоев некоему Уилсону Ли...

Генри попытался возразить:

— Однако, мистер Карнера, несмотря на травлю, наша больница переполнена. А что касается инцидента с журналистом... Разве мог Кларк отказаться от удовольствия отдубасить клеветника? Как бы вы сами поступили на его месте?

— Я попросту пристрелил бы негодяя. Но ведь это я — Рокуэлл Карнера. Я стою сто сорок миллионов. Меня

знают на бирже, я возглавляю компанию «Интерарм», поставляющую оружие в самые отдаленные уголки земного шара. Наконец, в моих руках могущественная организация, состоящая из достойнейших джентльменов... Ну, вы понимаете, о чем я говорю. И тем не менее я бы не рискнула бросить вызов всему деловому миру. Рабочие ненавидят штрейкбрехеров, скэбов, как они их называют. Скэбов третируют, оскорбляют, даже избивают. И рабочие по-своему правы. А вы, Генри, простите за резкость, — скэб, подрывающий основы бизнеса. Это же противоестественное дело — ваша полубесплатная больница. Вас задушат, съедят. Руководители медицинских учреждений всей страны готовы вам нокаут. Да и только ли медицинские боссы! Вы компрометируете всю систему свободного предпринимательства в целом. Вольно или невольно ваша больница превратилась в опорный пункт красных пропагандистов. Пациенты, побывав в «Санитасе», не могут не задуматься над таким простым вопросом: «Стоит ли поддерживать систему, при которой даже недуги человеческие внесены в прейскурант цен? Уж если при Советах даже лечат бесплатно...»

Рокуэлл Карнера сделал паузу, внимательно посмотрел в глаза Генри.

— Вы меня поняли? Нынче вы открыли больницу наподобие тех, что существуют в России. Завтра кому-нибудь придет на ум организовать бесплатный курорт... Не могу сейчас сказать, почему именно я питаю к вам добрые чувства. Могу лишь сослаться на факты. Как вам, быть может известно, я живу в Чечако. Тем не менее я не побоялся встать сегодня в пять часов утра, перелететь всю страну с востока на запад, и сейчас я уговариваю вас, упрямца: будьте благоразумны, Генри, не делайте глупостей!

Спарроу, пораженный, растерянный, молча покусывал ногти. Наконец он спросил:

— Что ж вы предлагаете?

— Деловой вопрос. Дорогой Генри, сознаюсь, мысль помочь вам найти правильный путь в жизни возникла у меня в тот момент, как только я узнал о золотом дожде, пролившемся на вашу голову. Но меня опередил мистер Кук, и я отложил нашу встречу до более благоприятных времен. Когда газеты стали трубить о вашем «красном эксперименте», я удержался от соблазна навестить вас и по-

советовать заняться чем-нибудь более выгодным и полезным. В то время никакие разумные доводы не смогли бы вас убедить. Вы были захвачены прекрасной мечтой. Еще бы! Лечить людей, возвращать им здоровье и притом за бесценок, иногда даже бесплатно! О, как это гуманно, благородно!.. Терпеливо выжидал я целый год: за пять месяцев, с тех пор как открылась «Санитас», вы не могли не убедиться в том, что человеколюбивые стремления приносят мало лавров и целые вороха терновых венков.

— Если вы полагаете, что случай с Эдлаем Кларком... Это могло произойти с любым и каждым. Завтра Эд возвращается из заключения— инцидент будет исчерпан,— довольно невнятно произнес Генри.

— Вы так думаете?— Старик в сомнении пожал плечами. Видели вы карикатуру на вашего Кларка? Под ней недвусмысленная подпись: «Методы лечения в красной больнице «Санитас». Но эта карикатура — мелочь по сравнению с заявлением доктора Елиннека и видного психиатра Гоббса, опубликованным сегодня в утренних газетах. Оба ученых — Елиннек, основываясь на личном знакомстве, а Гоббс — на фактах, описанных в газетах — заверяют, что вы, О'Хара и Кларк страдаете тяжелой формой шизофрении.

— Мерзавцы!— сорвалось у Генри.

— Согласен. Мерзавцы. К сожалению, вам придется долго доказывать это. И вряд ли ваши усилия увенчаются успехом. Тем более, что О'Хара и впрямь, сдается мне, не в своем уме. Ну зачем, спрашивается, он учинил скандал в редакции журнала «Форчун энд пиис»?

— О'Хара вспыльчив, он не терпит лжи.

Мистер Карнера тонко улыбнулся:

— Не терпит лжи? Ну какой нормальный человек принимает ложь близко к сердцу. Если бы мы не лгали, как бы тогда люди понимали друг друга? Ложь — это правда наоборот, а правда — это ложь неумелых, несчастных, которой они обманывают себя, пытаясь объяснить свои жизненные беды. Следовательно, правда — та же ложь, и если кто ратует за правду, но не терпит лжи, тот умственно неполноценен. Достаточно относиться ко лжи как к искусству — и вы станете преклоняться перед мастером лжи ничуть не меньше, чем перед виртуозом-скрипачом Иегудой Минухиным, великим джазменом Бени Гудмэном или певцом Тито Гоби.

Ошарашенный Генри развел руками.

— Да-да, мой дорогой Генри. Быть может, вы сочтете меня софистом. Но учтите: моя софистика вызвана жизненной необходимостью. А теперь я, пожалуй, выскажусь по существу.

Старик провел ладонью по лысой блестящей макушке и вдруг спросил:

— Как бы вы отнеслись к человеку, который, хорошо зная, что жена товарища изменяет ему, помалкивает?

— Я?— растерялся Генри.— Ну конечно... в таких случаях скрывать от товарища... это подло.

— О'кей! А теперь представьте, что ваш товарищ, сам того не замечая, лезет в петлю. Как бы вы поступили, Генри?

— О! Я бы помог ему из нее выбраться.

— Так вот... Вам изменяет не жена. Упаси бог! Вам изменяет чувство благоразумия, и вы лезете в петлю. Я должен, я обязан вас спасти. Разумеется, не в моих правилах, спасая других, забывать о себе,— откровенно сознаюсь. Через два-три месяца ваша больница протянет ноги. Прежде чем это произойдет, примите руку помощи. Я прошу — продайте мне вашу «Санитас», а я перепродам людям, которые с радостью купят ее у меня. Ведь эта больница для них похуже гангренного зуба.

— Как?... Что?— задохнулся Генри.— Зачем продать? Да если... А как же О'Хара?

— О'Хара обречен, мой друг. А раз так, вам следует принести его в жертву. Не делайте страшных глаз. Я знаю, он дважды спас вам жизнь. Ну и что с того? О'Хара выполнял служебные обязанности, ему платили деньги. Не надо сентиментов. Если на карту поставлена ваша жизнь, глупо жертвовать ею ради чужой жизни. Вы что ж, готовы погибнуть вместо старого вздорного старика, начиненного сумасшедшими идейками? Глупо, очень глупо. Каждый должен умирать за себя. Это закон природы. Если его нарушить, возникнет такая путаница... Да и как отнесется всевышний ко всей этой кутерьме, когда в день Страшного суда все мертвецы встанут из гробов и начнут докладывать, кто за кого испустил дух?

Роки Карнера интеллигентно улыбнулся.

— Право же, я вас не понимаю,— прошептал Спарроу.

— Сейчас поймете. Если жена моего товарища изменяет ему — мне это безразлично. Не зевай, не будь растя-

пой. Если товарищ лезет в петлю, это другой вопрос. Тут главное разобраться — выгодно ли мне, чтобы он высунул язык? Одного я не могу перенести — вида бездарно растрачиваемых денег. Я бизнесмен, моя душа — это мой капитал. Поняли? Не подумайте, что я хочу сказать, будто моя душа — капитал. Напротив, мой капитал: мои сто сорок миллионов — вот что составляет мою душу, если хотите, мое я. И когда я вижу, что это «я» можно пополнить, я не откладываю дела в долгий ящик. И поэтому я здесь. Мне не составило бы большого труда причинить вам серьезные неудобства. Но я, по ряду причин, питаю к вам слабость. О взбалмошном докторе больше ни слова. Давайте лучше обсудим условия сделки. Вам эта юдоль бесплатных страданий обошлась без малого в пять миллионов. Я покупаю ее за эту сумму, перепродаю за шесть, а то и за все восемь миллионов. Разницу делим пополам, и вы вкладываете свой капитал в мои предприятия. Договорились?

— А как же... Как быть с доктором О'Харой?

— О нем я побеспокоюсь. Мне давно уже претят радикальные меры. Последний раз я прибежал к ним десять лет назад. Был у меня помощник Стронг... Помните? Вы познакомились при чрезвычайно странных обстоятельствах. С некоторых пор я стараюсь избегать доводов, которые порой бывают буквально убийственными.

Спарроу сидел раздавленный, смятый. Что задумал этот гангстер? Зачем он здесь? Надо дать отповедь грабителю. Нечего его бояться. О'Хара, Эд, он — Генри, наконец Нил, Тед и Джесси — весь персонал больницы сможет постоять за себя. Посмотрим — кто кого!

— Мистер Карнера, — начал Генри, — то, что вы осмелились мне предложить, — безнравственно. Крайне сожалею, что вам пришлось проделать воздушное путешествие из Чечако, но... сделка не состоится! — последние слова он чуть ли не выкрикнул.

Старик с любопытством поглядывал на собеседника. Дав ему высказаться, Роки промолвил с сожалением:

— Какой же вы еще мальчик, Генри.

— Не смейте называть меня Генри! — по-петушину тряхнул головой Спарроу. — Слышите? Не смейте!

— Смеею, — тихо произнес старик. Лицо его помрачнело, в глазах замерцали волчьих огоньки. С нескрываемым

презрением он бросил фразу, от которой у Генри волосы зашевелились на голове:— Не думал, что мой сын окажется круглым идиотом.

— А?.. Как!!— Спарроу показалось, что он ослышался.

— Придется, видимо, раскрыть карты. Да, я — Рокуэлл Карнера — твой отец. Что, нравится тебе такой поворот в водевиле? Кто, по-твоему, нанял адвоката и вытащил тебя из тюрьмы? Сказочный волшебник? Нет, это сделал я. Кто кормил тебя до семнадцати лет? Я! Кто сейчас уговаривает тебя не лезть в петлю? Я, Роки Карнера.

— Вы... лжете,— еле выговорил потрясенный Генри.— Все это ложь... Ложь, ложь!

— Я тебе объяснил, сынок,— перебил старик.— Ложь — это скрытая правда. Но вот тебе доказательства, я прихватил их.— Карнера положил на стол несколько писем и фотокарточку. Генри потянулся к ним нерешительно, внутренне содрогаясь, словно боялся обжечься. В голове его творилось бог знает что, глаза застелил гудящий туман. Он ничего не видел и не слышал. Понадобилось огромное усилие воли, чтобы наконец сбросить с себя оцепенение... Постепенно он стал различать строчки, буквы... От писем пахло старостью и сигарами. Они, видно, хранились по соседству с сигарным ящиком... Да, его мать писала «дорогому, любимому Роки»... вот ее подпись, а вот еще и еще. Она писала, что у нее скоро будет ребенок. А вот и фотография: молодой Карнера и изящная блондинка...

Генри вяло провел рукой по влажному лбу. Сколько лет он страдал, тщетно пытаясь разгадать — кто же его отец? Сколько ночей тихо плакал, мечтая об отце, когда был мальчишкой! А теперь? Худшего удара Генри не ожидал. Его отец — вор, убийца, пожиратель! Ему ничего не стоило упечь сына в тюрьму, поскольку это было ему выгодно. А жалкие крохи, которые эта говорящая машина посылал на воспитание... Карнера тратит на сигары куда больше! Да... Но зачем он вытащил незаконного сына из тюрьмы?.. Неужели Карнера не лишен человеческих чувств?

Тяжело поднявшись, Генри поплелся к шкафчику, налил полный стакан виски и, не разбавляя содовой, хватил единым духом.

Это прибавило Спарроу мужества. Развалившись на диване, Генри закинул ноги на его покатую спинку, сказал задумчиво:

— Если все это правда, мне остается лишь сожалеть, что у моей матери был такой дурной вкус.

Роки Карнера вскочил, лицо его покрылось гневными морщинками, глаза стали стеклянными.

— Не смей так говорить о матери, щенок! — старик за- был о своем джентльменстве. Страшное нутро его так и лезло наружу. Но он все же взял себя в руки и продолжал более спокойно: — Я очень, очень любил твою мать. Это чувство — единственное, о чем я буду вспоминать и на смертном одре. Это чувство — твой щит, иначе я давно бы разогнал вашу медицинскую лавочку. Слышишь?

— Еще бы не слышать, — продолжал куражиться Генри. — Так вы, мой дорогой папочка, утверждаете, что испытали любовь? А вам это не показалось? Вы не ошибаетесь? Видите ли, когда мужчина и женщина пламенно любят друг друга, они имеют обыкновение вступать в брак. Однако, насколько мне известно, вы женились на другой женщине, а ту, которую боготворили... Не так ли? Вы ведь боготворили Джудит Спарроу?.. И все-таки вы ее бросили, и если хотите знать, не только бросили, а и уби- ли. По вашей милости мать должна была рожать тайно, пользоваться услугами шарлатанов и коновалов. Моя мать умерла от родовой горячки!.. Ага! Наконец-то вас проня- ло, папочка...

Роки Карнера прикрыл глаза.

— Дай-ка и мне выпить, — пробормотал после долгого молчания старик. А подкрепившись, объявил:

— И все-то ты лжешь. Откуда тебе знать, отчего умер- ла твоя мать?

— Теперь настал ваш черед сомневаться. Откуда мне знать? Да мне все уши прожужжали об этом старые девы, воспитывавшие меня в приюте. А они все сплетни знали. Удивляюсь, как они не вывели ничего о вас, дорогой ро- дитель. Это и заставляет меня сомневаться в правдивости ваших признаний.

Старик, оскалив золотые зубы, потянулся к воротнику сорочки, рванул галстук.

— Вам плохо? — с усмешкой поинтересовался Генри, поднимаясь с дивана. — На бирже вновь падают акции? Сейчас я вам дам воды.

— Не надо воды,— Карнера отвел рукой стакан.— Уже все... Все прошло. Славный ты парень, Генри, только дурак. Твой удел — рассказывать детишкам сусальную сказочку про девочку Мэри и ее овечку.

Старик поднялся, не спеша прошелся по кабинету.

— А сейчас, Генри, послушай другую сказку. В ней нет розовых ленточек на шейках овец, нет нежно-голубого безоблачного неба и прочей чепухи. Эта сказка-быль. Мой отец держал крохотную харчевню, а я держу в руках судьбы тысяч, может быть, даже сотен тысяч людей. Я их повелитель, я их монарх. Не улыбайся. Ну скажи мне, что может поделаться со мной... допустим, твой Кларк, храбрец, сорвиголова? Представь себе, что он решил заняться разоблачениями, которые мне не по вкусу. Твой Кларк не успеет рта раскрыть, как его найдут где-нибудь в поле, куда он, как установят мои судебно-медицинские эксперты и юристы, удалился, чтобы покончить самоубийством. Затем мои журналисты прольют чернильные слезы, мои священники прочитают над покойным молитвы, моя погребальная контора организует похоронный спектакль, и все это завершится тем, что прах твоего приятеля будет предан земле на моем кладбище, поскольку кладбище святой Иоанны в Сан-Кристофере принадлежит мне! Все мое! Но как я этого добился? Уж конечно, не игрой на пастушеской свирели. Бизнес дает богатство, богатство вручает тебе незримый скипетр власти. О! Это ни с чем не сравнимое наслаждение — властвовать. Но для этого нужны жертвы. Необходимо жертвовать друзьями, чувствами, иногда даже близкими, родными людьми. Золото — вот единственный властелин. Мы, современные монархи, покорные рабы золота. Когда оно требует, мы безропотно приносим ему в жертву подчас самое дорогое, бесценное. Не избежал жертвы и я, Генри! Ни короли прошлого, ни нынешние монархи не смели и не смеют идти на поводу у чувств. Раньше их браки заключались по государственными соображениям, нынче приходится руководствоваться безжалостным законом экономического расчета.

Пойми! Я не мог, не имел права жениться на бедной стенографистке. Тем более, что мне предложили в жены три миллиона. Пойми, три миллиона! Из трех я сделал двенадцать и прибавил их к своим. Я не в силах был поступить иначе. Даю слово, если только оно что-нибудь

значит, я не хотел погубить твою мать. К чему мне это? Я не маньяк, чтобы просто так губить людей. К тому же я любил Джудит, очень любил... Если хочешь знать, я и сейчас ее люблю. Я писал ей, предлагал помощь, звал на загородную виллу, где ее ждали лучшие врачи. Джудит сначала согласилась, но вскоре она узнала о моей помолвке... Смерть ее потрясла меня. А потом... Я разыскал тебя... Нет, я не скряга. Мне ничего не стоило содержать тебя, как наследника престола. Но я боялся. Сколько громадных состояний пустили по свету изнеженные хлюпики. Мне нужен был настоящий преемник — сильный, жизнеспособный, беспощадный. И я решил: если он самостоятельно выкарабкается на поверхность, не утонет — это будет то, что надо. Не удивляйся. Если б ты воспитывался у меня, я бы тебя уже девятилетним мальчишкой заставил заработать первый холлер. Наш век — век сильных и безжалостных. И должен признаться, ты меня радовал. В прошлом году я даже подумывал о том, чтобы официально признать тебя моим сыном. Жаль, что ты выкинул фортель с больницей, очень жаль.

Пораженный Спарроу недоумевающе уставился на старика:

— Не удивляйся, Генри. Перед тобой... перед тобой несчастный человек. Нет у меня наследника. Нет! Зачем же я всю жизнь работал, лез по грудам тел? Чтобы все мое состояние досталось другому, чужому?!

Генри поразился: в уголках стариковских глаз, словно бриллиантики, блестели слезы.

— Да... но,— замялся Спарроу.— У вас есть дочь!

— Дочь! Дочь!— гневно и жалобно воскликнул старик.— Да, у меня есть дочь: единственная наследница. Но ведь — это дочь! Она будет носить чужую фамилию. А где наследник по фамилии Карнера? Где он, я тебя спрашиваю? Ты? О! Ты сыграл со мной страшную шутку. Я раскусил тебя. Ты дурак, мечтатель и слизняк. Тебе нельзя доверить и ломаного сента. Все пустишь по ветру.

— Не надо, не надо мне ваших миллионов,— поспешно замахал руками Генри.

Старик так горько усмехнулся, что Генри даже ощутил к нему легкую жалость.

— Вот-вот, в этих словах весь ты, Генри,— с укоризной сказал Карнера.— Не надо! Не надо... Ах, если бы тебе было надо!

— Ну, допустим! Я проникся вашим духом, вашей психологией. Разве это меняет дело? Ваша дочь — законная наследница...

Щеки старика покрылись багровыми пятнами. Он стремительно прошелся по кабинету.

— О, если бы ты, Генри, был сильным человеком! — В голосе Карнера появились странные, надрывные нотки. — Тогда бы я мог сказать: «Да, я счастлив. Я создал большое дело и нынче передаю его в надежные руки. Отныне я бессмертен, ибо моя душа — мой капитал, капитал Карнеры, и впредь будет мужать, наливаясь силой и властвовать!»

Рокуэлл Карнера вдруг остановился, зашептал:

— Тебе, Генри, только тебе... Жена отомстила мне за Джудит. Кэролайн Карнера — моя дочь... По закону, но не по крови! Теперь-то ты понимаешь?! Я даже не знаю толком, кто ее отец, — какой-то безвестный хлыщ, прославившийся в Монте-Карло состоянием.

Старик попросил виски, выпил, и его словно подменили. Перед Спарроу стоял вежливый, бесстрастный и чопорный джентльмен.

— Однако оставим этот разговор, — сдержанно произнес Карнера. — Я, собственно, приехал по делу, и давайте его постараемся уладить. Что касается нашей общей тайны... С вашей стороны было бы слишком рискованно разглашать ее. Давайте о деле. Я предложил вам продать мне «Санитас». Что вы на это скажете?

— Отказываюсь.

— Жаль. Теперь, когда вы знаете, кем я вам прихожусь... Говоря по совести, я оставил бы вас в покое, будь у меня уверенность в том, что и другие от вас отступятся. Но нет! Вас сожрут. И как только я увижу разинутую пасть, я вновь дам о себе знать. Прошу извинить, но не в моих правилах упускать удобный случай. А когда на моих глазах начнут растаскивать состояние близкого мне человека, следовательно, мое состояние... Нет, это выше моих сил. До свидания, Генри.

Старик, чуть сгорбившись, с достоинством направился к выходу. В дверях он остановился, приветливо, по-отцовски махнул рукой:

— До свидания, Генри. Я не говорю — прощай. До свидания.

ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕНИКОВ

Генри все-таки не удержался — рассказал Кэт, О'Харе, Эду и Нилу о беседе с Рокуэллом Карнерой, о его предложении купить «Санитас» и даже о том, кем приходится ему этот хищник.

Друзья только рты открыли, когда на них обрушилось столько новостей.

— Дела,— наконец протянул Нил и почему-то аппетитно потер руками, как это делают гурманы в предвкушении вкусного обеда. Слушай, Ген, это же ни на что не похоже! Ты что, не мог обзавестись более приличным папашей? Стыдно, братец! Я от тебя такого не ожидал.

— Оставь свои дурацкие шутки,— оборвал Нила О'Хара. За последнее время характер его разительным образом изменился. Куда девался весельчак, грубоватый балагур, пышущий энергией. Газетная травля сделала свое дело — О'Хара стал угрюм, раздражителен. Да и внешне он теперь выглядел неважно: в уголках рта залегли глубокие морщины, взгляд стал беспокойным; даже «ежик», некогда блестящий, как свежестропированный алюминий, потускнел, а на висках седина пожелтела, как у глубоких стариков.

— Генри,— угрюмо сказал О'Хара,— я все-таки советую подумать над предложением этого крокодила с золотыми зубами. Разумеется, мне бы не хотелось болтаться в петле... Но, по-видимому, можно найти компромиссное решение. Я всех вас втянул в эту историю и считаю своим долгом, хоть и поздно, но предостеречь. Нас, пожалуй, слопают. А коль так, мне одному и расхлебывать кашу, которую я заварил.

Генри укоризненно посмотрел на доктора, сказал решительно:

— Черта с два! Мы еще посмотрим — кто кого слопают.

Благодушный Нил пришел в восторг.

— Вот это я понимаю,— вскричал он и тут же подпустил шпильку.— Сразу видно — папенькин сынок. Бульдозья хватка.

На лице О'Хары появилось подобие улыбки. Генри и Нил хохотали. Лишь Кларк на этот раз помалкивал. Он сидел с отсутствующим видом. И вдруг, словно вспомнил нечто важное, вскочил и направился к двери.

— Куда ты? — удивился Генри.

— Забыл дома пистолет, — серьезно пояснил Эд. — Когда акулу, вроде Карнеры, охватывает желание подзакусить, она действует энергично. А у меня дома есть отличная машинка для выбивания зубов. Вы как хотите, можете даже посолить и поперчить себя, чтобы доставить Карнере или еще кому максимум удовольствия от изысканного кушанья, но я лично попытаюсь изрядно испортить едокам аппетит.

Сверх ожидания акулы исчезли. Изредка в газетах появлялись статейки, в которых делались намеки на то, что, мол, в больнице «Санитас» собрались шарлатаны, сомнительные личности. Вот и все. Спарроу и его друзья давно уже свыклись с этими выпадами. Лишь О'Хара всякий раз, прочитав очередной пасквиль, бесился и ругался. Старый доктор изнервничался, иной раз срывал зло на товарищах и то и дело грозился расправиться с клеветниками. Страстное желание «открутить башку парочке бумагомарак, заставить съесть их собственный язык» стало его манией.

Между тем популярность больницы среди простых санкристоферцев росла. Люди приезжали лечиться даже из других городов. В «Санитасе» не хватало мест. А больные все шли и шли.

Наконец утихомирились и газеты. Им, видно, надоело попусту изводить чернила и типографскую краску. В какой-то мере газеты, сами того не желая, создали рекламу крамольной больнице и теперь, спохватившись, решили больше не вспоминать о ней.

Санитасовцы торжествовали победу. Даже О'Хара повеселел.

И вдруг в безоблачном небе сверкнула молния, грянул гром и разразилась буря. По телевидению выступила миссис Томпсон, вдова. Муж ее, клепальщик с судоверфи, умер месяц назад в «Санитасе» от рака желудка. О'Хара оперировал Томпсона, однако спасти умирающего не смогло бы даже чудо — все внутренности его были поражены метастазами. Больной слишком долго не обращался к врачам, а когда стало невмоготу, лег в какую-то больницу, ухлопал там все свои сбережения, после чего Томпсона выписали, так как он не имел возможности оплатить дорого-

стоящую операцию. Миссис Томпсон чуть ли не на коленях умоляла О'Хару принять в «Санитас» ее мужа.

И добрый доктор сдался, хотя больница была переполнена. Он сделал все, что только было в его силах, и даже сверх того. Тщетно!

Миссис Томпсон, еще довольно молодая женщина, не могла не знать, сколько труда вложил главный врач, борясь за жизнь ее мужа. И тем не менее, выступая по телевидению, она назвала О'Хару коновалом и душегубом, проклинала «Санитас» и под конец сообщила телезрителям о своем намерении обратиться к прокурору, чтобы он привлек к уголовной ответственности О'Хару, зарезавшего ее мужа, кормильца, отца троих детей.

О'Хара в бешенстве запустил в экран телевизора пресс-папье и, как был в белом халате и докторской шапочке, бросился домой, заперся и не открывал никому, даже Генри.

Спарроу телеграфировал жене О'Хары, которая уехала в Алм-Бич погостить и повозиться с ребятишками супругов Спарроу — своих детей она уже вырастила, и они упорхнули из родительского гнезда. Спарроу просил миссис О'Хара вылететь в Сан-Кристофер, что она и не замедлила сделать.

Старый доктор, узнав голос жены, открыл дверь. Генри с товарищами вошел следом за миссис О'Хара и ужаснулся. Перед ним стоял обросший щетиной дряхлый старик с блуждающим взглядом.

— Ну что, что вам еще от меня надо?! — заорал он на товарищей. — Может, и вы горите желанием выступить по телевидению, по радио и оплевать меня, смешать меня с грязью?! Убирайтесь все вон!..

Старик долго еще кричал, ругался, но в конце концов обессилел, утих и заплакал.

— Полно, полно, дорогой друг, — утешал его Генри, с ужасом думая о том, что, если старому доктору попадутся на глаза газеты, он, пожалуй, может помешаться. А газеты старались во всю, их словесный огонь походил на артподготовку перед атакой. Они орали, вопили, злорадно визжали, обрушивали на «Санитас» и ее создателей удар за ударом. «Санитас» — гнездо убийц», «Душегуб О'Хара попался с поличным!», «Миссис Томпсон утверждает: О'Хара зарезал ее мужа», «Вопрос следствию: не совершено ли убийство м-ра Томпсона по политическим мотивам».

вам?» Или просто: «Спасайся кто может — О'Хара!», «Незачем судить О'Хару и его сообщников, запереть их в притоне «Санитас» и сжечь живьем!»

Последний призыв был весьма откровенным подстрекательством. Поэтому Джесси-молчальник и Тед-говоруң оставили на время санитарную машину, на которой они попеременно работали шоферами, и превратились в охранников. Руководил охраной больницы Кларк. Меры эти оказались не напрасными. В ночь на двадцатое сентября четверо неизвестных пытались забросить в окна «Санитаса» термитные шашки. Одному из злоумышленников Кларк своротил челюсть, остальные скрылись.

Кларк попытался выяснить личность захваченного поджигателя, однако это оказалось безнадежным делом: документов при задержанном не было, а говорить он не мог, и в этом, несомненно, следовало уж винить Кларка. Полицейский автомобиль увез поджигателя. Увез и исчез, как в воду канул.

Спарроу и Кларк пожаловались начальнику городской полиции.

Напрасный труд! Как с сожалением сообщил им шеф санкристоферских полисменов, злоумышленнику удалось на ходу выскочить из машины и скрыться. Виновные, безусловно, понесут наказание. И все же, добавил с улыбкой шеф, будь он на месте Кларка, вряд ли бы он сожалел о бегстве поджигателя. Насколько шефу известно, мистер Кларк свернул беглецу челюсть чуть ли не на самый затылок. Разумеется, такое обхождение с поджигателем если и не приветствуется, то уж во всяком случае и не карается законом. Но, как ни печально, мистеру Кларку надо доказать, что четверо неизвестных хотели именно сжечь больницу, а не устроить под ее окнами маленький фейерверк. Так что это даже к лучшему, что пострадавший (шеф так и назвал поджигателя — «пострадавший») предпочел скрыться.

Санитасовцы оказались в невидимой западне. Газеты, радио, телевидение — все обрушилось на них. Среди медицинского персонала больницы началось смятение. Половина врачей предпочли покинуть крамольное лечебное заведение. Да и многие больные объявили о своем желании выписаться. Им не улыбалась перспектива сгореть заживо. А некоторые, начитавшись газетных ужасов, и впрямь решились, что попали в руки мошенников и шарлатанов.

Все это произошло в какие-нибудь два дня.

Враги действовали хитро. Можно только догадываться: санитаровцев взяли за горло боссы, орудующие на медицинском рынке, их поддерживают влиятельные лица из министерства здравоохранения, потому что это одна шайка. Но как, как их вывести на чистую воду?

— Мы их одолеем, дорогой док,— твердил Эд.

— Разумеется!— поддакивал Нил.

Старик немного успокоился, попросил кофе, его уговорили побриться.

Как раз в то время, когда О'Хара привел себя в порядок и собрался в больницу, на пороге его квартиры выросла монументальная фигура полисмена.

— Доктор О'Хара?— осведомился представитель власти и объявил без околичностей:— Повестка. Завтра в девять часов утра вам надлежит явиться в суд. Да вы не расстраивайтесь,— посоветовал полисмен, видимо, добрый по натуре малый.— Миссис Томпсон уверяет, будто бы вы ее благоверному выпустили кишки. Докажите, что это не так — и ваше дело в шляпе. Хороший вы человек, док. Это уж я знаю. Вы мою племянницу на ноги поставили. Ее фамилия... ну... язва двенадцатиперстной кишки. Помните? Паола Хью. Богу на вас молится. Вы простите за повестку. Не моя воля...

Полисмен сочувственно вздохнул, взял под козырек и, по-военному сделав кругом, удалился, четко печатая шаг.

Генри и Эд ожидали нового взрыва отчаяния у старика. Но, к их радости и удивлению, О'Хара, пожалуй, даже обрадовался повестке.

— Теперь они у меня на крючке!— воскликнул доктор, и глаза его вновь заблестели.— Перестарались, кретины. На суде я им утру нос. Одно дело — обливаться грязью человека и не давать ему защищаться, другое, когда в суде... Ох и задам я им баню! Послушайте, мальчики, кажется, не все еще потеряно. Суд есть суд. Он установит истину. По этому случаю и стаканчик-другой полезно опрокинуть. Ну? Кто — за?

* * *

Суд состоялся через десять дней. О'Хара сдержал слово. Обвинение с позором провалилось. Как ни ловчили судебно-медицинские эксперты и некий специалист-онколог,

обладающий старомодной бородой веером и ультрасовременными взглядами на жизнь, О'Хара, к которому неожиданно вернулась вся его энергия, так прижал их к стенке, что «специалисты» только кряхтели. Напрасно миссис Томпсон трагически заламывала руки и, указывая на О'Хару, твердила, словно заклинание: «Вот он — убийца, душегуб!» Присяжные отвергли обвинение.

Да и могло ли быть иначе? О'Хара доказал, что покойный мистер Томпсон поступил к нему в больницу в таком состоянии, что ни о каком спасении его жизни не могло быть и речи.

— Взяли бы вы на себя смелость, сэр, — ехидно спрашивал О'Хара бородатого онколога, — взяли бы вы лично на себя смелость продолжить земное существование, несмотря на то, что из вас вынули бы желудок, пищевод и легкие?.. Вы молчите? Стало быть, раздумываете. Впрочем, я забыл сказать о том, что и с желчным пузырем вам пришлось бы тоже расстаться. Поэтому раздумывать нечего. Неужели вы в таком опустошенном состоянии рискнули бы явиться на этот суд и поддерживать обвинение?

Растерявшийся бородач, под смех присутствующих на суде санкристоферцев, пробормотал что-то насчет воли божьей.

— Нет, коллега, — продолжал атаковать О'Хара. — Даже всевышний не в силах обеспечить вам земное существование без желчного пузыря. Ведь это ваш главный орган. Никакой крупный гонорар, куда более крупный, нежели тот, который вам довелось получить в ближайшие дни...

— Я протестую! Это оскорбление! — взорвался бородач, апеллируя к суду. — Прошу без гнусных намеков.

Главный судья, маленький старик с лисьей мордочкой, постучал для порядка молоточком.

— Ваша честь! — тут же отпарировал О'Хара, обращаясь к главному судье. — Господа присяжные! С каких это пор упоминание о крупном гонораре расценивается нашими медиками как оскорбление?

В зале заплодировали. Главный судья вновь постучал молоточком. Но тут из рядов зрителей поднялся рыжий моряк с обветренным лицом и пророкотал:

— Да чего там, ваша честь, волюнку травить. Пора становиться на якорь. Все ясно. Этот ирландец — док, что надо, а борода ему завидует. Если хотите знать, борода еще лет десять тому назад мне слепую кишку вырезал да

по рассеянности какую-то железку в моем брюхе забыл. Куда ему до ирландца.

Зал задрожал от хохота. За нарушение порядка и неуважение к суду моряка оштрафовали на пятьдесят холлеров и удалили из зала. Однако его реплика сыграла свою роль. Общественное мнение было уже на стороне О'Хары. Присяжные вынуждены были оправдать его.

Зал с одобрением воспринял решение присяжных. Бордатый онколог, судебно-медицинские эксперты, подхватив свои папки и портфели, набитые учеными трудами, как ошпаренные, выскочили из зала.

Лишь миссис Томпсон плакала навзрыд и этим отравляла торжество О'Хары и его сподвижников.

Славную победу отметили на квартире старого доктора. Впрочем, вряд ли его сейчас можно было назвать стариком. О'Хара помолодел на добрых два десятка лет. Он пил и не пьянел, говорил речи и никак не мог выговориться, строил грандиозные планы.

Поздно ночью, когда санитаровцы собрались по домам, раздался прерывистый звонок. Генри открыл дверь и в смятении отступил — он увидел миссис Томпсон.

— Позвольте, — смешался Спарроу, — как вы посме-
ли...

Миссис Томпсон, тяжело передвигая ноги, прошла мимо и остановилась в дверях столовой. Пустым, безжизненным взглядом посмотрела она на санитаровцев и молча упала на колени.

— Встаньте, сейчас же встаньте! — воскликнул О'Хара и затопал ногами. — Слышите? Что вы еще надумали? Хватит с меня и одного суда. Глупая женщина! Встаньте и уходите. Ну?!

Женщина продолжала стоять на коленях. По щекам ее, словно сделанным из бумаги, струились ручьи.

— Убейте меня, доктор, убейте! — проговорила она странным механическим голосом.

О'Хара взорвался:

— Опять?! Взорная бабенка. Убирайтесь вон. Слышите? Вон!

— Доктор, дорогой доктор, — промолвила миссис Томпсон. — Простите меня или убейте. Я хуже Иуды... Меня заставили, заставили оклеветать вас, добрый человек. Я продала свою совесть за тридцать сребреников.

— Тридцать сребреников?

— Да, доктор, за три тысячи холлеров. Но что я могла поделывать, доктор? У меня осталось трое детишек. Домохозяин грозил выбросить на улицу... Пока муж болел, мы так задолжали!.. За квартиру, бакалейщику, молочнику... У меня не было выхода. Если бы не дети, я покончила бы с собой... Доктор, простите ради моих крошек. Как мне стыдно, горько, страшно! Простите ради бога!

В глазах О'Хары засветились ласковые лучики.

— Прошу вас, миссис Томпсон, встаньте. Ну же... Я не сержусь на вас. Не каждый удержится от искушения... когда голод и нужда хватают за глотку. Ничего страшного не случилось. Я задал мерзавцам баню. Смотрите не возвращайте им трех тысяч. Я не спрашиваю вас, кто они, эти сукины сыны. Не спрашиваю, ибо забочусь о вашем же благе. Если говорить начистоту, вы мне даже помогли. Признаться, сперва я страшно растерялся... Я ожидал гадостей от гиен, но от простых честных людей... Теперь я убедился: вы честная женщина, не сомневайтесь в этом, миссис Томпсон. Встаньте. Ну вот и хорошо. Не выпить ли вам рюмочку для подкрепления сил?.. И позвольте дать вам один совет. Если попадете в беду, обращайтесь напрямую к нам. Ну их в пекло — гиен, шакалов! А денег им не возвращайте. Ни в коем случае. С паршивого шакала хоть шерсти клок... Пусть это будет им наукой, — правда всегда найдет дорогу. Всегда!

Жизнь в больнице «Санитас» вновь вошла в свою колею. Газеты, дав коротенькие сообщения об оправдании доктора О'Хары, занялись своими повседневными делами. Сбежавшие врачи вернулись назад. Спарроу, О'Хара и Кларк простили малодушных, и те с удвоенной энергией принялись за работу.

Спарроу получил телеграмму, заставившую его призадуматься. Телеграмма была без подписи, но Генри хорошо знал, кто ее автор. «Поздравляю победой. Готовься новой схватке. Пока сохраняю нейтралитет. Оцени. Случае катастрофы вынужден буду вмешаться. Приветом». Разумеется, это Карнера. У Генри болезненно сжалось сердце. «Отец! — с тоской подумал он. — Какое хорошее и страшное слово. Ей-ей, мне было бы куда приятнее не состоять с Карнерой в родственных отношениях. Да... Но тогда он бы слопал нас в два счета».

Чтобы не расстраивать Кэт и друзей, Генри сжег телеграмму.

...Посетители в этот день оказались на редкость представительными джентльменами. Первым явился поздравить санитасовцев с успешно выигранным боем изящный и выложенный доктор Клири, представитель «Хэппилендской медицинской ассоциации». Этот молодежавый шатен с красиво поседевшими висками совсем недавно прославился тем, что снимался в кинобоевике «За железным занавесом». Фильм этот рассказывал об ужасах коммунистической тирании, и доктор Клири сыграл в нем небольшую, но «стреляющую» роль — на глазах зрителей он производил ампутацию ног русскому, который пытался вырваться в «свободный мир», был схвачен чекистами и наказан самым варварским способом. Эпизод с отрезанием ног без наркоза, как отмечала критика, явился поистине украшением фильма. Не случайно зрители, особенно женщины и дети, дюжинами падали в обморок, глядя на зверскую операцию. Леденящий душу скрип ножовки, ужасные вопли жертвы, злорадные ухмылки пьяных чекистов, которые во время кошмарной экзекуции хлестали водку гранеными стаканами и из закуски не признавали ничего, кроме тех же самых стаканов, отгрызая у них зубами края, — все это вселяло в зрителей ужас.

Репортеры сообщили, что для съемок понадобилось девять больных, которым предстояла ампутация ног — ведь каждый эпизод приходилось переснимать много раз. Кинокомпания не поскупилась на затраты. За согласие оперироваться во время съемок больные получили по восемь тысяч холлеров. Те же из них, кто взял на себя и актерские обязанности (душераздирающие вопли и т. д.) сверх того заработали по десять тысяч. Доктору Клири кинокомпания вручила чек на сто тысяч!

Но зато эпизод получился что надо. Массовые обмороки и истерики в зрительных залах, одиннадцать смертных исходов в результате паралича сердца, инфаркта миокарда достойно венчали актерские лавры доктора Клири.

Разумеется, визит знаменитости в «Санитас» следовало расценивать как знак внимания со стороны «Хэппилендской медицинской ассоциации». Спарроу понял это, пригласил О'Хару и Кларка в кабинет, а пока, в ожидании, угощал гостя шампанским (мистер Клири не пил ни-

чего, кроме воды и шампанского) и пробавлялся обменом любезностями.

— Дорогой высокочтимый коллега!— проникновенно воскликнул мистер Клири, завидев О'Хару. Преклоняюсь, снимаю шляпу перед вами.— Гость картинным жестом снял воображаемую шляпу.— Вы великолепный врач и блистательный оратор. Я внимательно слушал вашу речь в суде. Бесподобно!

О'Хара сделал над собой усилие, улыбнулся:

— Благодарю вас. Право же, я недостоин... Пустяки.

— Эти пустяки влетели кое-кому в изрядную сумму,— мистер Клири естественно и легко расхохотался, давая тем самым понять, что ни он, ни «Хэппилендская медицинская ассоциация» не понесли никаких убытков и, следовательно, подозревать их в причастности к суду и травле «Санитаса» нет оснований.

— Очень может быть,— согласился О'Хара.

— Разумеется!— подхватил мистер Клири, не сразу уловив намек, но тут же опомнился и переключился на Эда:— А вы, конечно, мистер Кларк, не так ли? Очень рад познакомиться. Ваша энергия вызывает чувство восхищения, а ваш золотой кулак... О! Это изумительно.

— Золотой кулак? Вы сказали — золотой кулак?

— Именно золотой. Дело прошлое, джентльмены, и поэтому я могу вам открыть небольшую тайну. Лоботряс, баловавшийся термитными шариками, выложил мне за ремонт челюсти две тысячи триста холлеров. Неужели, мистер Кларк, вы умудрились сломать ее в трех местах одним ударом? Блестящий эксперимент! Теперь-то вы понимаете, почему я называю ваш кулак золотым, ха-ха...

Мистер Клири долго еще рассыпался в любезностях.

— Джентльмены,— уверял мистер Клири,— пора забыть обо всем том, что горестно вспоминать. Займемся лучше выяснением наших взаимоотношений. Не удивляйтесь. Я имею в виду деловые контакты. «Хэппилендская медицинская ассоциация» с искренней симпатией следит за благородными усилиями больницы «Санитас». Ассоциацию не очень смущают и... хм... своеобразные принципы вашей деятельности. Я имею в виду бесплатное лечение несостоятельных пациентов и смехотворно низкий гонорар за лечение с людей, имеющих сбережения. Поступайте как знаете, джентльмены. Благодарение всевышнему, наша страна — образец свободы и демократизма. Единственное,

на что обращает внимание ассоциация — это на... как бы точнее сказать... Ну, вы же знаете, один из святых принципов, которыми руководствуется ХМА, является дружба между коллегами, взаимопомощь, обоюдная поддержка. К сожалению, ваша больница держится обособленно, что не может не отразиться на врачебной деятельности многих медиков и прежде всего ваших санкристоферских коллег.

О'Хара попросил гостя уточнить, что он подразумевает под обоюдной поддержкой.

— Охотно, коллега, с удовольствием раскрою скобки,— любезно согласился доктор Клири.— Но прежде позвольте высказать некоторые соображения общего плана. Джентльмены, давным-давно канули в Лету времена, когда врач в своей практической деятельности пытался объять необъятное. Старик Гиппократ вскрывал фурункулы, принимал роды, удалял зубы, лечил от чесотки, воевал с тысячами других болезней и недугов. Он был врачом-универсалом. Такой тип эскулапа, как вам известно, сохранялся вплоть до позднего средневековья. Вспомните хотя бы Парацельса, Амбруаза Паре. Но уже в знаменитом «Каноне медицины» великого Авиценны мы находим мысли о пользе врачебной специализации. Гениальный врач и философ предвидел исторические пути развития медицины. Универсализм изжил себя, если не считать современных наших «гиппократов» в далеких захолустьях, где они лечат все и вся, а точнее — делают вид, что лечат.

Мистер Клири отпил из бокала маленький глоток, с видом гурмана посмаковал вино, одобрительно кивнул и продолжал:

— В наше время медицина являет собой, если говорить образно, дерево с бесчисленными ветвями, так сказать, ее отраслями. Узкая специализация в какой-либо определенной области — таков удел современного врача. Если раньше лекарь знал понемногу обо всем, то нынче врач обязан знать многое о немногом. И в этом плане, джентльмены, ваша больница, пожалуй, несколько отстает от требований жизни. Прошу вас не воспринимать это как упрек. Упаси бог! Вы делаете доброе, нужное дело. Вы располагаете квалифицированными специалистами в различных областях медицинских знаний. И все-таки... не обижайтесь, коллеги, вам трудно соревноваться со специализированными клиниками, врачами, посвятившими себя борьбе с конкретным заболеванием.

— Это само собой разумеется,— подтвердил О'Хара. Генри согласно покачал головой, а Эд, еще не уловив, куда клонит эlegantный гость, пошутил:

— Не вижу существенной разницы между клиниками и нашей больницей. Все равно, пока существуют врачи, бес-
смертие невозможно.

— Очень остроумно!— восхитился доктор Клири.— Это ваш афоризм?

— Куда мне! Один русский писатель... Ну до чего же трудные фамилии у этих русских, никак не запомнишь!..

— Русский?— не то испугался, не то обрадовался доктор Клири.— Вы сказали... Однако не будем уклоняться от главной темы нашей беседы. Вернемся к специализации и святому принципу взаимопомощи. Джентльмены, наша ассоциация считает, что больница «Санитас», несмотря на некоторую эксцентричность в принципах обслуживания пациентов, может сыграть видную роль в общем благородном деле...

— Позвольте...— начал было О'Хара.

— Минутку, сейчас все объясню. Наш принцип взаимопомощи преследует двоякую цель — превентивные меры, предотвращающие заболевания, которые, как вам хорошо известно, являются наиболее эффективными, а также обеспечение клиник и специалистов широкой практикой. Позвольте привести пример. Я — хирург, являюсь консультантом ряда травматологических лечебных заведений и занимаюсь частной практикой. Допустим, ко мне обращается человек по поводу грыжи. Я хирург-травматолог, грыжа — не моя специальность. Тем не менее мой долг внимательно осмотреть больного и порекомендовать ему коллегу, который, если можно так сказать, кормится паховыми и пупковыми грыжами.

Доктор Клири вновь отпил из бокала и продолжал:

— Попутно нетрудно обнаружить и другие мелкие недуги: полипы в носу, искривление позвоночника, наконец, ординарные мозоли. Мой долг разъяснить больному суть и опасность его недугов, с которыми он, быть может, свыкся, направить к специалистам, порекомендовать лекарства, выпускаемые дружественными фирмами. Более того, наша обязанность — проявлять заботу о людях даже в тех случаях, когда у вас возникает подозрение относительно какого-либо заболевания, но вы в этой области не располагаете достаточными знаниями. Я, например, ничего не

смыслом в болезнях глаз. И все же тому субъекту, которому мистер Кларк столь блистательно сломал челюсть, я настоятельно рекомендовал обратиться к офтальмологу, моему коллеге мистеру Хуку... Вот вкратце суть системы взаимопомощи. В нашем распоряжении визитные карточки специалистов и адреса лечебных заведений. Мы их вручаем пациентам. Тем самым наша ассоциация способствует укреплению здоровья нации. Имеются и выгоды материального характера. Врач, заполучивший пациента с помощью другого врача, обязан выплатить коллеге семь процентов своего гонорара.

Наконец-то Спарроу смекнул, куда гнул элегантный доктор Клири. Он втягивал санитасовцев в компанию обирая, наживающихся на страданиях и боли. О'Хара медленно багровел и нервно постукивал по столу пальцами; Эд, сжав кулаки, сунул их в карманы брюк, а это не сулило мистеру Клири ничего, кроме перспективы превратиться в пациента какого-нибудь своего конкурента-травматолога.

Элегантный доктор продолжал вдохновенно излагать принципы деятельности ХМА.

— Джентльмены,— говорил мистер Клири, томно поводя глазами.— Достоинство деловых отношений между членами нашей ассоциации состоит, между прочим, и в том, что все у нас строится на взаимном доверии. За полтора десятка лет существования ХМА лишь три негодяя осмелились скрыть истинное число пациентов, которыми их обеспечили коллеги, и попытались уклониться от выплаты семи процентов. Это были недостойные люди. И они поплатились за свою подлость. Один из них был вынужден покинуть Хэппилэнд, другой спился, а третий, кажется, покончил самоубийством.

Последняя фраза была произнесена мистером Клири с обворожительной улыбкой.

Кларк поднялся. Он решил внести существенные коррективы в фотогеничную физиономию мистера Клири, который недоуменно смотрел на «дядю Эда». О'Хара одернул Кларка.

— Куда вы, Эд,— спросил он.— Мистер Клири не закончил... Прошу вас, продолжайте, коллега. Ваше предложение чрезвычайно интересно. Семь процентов — сумма, заслуживающая внимания.

Кларк присвистнул от неожиданности и сел, вырази-

тельно покосившись на Генри, изумленного не меньше Кларка.

Гость расценил поведение Кларка по-своему: он решил, что упоминание о семи процентах сразило компаньонов. В глазах мистера Клири зажглись и тут же исчезли радостные блески. Элегантный доктор перешел к самой сути дела.

— Благодарю вас,— гость благосклонно посмотрел на О'Хару.— Позвольте изложить самую суть дела. Хэпплендская медицинская ассоциация предлагает сотрудничество. У вас открываются безграничные возможности! Ваша больница пользуется популярностью. И если ее превратить в своеобразный приемный покой...

— Как... как вы сказали?!— О'Хара вскинул коротенькие ручки, да так и замер, не в силах вымолвить больше ни слова.

— О нет, вам не грозит потеря престижа,— успокоил гость.— Больница останется больницей. Но вот в чем разница. Допустим, к вам поступает больной с камнями в почках. Операция дорогостоящая... то есть я хотел сказать — достаточно сложная. Зачем вам рисковать? Не лучше ли произвести необходимые анализы, подготовить больного к операции и перевести в соответствующую клинику? Разумеется, когда вы будете иметь дело с абсолютно безнадёжным пациентом, вы вправе проявить альтруизм и самостоятельно покопаться в его кишочках... Нынешняя ваша финансовая деятельность не может не привести к серьезным трудностям. Да и сам факт оказания медицинской помощи по демпинговым ценам выглядит как вызов общественному мнению. Другое дело, если вы будете сотрудничать с нами. Кроме того, упомянутые мною семь процентов явятся для вас гарантированной прибылью. Ведь вы завалите нас страждущими и жаждающими исцеления... Ха-ха... Рекламу мы обеспечим. Поняли мою мысль, джентльмены?

Джентльмены поняли все. Им предлагают гнусный сговор, заставляют заняться самой подлейшей из спекуляций — спекуляцией человеческой болью. Генри и Эд, понурившись, ждали, что скажет О'Хара. Старый доктор долго молчал, сопел, вытирая пот со лба. Мистер Клири углубился в созерцание бокала с шампанским.

— Мы согласны,— объявил наконец О'Хара.

Генри и Эду показалось, что они ослышались.

— Согласны, согласны! — упрямо твердил старик. — Семь процентов нас вполне устраивают. Мистер Клири, считайте, что мы обо всем договорились. Джентльмены, давайте скрепим сделку добрым глотком виски.

— О'кэй, — проворковал гость. — Но позвольте мне сохранить верность шампанскому и сообщить вам еще об одном непременно условии. Дружественная нам компания «Витамин энд фармасютикэл» производит новое снотворное «Мэрринг лайф». Все мы широко рекламируем его и используем в своей практике.

— Черт с ним, согласны и на это! — рявкнул О'Хара.

Мистер Клири улыбнулся:

— Крепко сказано, а главное — убедительно.

— Позвольте, — вмешался Генри. — Но ведь это снотворное, я слышал, страшная штука... Женщины рожают уродов... без рук, без ног.

— Бросьте, Спарроу! — накинулся на него О'Хара. — Все это происки конкурентов. С тех пор, как всевышний имел неосторожность сотворить мир, женщины только тем и занимаются, что рожают физических и моральных уродов. «Мэрринг лайф» здесь не при чем. Мы на все согласны, мистер Клири. Выпьем, джентльмены, за успех наших начинаний!

По четко очерченным губам мистера Клири скользнула торжествующая улыбка.

* * *

Гость ушел, и в кабинете нависла гнетущая тишина.

— Поздравляю, — произнес после долгого раздумья Кларк. — Стало быть, в наше время нет твердой таксы, по которой платят за предательство. Цена подлости теперь определяется в процентах от общей прибыли. Весьма разумное новшество.

— Я предпочел бы твердую ставку, — откликнулся Генри и с презрительной усмешкой взглянул на старого доктора.

О'Хара промолчал. Старик налил себе еще виски, поднес стакан ко рту и вдруг расхохотался.

— Джентльмены!.. Джентльмены... — хохотал О'Хара. — Джентльмены, как любит говорить мистер Клири... Какие вы все-таки ослы! Неужели вы... Ох, не могу!.. Долгонько придется ждать этим типам пациентов. В крайнем

случае мы направим к ним какого-нибудь чудака, который не знает, куда деньги девать, и поэтому решил их растратить на выдуманные болезни... Ха-ха-ха-ха-ха! Джентльмены, безмозглые джентльмены! Неужели вам невдомек, что с волками надобно обходиться по-волчьи. Они нам теперь и рекламу обеспечат... На руках носить будут. Почему бы не воспользоваться их услугами?

Генри и Эд сконфуженно моргали глазами. О'Хара сделал великолепный ход. Как только они сами до этого не додумались? Вот тебе и О'Хара! Молодчина. Теперь они заживут на славу. Их «Санитас» превратится в самую популярную больницу!

Друзья не ошиблись. На другой же день газеты словно с цепи сорвались. Они восхваляли «Санитас» на все лады, пели дифирамбы старику О'Харе, восторженно описывали заботливое отношение медицинского персонала к пациентам. В больницу хлынула толпа радио- и телерепортеров, на главной улице Сан-Кристофера появилась огромная светящаяся днем и ночью реклама — библейский Вечный жид, обращающийся к прохожим с огненными словами: «Я вечен, но несчастлив, ибо не лечился в больнице «Санитас». Деловые люди предлагали помощь и кредиты для расширения больницы. Телевидение срочно «отстреляло» приключенческий фильм, в котором герой, спасая героиню от кровожадных бандитов, получает несколько дюжий смертельных ран, однако его вызволяет из костлявых объятий смерти великий маг и кудесник О'Хара.

Реклама сделала свое дело. «Санитас» вошел в моду. Вскоре друзья с ужасом убедились, что им ничего не остается делать, как стать сообщниками ХМА. Больницу стали осаждать представители высшего света. Они жаловались на мнимые болезни, и О'Хара скрепя сердце отсылал их к мистеру Клири и его шайке. А уж те старались всюду: делали операции несуществующих опухолей, прописывали курорты, выкачивали без нужды желудочный сок, а главное — выкачивали из них деньги. Обусловленные семь процентов от гонорара аккуратно поступали на счет «Санитаса».

И это было ужасно. Задумать большое дело, благородное дело — и превратиться в жуликов!

Мудрый О'Хара нашел выход из положения — он стал гнать здоровяков, отдававших дань моде. Поток пациентов поубавился. Когда же О'Хара отдал распоряжение прини-

мать только малоимущих, раздался телефонный звонок. Мистер Клири поинтересовался — в чем дело, от чего так резко сократилось «поступление объектов обработки», как он выразился.

О'Хара и Генри обещали исправить положение.

Через месяц вновь раздался звонок.

И вновь санитасовцы обещали сделать все возможное.

Так, хитря и выкручиваясь, удалось продержаться полтора года. Все это время мистер Карнера напоминал о себе — присылал на праздники поздравительные телеграммы без подписи, подарки для близнецов, а когда Ген и Кэт — младшие переехали с миссис Стиклз из Алм-Бича в Сан-Кристофер (это произошло в канун рождества, перед Новым 1959 годом), прилетел из Чечако с грудой рождественских подарков. Разумеется, мистер Карнера хранил свое инкогнито, а Кэтрин, О'Хара, Кларк и Нил делали вид, будто ничего не знают о тайне мистера Карнеры и Генри.

Близнецы очень понравились мистеру Карнере. Но еще больше ему понравилось состояние дел в больнице.

— Я думал, что вас задушат, — говорил он санитасовцам. — Как это вас терпит медицинская ассоциация? Поразительно. Мое внимание к вам легко объяснимо. Я люблю увлекающихся людей и всегда рад помочь им. Об этом я в свое время уже говорил мистеру Спарроу. Дело в том, что я скептик. Мне кажется, вас все-таки прикончат. И тогда... Удивительно, как вы до сих пор ладите с ассоциацией.

А ладить становилось все труднее и труднее.

В начале апреля пятьдесят девятого года в больнице вновь появился мистер Клири. Холеное лицо его выражало непреклонную решимость. Он не улыбался. В речи мистера Клири появились вульгарные обороты. Отказавшись от шампанского, он объявил с места в карьер:

— Ну? Будем продолжать игру в кошки-мышки! Хотите? Ваша воля. Только сперва разберитесь, кто мышки и кто кошка.

— Вы, вы кошка, мистер Клири, — сразу же взорвался Эд. Он терпеть не мог вылощенного представителя ХМА. — И довольно-таки блудливая кошка.

Мистер Клири побледнел.

— Прошу держаться в рамках приличий, — сказал он хрипло. — Сегодня нам придется поговорить начистоту. Прошу не забываться.

— Ну что вы, что вы, мистер Клири!— хотел спасти положение старик.— Мистер Кларк пошутил. Объясните, пожалуйста, в чем дело?

— Вы нам морочите голову. Вот в чем дело. Ассоциация поверила вам, затратила огромные деньги на рекламу. А вы... вы подло обманули нас. Да, не делайте невинных глаз, мистер О'Хара и мистер Спарроу. Говорите прямо: намерены вы честно и добросовестно поставлять нам товар или нет?

«Дядя Эд» медленно, как бы нехотя поднялся из кресла. Изуродованное лицо его было прекрасно — таким благородным, чистым огнем горели его глаза.

— Позвольте сделать почин?— промолвил он зло и игриво.— Не понимаете? Все очень просто. Я беру за шиворот уличную девку и делаю из нее котлету, после чего этой потаскухе понадобятся и хирург, и онколог, и специалист по ухо-горло-носу, и психиатр... Не перебивайте меня! Кто уличная девка? Я имею в виду мистера Клири... Сидеть на месте, мозгляк! Ты... ты разве потаскуха? Ты целый квартал публичных домов. И когда я тебя обрабатую, понадобятся услуги врачей всех специальностей. Клянись жизнью, тебе позарез потребуется даже гинеколог! Нечего меня одергивать, Генри. Карты открыты. Разве ты не видишь, что эта продажная тварь пришла взять нас за горло?..

Мистер Клири попытался обратиться в бегство. Однако «дядя Эд» был настороже. Схватив за воротник элегантного доктора, он швырнул его в кресло.

— Нет уж, красотка,— вкрадчиво сказал Кларк и потрепал мистера Клири за подбородок,— не торопись. Выслушай сперва объяснение в неземной любви.

Генри хотел прийти на помощь к мистеру Клири, но, к великому его удивлению, вмешался О'Хара.

— Милый Эд,— обратился старик к Кларку с просительной нежностью.— Задай этому типу хорошую трепку, дай заработать всей его банде!

— Помогите...— еле прошевелил губами мистер Клири.

— Помогите!— передразнил его Кларк.— Не трусь, красотка, сегодня я не стану тебя увечить. Хочется продлить удовольствие. Слушай внимательно и заруби себе на носу. Я перестреляю всю вашу жадную свору, если с больницей что-нибудь случится. Начну с тебя. Понял?

Обливающийся потом, трепещущий мистер Клири с готовностью закивал головой.

Эд улыбнулся.

— То-то, значит, достигли взаимопонимания, не так ли?

Мистер Клири попытался что-то сказать, но слова застряли у него в горле.

— Вы, кажется, хотели что-то сказать?

Мистер Клири долго шевелил губами и наконец произнес желудочным голосом:

— Мое... дело — сторона. Но они вас задушат. Я рад бы... Но что я могу поделаться! Не погигать же...

— Кто — они?

— Ассоциация.

— Ах, вы заговорили в третьем лице! Это меня радует. Вы решили отмежеваться от мерзавцев?

— Я не в силах, — вновь прочревовещал мистер Клири. — Это я... просто так. Они многое о вас знают, очень многое. В «Санитасе» у них есть глаза и уши. Не знаю только — кто. Я слабый человек, не в силах с ними бороться, приходится подлаживаться. Но и вам не устоять. Поверьте мне...

— Ладно, верим. А теперь проваливай, — промолвил Эд, вытаскивая мистера Клири из кресла и волоча к двери. Только не забудь передать кому надо то, о чем я сегодня толковал. Если что... со мной шутки плохи. Перестреляю негодяев. Что касается тебя, то я по знакомству сделаю скидку — сверну тебе шею, как рождественскому гусю. Так-то вот. Гуд бай!..

Но мистера Клири и след простыл.

ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕНИКОВ

(Продолжение)

И вновь мир и покой воцарились в «Санитасе». Друзья торжествовали победу. Их больница процветала.

Кэт давно уже заговаривала с Генри о поездке в Европу. Не всю жизнь трудиться, толковала она, надо и отдохнуть немного. А ведь так хорошо прокатиться, посмотреть чужие края! Кроме того необходимо слетать в Тегеран. Столько лет от Гордона, брата Кэт, — ни слуху ни духу. Куда это годится! Пропал человек, как в воду ка-

нул. Запрашивали посольство ЮСХ — безрезультатно, обращались в консульства — нет вестей. Что же это? Надо разузнать все самим.

Генри понимал: Кэт права. Надо и самим отдохнуть, и детям. А в больнице и без него обойдутся месяц-другой.

Посоветовавшись с друзьями, Спарроу решил выехать в Европу в начале июля, сразу же после праздника Освобождения. Кэт деятельно готовилась к путешествию: купила чемоданов, несессеров, рюкзаков. Приобрела зачем-то альпенштоки и горные башмаки, хотя ни она, ни Генри никогда в жизни не занимались альпинизмом. Попросту ее охватила предотъездная горячка. А Генри наблюдал за хлопотами жены и добродушно посмеивался.

Вот миновал шумный праздник Освобождения. Осталось купить билеты и трогаться в путь.

Все дело испортила маленькая бульварная газетенка. Ее злобное твяканье послужило сигналом, и вскоре вся огромная газетная псарня оглушила страну яростным лаем, воем, визгом, бешеным хрипом и воплями.

Вот что протявкала крохотная шавка:

„КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО В БОЛЬНИЦЕ „САНИТАС“

Два с половиной года назад в наш город прибыл некий м-р О'Хара, который с помощью демагогического трюка сумел вместе с неким м-ром Г. Спарроу обмануть общественное мнение и завладеть пятью миллионами холлеров.

М-р О'Хара объявил о своем желании построить в Сан-Кристофере общедоступную больницу «Санитас». Горожане с радостью восприняли это известие. Вскоре в город приехали его сообщники: Г. Спарроу с женой, а также лица без определенных занятий Э. Кларк, Н. Астор и другие субъекты, не имеющие никакого отношения к медицине.

Строительство больницы, по нашим подсчетам, влетело О'Харе и Спарроу в большую сумму, чем та, которой они располагали. Мы долго не могли понять, откуда главари «Санитаса» заполучили еще денег. Но теперь тайное стало явным.

Главари «Санитаса» и их приспешники — агенты Москвы — находятся на содержании русских коммуни-

стов и, выполняя их инструкцию, ведут коммунистическую пропаганду, занимаются сбором агентурных данных, подрывной деятельностью и вербовкой среди доверчивых больных. Тех же, кто отказывается вступить в их преступное сообщество, О'Хара умерщвляет, именно так он расправился с несчастным рабочим Томпсоном.

Достойна удивления позиция невмешательства в преступные дела шайки из «Санитаса», занятая губернатором штата и руководителями Федерального бюро расследований. Пора бы положить конец преступной деятельности наемников русских коммунистов!

На другой день вся хэппилэндская пресса шумела о коммунистическом гнезде в Сан-Кристофере. В общем крике и гаме потонули другие важные сообщения: о новом платье жены короля жевательной резинки, конкурсе мужской красоты, соревновании по скоростному ползанию среди грудных младенцев, об очередном отряде морской пехоты, высадившемся где-то в Азии, для поддержания престижа ЮСХ, о девяностолетней старухе, пожелавшей записаться в корпус «Во имя прогресса» и изнасилованной инструктором, принимавшим у нее зачет по плаванию, со связанными руками. Все сенсации дня ушли на задний план! Даже сенатор Бридж, уличенный во взяточничестве и крупных аферах, выглядел невинным младенцем в сравнении с «извергами из «Санитаса».

На заседании Конгресса президента ЮСХ засыпали вопросами: «Что президент намерен предпринять для пресечения акций красных наемников?», «Не думает ли президент, что следует наконец дать почувствовать силу демократии кремлевским эмиссарам и коммунистам, притаившимся внутри страны?» и т. д.

Президент ответил, что он отдаст приказ немедленно расследовать ситуацию, сложившуюся в Сан-Кристофере.

Узнав об этом, brave генерал Окер оставил в покое своих оловянных солдатиков и дал интервью, в котором заявил:

— Ответ президента лишний раз убеждает меня в том, что к власти у нас пробрались коммунисты. Что значит — расследовать? Коммунистов надо вешать без суда и следствия. Русские жаждут засыпать нас ракетами с атомной и

водородной начинкой. Чтобы спасти Хэппиленд, необходимо уничтожить коммунистов и развернуть строительство индивидуальных противоатомных убежищ!

Генерал закончил интервью тем, что встал на четвереньки и попытался обойтись с брюками репортера так же по-приятельски, как и кобель с телеграфным столбом.

Репортер проявил расторопность и сообразительность. Он увернулся от генерала и побежал в правление строительной компании. Здесь смекалистый журналист продал заключительные слова генеральского интервью за кругленькую сумму и, довольный, поспешил в редакцию.

Так было положено начало новой национальной эпидемии, носящей название убежищемании. Сотни экспертов поддержали предложение генерала Окера. Возникла новая отрасль строительной индустрии, занимающаяся изготовлением индивидуальных бомбоубежищ.

Вояка Окер, получивший от строительной компании бесплатное бомбоубежище, с великой pompой спустился в него и заперся на целый месяц. Вышел он оттуда обросший сивой бородой и не очень поумневший, поскольку первому же встречному заявил:

— Эй ты, смирррно! Попробуй возразить, что я был не прав. Ведь я выжил и благополучно пережил атомную атаку.

Насилу ему растолковали, что никакой атомной атаки не было и в помине.

Генерал заплакал:

— Какого же черта я тогда отсиживался в этой норе?

Но тут же добавил такое, что привело в изумление даже психиатров:

— Впрочем, сидеть в железобетонном гробу куда приятней, чем лежать в деревянном и даже цинковом. Все могут убедиться в том, что тело мое не подвергалось разложению. Почему мы до сих пор не разбомбили русских?! Безобразие!! Свободу и цивилизацию нужно закопать в землю. Дайте мне овса и телеграфный столб, только обязательно столб с писсуаром. Мы победим. Вперед — и только вперед. Ибо девочки меня больше не интересуют.

До сих пор лучшие психиатры тщетно бьются, пытаются уточнить характер заболевания неустрашимого генерала. Некоторые из них сами свихнулись в процессе установления генеральской хвори.

Еще бы не свихнуться. Умалищенный явился крестным

отцом индустрии, создающей противоатомное убежище! Возглас маньяка: «Если кто-нибудь сунется во время атомной атаки в мое убежище, пусть даже это будет ребенок, — получи́т полдюжины пуль в брюхо!» после всестороннего анализа был признан группой ученых юристов весьма разумным и не противоречащим законам и моральным нормам. Заявление психа: «Свободу и цивилизацию нужно закопать в землю» — нашло поддержку в военном министерстве и даже в правительстве.

Но все это произошло позднее и явилось неожиданным следствием яростной атаки на «Санитас».

Атака эта была длительной и беспощадной.

Первым не выдержал О'Хара. Старик, не терявший чувства юмора в самых трудных ситуациях, имел слабину, — он приходил в неистовство, когда газеты устраивали травлю. А сейчас не только газеты. По радио передавали магнитную запись беседы санитасовцев в тот день, когда планету облетела потрясающая, сногшибательная весть о том, что русские запустили первый в истории человечества искусственный спутник Земли.

Два с лишним года хранилась в тайне эта запись. А нынче ее пустили в ход! Кто мог записать их беседу? Ведь никого из посторонних не было.

Самое ужасное, что магнитную плёнку не фальсифицировали. Все записано точно, слово в слово, без добавлений.

Собственно, ничего особенного не было сказано в этой беседе. Но на фоне всеобщего радио-газетного улюлюканья она выглядела далеко не лояльной.

Вот отрывок записи этой беседы:

О'Хара. Утерли нам русские нос. Хвалились мы, хвалились, да и угодили в лужу.

Спарроу. А еще пишут, что русские — дикари и варвары. Если так пойдет дальше... Прощай прёстиж Хэппленда. Ну и молодцы русские. Все сами сделали — и атомную бомбу и спутник.

Кэтрин. Генри, я уже говорила тебе, что надо увезти детей из Алм-Бича. Там рядом космодром, все время запускают ракеты, и они взрываются в воздухе. Еще, не дай бог, свалятся на наш домик!

Кларк. Честное слово, славные ребята эти русские, хоть они и коммунисты.

Астор. Коммунисты хотят завоевать весь мир!..

Джесси. Завоевать? Чепуха. Они говорят о том, что их идеи завоюют умы людей.

Тэд. А ты почему знаешь? (Общий шум, трудно разобрать, кто и что говорит).

Джесси. Идем-ка, Тэд, побросаем бейсбольный мяч...

Этот, казалось бы, невинный разговор вызвал новую бурю негодования. В газетах появились пугающие статьи: «Красные агенты в Сан-Кристофере говорят коммунистам: Молодцы!», «Жена коммуниста Г. Спарроу боится жить в нашей стране! Почему?», «Кремлевский наймит Н. Астор заявляет: «Коммунисты хотят завоевать весь мир!»

Завертелась машина, охраняющая безопасность государства. В Сан-Кристофер прибыли «сенатская комиссия по расследованию дела «Санитас», детективы, джентльмены из Федерального бюро расследований, медицинская комиссия, эксперты.

В эти тяжкие дни, когда санитасовцы кое-как отбивали атаки, а О'Хара буйствовал и грубил должностным лицам, персонал больницы и пациенты исчезали, как мартовский снег. Еще вчера на койке лежал больной и возле него дежурила медсестра, а сегодня их обоих и след простыл. К началу сентября в «Санитасе» находилось всего семеро больных, двое врачей и одна медсестра. Остальные разбежались.

Кларк клялся и божился, что разорвет, как лягушку, первого встречного мерзавца, организовавшего травлю санитасовцев. Но это было лишь пустым сотрясением воздуха. Кто они — эти мерзавцы? Руководители ХМА уехали за границу на какой-то конгресс. Тем самым они давали понять, что к данному скандалу никакого отношения не имеют: это, мол, стихийное возмущение общественности. Гоняться же за рядовыми врачами глупо. Многие из них насильно загнаны в ХМА, сочувствуют санитасовцам, но боятся рот раскрыть, опасаясь разделить участь О'Хары и его товарищей.

Удар следовал за ударом. Надвигалась катастрофа.

Однажды к Спарроу зашел Нил Астор и, помявшись, проговорил задуманным, чужим голосом:

— Генри... прости меня. Я трус и противен самому себе. Но у меня семья, я стар. Мне не по силам эта борьба, эта

драка без правил, когда тебя бьют ногой в живот, коло-
тят лбом о тротуар, а на закуску всаживают нож в спину.
Не по мне это, старина.

Генри вздрогнул.

— Что с тобой, Нил? Может, съел на ночь слишком
много кефира?

— Нет, Ген,— покачал головой Нил.— Тут дело не в
кефире, а в каше, которой нас кормят уже два месяца. Я
сыт по горло. Ты пойми... мне страшно. Сотни, тысячи,
быть может, миллионы людей следят за нашей схваткой,
сочувствуют нам и молчат. А если кто и пытается поднять
голос в нашу защиту, ему живо затыкают глотку. Съедят
нас, дорогой Ген. И что тогда будет делать моя семья?

— А моя семья?

— Ты прав, Ген. Это не довод. Ты, О'Хара, Кларк
честнее... нет... храбрее меня. Вот в чем дело. Отпусти
меня. Я получил письмо от одного знакомого. Он живет в
закудалом штатике Акота, в крохотном городишке. Там
для меня есть место автомеханика. Отпусти меня, Ген. И
прости.

Через неделю Нил уехал. А еще через неделю Тэд,
обливаясь потом и краснея, тоже попросил расчет. Ему,
как объяснил Тэд, необходимо, переехать в Нью-Бэрдок:
там у него невеста, и он по ней очень соскучился.

В конце октября закончили работу многочисленные
комиссии. Как ни старались детективы, никаких доказа-
тельств, подтверждающих, что руководители «Санитаса»
являются коммунистами и красными агентами не было
найдено. Доктора О'Хару, Кларка, Спарроу, Кэт и Джес-
си-молчальника объявили лишь нелояльными хэппиленд-
цами, восприимчивыми к коммунистической пропаганде.
Комиссия медицинских экспертов высказала также мнение,
что, судя по косвенным данным, покойного Томпсона,
страдавшего раковой болезнью, можно было все же спасти,
обладай доктор О'Хара более высокой квалификацией; но
поскольку упомянутый О'Хара не является специали-
стом-онкологом, его оперативное вмешательство не принес-
ло желаемых результатов.

Выслушав заключение экспертов, О'Хара сказал, сви-
репо нахмурясь:

— Удивляюсь, как это вам не пришло в голову кон-
статировать неопровержимый факт, что я умышленно за-
резал мистера Томпсона?

Председатель экспертной комиссии, моложавая знаменитость, прославившаяся пластическими операциями, разительно изменяющими внешний облик скрывающихся от закона преступников, погладил остренький подбородок и пояснил с улыбкой врожденного юмориста:

— Как раз мы до этого и додумались, мистер О'Хара. Жаль только, у нас не хватило доказательств. Но мы рассчитываем на вас, сэр. Вы еще покажете себя.

Трудные, тяжкие дни переживала больница. Врачей — двое, единственная медсестра, ни одного санитаря. Некому было даже убирать палаты. Благо еще, что больных насчитывалось всего пять человек. К этим наиболее стойким пациентам, заявившим: «Доктор О'Хара — хороший врач. Он нас вылечит, а на политику нам наплевать», прибавился старый знакомый Генри — мистер Уилсон Ли.

Жалкий, облезлый, как ошпаренная кошка, крохотный человечек, охая и стелая, едва доплелся до больницы. Он умолял, чтобы его положили на исследование. Мистер Ли так и не сумел ухватить покрепче, по-мужски, богиню счастья. Вот уже полтора года, как он шатается без работы, голодает, мыкается по ночлежкам. Кому нужен журналист шестидесяти с гаком лет от роду! Волка и репортера ноги кормят. На черта в редакции старая кляча с камнями в почках!

Первым сдался Генри. О'Хара держался дольше, но и он не устоял, когда Уилсон Ли, заливаясь слезами, объяснил, что тиснул свою подленькую статейку, спасая себя от голодной смерти.

После получасовой дискуссии Уилсон Ли очутился в палате. Его стали готовить к операции. За работу принялись все. Кэт наводила чистоту в палатах и операционной. Генри и Эд стерилизовали простыни и салфетки. Молодые врачи Гопкинс и Финней тренировались под руководством О'Хары, так как им никогда не приходилось ассистировать при операциях; медсестра, хмурая старая дева в больших роговых очках, наблюдала за больными; Джесси шуровал за троих в котельной.

Операция прошла отлично. Мистер Ли пошел на поправку. Старый, сморщенный полулиллипутик буквально одолел своих спасителей бесконечными изъявлениями благодарности. Когда же Уилсону Ли разрешили ходить, он так и норовил оказаться на глазах, чтобы услужить чем возможно — принести газету, набрать номер телефона...

— Мистер Спарроу,— частенько говорил Ли своим неправдоподобным баском.— Вы и ваши друзья открыли мне глаза на жизнь. Жаль только, что я узнал об этом так поздно. Спасибо за науку.

Новый шквал обрушился на «Санитас» внезапно и беспощадно.

Началось с того, что доктор О'Хара застиг старую деву медсестру в тот момент, когда она пристраивала в его кабинете под диваном портативный магнитофон.

Генри показалось, что и впрямь старого доктора пора отправлять в психиатрическую больницу. О'Хара совсем потерял голову и, забыв, что перед ним какая-никакая, но все же женщина, кидался на нее с кулаками, грозился растоптать, изувечить. Генри и Эд, у которых тоже зудели кулаки, еле сдержали разбушевавшегося старика. Сомлевшая от ужаса старая дева долго валялась в полуобмороке и на неоднократные и настойчивые советы убираться ко всем чертям отвечала, бессмысленно тараща глаза и клацая зубами:

— Сжальтесь!.. Т-т-тыща холлеров... М-мой брат... Он студент... безззз моей помощи... п-поги-ибнет...

Старую деву выволокли за дверь.

— Эх!— вздохнул главный врач практически не существующей больницы.— Это очкастое пугало, конечно, заслуживает пинка в костлявый зад. И все же... разве она во всем виновата! И нас, и ее душат. Только мы по-разному реагируем на это. Где уж ей сопротивляться!

Газеты не замедлили описать сцену дикой расправы над пожилой женщиной. Санитасовцы ждали появления полиции.

Полиция не приходила. Зато ясным морозным утром прибежал горластый мальчуган со свежими газетами. Он выкрикивал под окнами:

— Свежие газеты! Покупайте свежие газеты. Последние известия. Русские хотят превратить нашу страну в развалины!.. Бал на пятой авеню стоимостью в полтора миллиона! Злодейское убийство мистера фон Ракова! Таинственное самоубийство танцовщицы! Свежие газеты! Покупайте свежие газеты!..

Генри окликнул мальчугана, и в его руках очутилась кипа влажных газет, пахнущих ржавым железом.

«Так,— просматривал Генри газеты.— Статья о рус-

ских межконтинентальных ракетах. Хм... неприятная штука. В любой момент жди — прилетит этакая махина и стелает из тебя радиоактивную пыль. А у нас таких ракет нет... Вот тебе и Хэппиленд — страна самой совершенной техники!.. Что там еще? Бал! К дьяволу бал! А это что?..»

Ахнув, Спарроу скомкал в руках газеты и ринулся в больницу.

Газеты отвели по две страницы под сообщения и комментарии об убийстве Фридриха фон Ракова, советника военного министра по авиационным вопросам и о самоубийстве танцовщицы Джейн Твитчелл.

Генри, Эд, О'Хара и Кэтрин с ужасом читали газетные сообщения:

— Да-а,— протянул О'Хара,— кажется, нас все-таки вздернули на кукан.

— Черта с два! — упрямо мотнул головой Кларк.

Кэтрин сдерживала слезы, но губы у нее так и плясали.

Генри молчал. Он думал. Думал напряженно, лихорадочно, как бы вырваться из капкана.

А капкан схватил железной хваткой. Газеты недвусмысленно намекали на связь между убийством фон Ракова, самоубийством Джейн Твитчелл и «печально известными лицами, свившими гнездо в санкристоферской больнице «Санитас». У покойной Джейн Твитчелл полиция при осмотре места происшествия обнаружила фотографию Генри Спарроу с надписью, не вызывающей сомнений о характере их отношений. Кроме того, удалось разыскать дневник покойной, который заканчивался трогательно и злоеще:

«...Кажется, пора ставить точку в книге жизни. Плохая из меня сочинительница. Книжечка получилась тоненькая, неинтересная, а ее главная героиня — безлика, неумна и слабовольна. Ах, если бы можно было начать писать все сначала! Поздно! А может, и прав был Генри, добрый и упрямый воробышек? Он не хотел жить так, как жил мой отец, тысячи других бизнесменов. Мой отец называл его коммунистическим ангелочком. Ах, почему я не пошла вместе с Генри!.. Поздно. Пора спать. К черту тридцатипятилетний кошмар. Надо, наконец, и поспать хорошенько — без снов, спокойно».

Если в дневнике Джейн имелся лишь туманный намек на причастность Спарроу к коммунистам, то в материалах об убийстве фон Ракова все было просто и ясно. Старый Бэзил Хиллари прислал фон Ракову сумасшедшее письмо с категорическим требованием повеситься. Желание видеть в петле фон Ракова было у старика, несомненно подкупленного красными, настолько велико, что он, кроме письма, прислал своему адресату тщательно намыленную веревку.

Мистер фон Раков, решив, что все это — дело рук немалого шутника, выбросил письмо и веревку в корзину для бумаг. Через месяц старик Хиллари приехал в Уошинтаун, проник под каким-то предлогом в кабинет фон Ракова и вызвал его на дуэль.

Газеты опубликовали стенографический отчет допроса отчаянного старика.

С л е д о в а т е л ь. Обвиняемый Бэзил Хиллари, расскажите, что произошло между вами и мистером фон Раковым, прежде чем вы решились осуществить свой преступный замысел?

Х и л л а р и. Охотно, сэр. Вся штука в том, что фон Раков убил моего сына Джо. И добро бы по-честному все вышло, а то пристрелил, как куренка, в безоружного из пулеметов жарил.

С л е д о в а т е л ь. Вы уверены, что вашего сына убил именно фон Раков, а не какой другой летчик-истребитель? Не могло ли быть и так, что Джо Хиллари сгорел в «летающем бастионе»?

Х и л л а р и. Правда ваша, сэр. Все могло быть. Откуда мне знать в точности, кто уложил моего Джо. Может, фон Раков, а может, кто другой. Только это все равно.

С л е д о в а т е л ь. Как понимать ваше «все равно»?

Х и л л а р и. А так, что если фон Раков и не убил, то он мог убить Джо.

С л е д о в а т е л ь. «Мог убить» и «Он убил» — разные вещи. С таким же успехом и я мог попасть к вам на подозрение.

Х и л л а р и. Э-э... нет, сэр. Покойник фон Раков стрелял в безоружных мальчиков? Стрелял. Документов он при этом не спрашивал. Ему все равно было, кого убить. Д-да, сэр. Что Смита прихлопнуть, что Брауна, что Хиллари. Мне не известно, как именно отдал богу душу Джо. Одно ясно, он мог угодить под пули фон Ракова. Вот я и послал фон Ракову письмо с веревкой: у нас в горах еще при дедах

такой обычай был в чести — трусам предлагали повеситься, а если кто стеснялся, значит упрямылся, тому первый встречный джентльмен разъяснял что к чему с помощью револьвера...

С л е д о в а т е л ь. Тогда властвовали грубые нравы. Наш век — век цивилизации и гуманизма.

Х и л л а р и. Это верно, сынок, то есть, сэр. На то вы и ученый человек, чтобы умные слова говорить. Цивили... как его... цивили... Это хорошо. Только зачем негодяев защищать? Сказали бы мне спасибо — и дело с концом.

С л е д о в а т е л ь. Да поймите же, мистер Хиллари, что самосудам не место в цивилизованном обществе! Если фон Раков виноват, его надо судить судом присяжных, дать ему возможность защищаться, а не убивать как собаку.

Х и л л а р и. Воля ваша, сэр, только я малость не пойму. За что же его судить да защищать, если он, всем известно, полдюжины безоружных мальчиков пострелял? Судить невинного надо. А что до того, будто я его как собаку пристукнул... Это не скажите. Я все чин-чином. Пришел, поздоровался, фамилию спросил, поинтересовался отчего, мол, не повесился и только после всего этого говорю: «Вызываю вас на хэпилендскую дуэль. Сию минуту, оружие — какое угодно».

Фон Раков ногами и руками стал разные кнопки жать. Я ему говорю: «Зря стараетесь. Вашего секретаря я связал, а чтобы он не верещал, сперва кулаком по голове утихомирил. Дверь приемной запер на ключ. Если живы останетесь, извинитесь перед секретарем-то. Вот... А теперь выбирайте оружие. Револьверы у вас найдутся? Позвольте я у вас в карманах и в столе пошарю.

Поискал — револьверов нет. Экая напасть! Смотрю кругом, вижу на камине голая женщина без рук и какой-то военной. Статуетки, стало быть. Увесистые.

«Кто это?» — спрашиваю.

«Марс, бог войны, и Венера, богиня любви», — отвечает.

Сунул я фон Ракову богиню Венеру, себе бога Марса взял и говорю: «Оружие равноценное, у вас даже подлиннее. Чего канителиться? Начнем, да только по-честному. Договорились?»

Не хочет. Я его и так и сяк! Не хочет. А только я отвернулся — как кинется! Воспитание у него, что ли, такое подлое — из-за угла бить! Да-да, воспитание. Ну я его и перевоспитал.

С л е д о в а т е л ь. Мы еще вернемся к обстоятельствам, при которых последовала смерть потерпевшего...

Х и л л а р и. Потерпевшего?! Скажете тоже, приятель. Да я из него дух вышиб. Угробил. Потерпевшего!

С л е д о в а т е л ь. Не перебивайте меня, обвиняемый.

Х и л л а р и. Это кто же обвиняемый-то?

С л е д о в а т е л ь. Вы, мистер Хиллари, и не прикидывайтесь простачком.

Х и л л а р и. Я?! Тыфу пропасть! А еще ученый человек. Это ваш фон Раков преступник и убийца. А с меня чего взять? Я все по-честному.

С л е д о в а т е л ь. Прошу отвечать на вопросы. Следствие находит более чем странным акт мести, совершившийся через пятнадцать лет после гибели вашего сына.

Х и л л а р и. Лучше поздно, чем никогда. Где я фон Ракова мог найти? А года два с лишком тому назад приехали ко мне два парня, хорошие такие ребята, вместе с Джо воевали, вместе горели. Добрые ребята. Деньгами меня поддержали, на позапрошлом рождество открытку прислали. Вот она и открытка... Генри Спарроу и Эдлай Кларк. Рассказали мне про фон Ракова, а я как раз прочел, что фон Раков хэппилендцем стал и в начальство пролез...

— Стоп!— вскричал Эд и вырвал газету из рук Генри.— Хватит с нас художественного чтения. Дебаты отложим на завтра.

Но и на другой день дебаты не состоялись. Санитасовцев сразил репортаж Уилсона Ли «В застенках красных мучителей», опубликованный в самой солидной и популярной санкристоферской газете «Дейли миррор энд ньюс».

ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕНИКОВ

(Окончание)

Коротышка Уилсон Ли мог, наконец, благословлять свою судьбу. Пусть целых шестьдесят четыре года ему приходилось играть жалкие роли честолюбивого неудачника, мелкого вымогателя и шантажиста, неуклюжего клеветника и сплетника по расчету, выступать даже клоуном, то и дело получающим подзатыльники и зуботычины. Зато под занавес ему удалось захватить коронную роль, которая дала, наконец, деньги и славу.

Бездомный, голодный старикашка вдруг превратился в тщательно выбритого преуспевающего джентльмена. В боковом кармане пиджака мистера Ли уютно устроилась чекочувшая книжка. Она согревала его натруженное сердце, отгоняла далеко прочь тягостные мысли, кормила, поила, возвеличивала его в собственных глазах.

Все это Уилсону Ли подарил репортаж из больницы «Санитас».

* * *

Старый журналист не сразу решился на предательство и подлость. Как ни растленна была его душа, он все же не мог не ценить добра. В критические послеоперационные дни, когда Ли находился между жизнью и смертью, старик обращал к богу слова мольбы и искренне уверял своего незримого собеседника в том, что он, Ли, должен выжить хотя бы для того, чтобы искупить свои многочисленные грехи и прежде всего реабилитировать себя перед санитасовцами.

Когда больной пошел на поправку, его по-прежнему не оставляла мысль содействовать доброму. Он искренне выражал О'Харе и его товарищам свою бесконечную благодарность, старался услужить.

«Кажется, я в самом деле стал другим человеком, — с удовольствием размышлял Уилсон Ли. — До чего же хорошо быть честным, порядочным, правдивым. Тысячу раз прав этот большой ребенок Спарроу. Самый драгоценный капитал — это честность!»

Настала пора выписываться из больницы. Однако Ли не спешил уходить. Во-первых, ему некуда было деваться, а во-вторых, Уилсон Ли привык к санитасовцам.

Он прижился в больнице, выполнял мелкие поручения, а однажды, в порыве усердия, даже вызвался помочь Джесси-молчальнику в котельной.

За время пребывания в «Санитасе» Уилсон Ли сделал открытие, рыночная стоимость которого наверняка дала бы ему возможность привести себя в порядок и подыскать приличную работу. Как почти всякое большое открытие, оно явилось неожиданно. Десятки людей, комиссий и детективов прошли мимо него. А Уилсон Ли не прошел мимо. Недаром у него был острый глаз, настороженное ухо и собачье чутье.

Первым побуждением Уилсона Ли было бежать в ближайшую редакцию, выложить на стол свой товар и, получив стопку кредиток, уйти в веселую жизнь. Но тут же воззвал голос совести: «Ли, послушай! Подлость — есть подлость, но подлость вместо благодарности — подлость стократная. Не надо. Ты же клялся!»

Маленький журналист сдержался. Но дрожь в коленях, зуд в ладонях не проходили. Старикашка страшился, как бы кто другой не перехватил его открытия, и тогда он — Уилсон — останется ни с чем! По ночам Уилсон Ли просыпался в холодном поту: некто огромный, как глыба, с оловянными глазами убийцы хватал его волосатой лапицей за куриное горло и гремел:

— Аа-а! Ты знал и молчал?! Так вот тебе!.. — Другая лапища сжимала голову старика, словно яблоко.

Наступала тьма, Уилсон Ли слышал свой собственный визк, треск черепа... и в ужасе вскакивал с постели.

Санитасовцы никак не могли понять, что творится с «вечным пациентом», как в шутку прозвали они Уилсона Ли. Он осунулся, в маленьких глазках его притаились страдание, тревога и дерзость.

Все решили сообщить о самоубийстве Джейн Твитчелл и убийстве фон Ракова.

«Мои благодетели обречены! — с лихорадочной поспешностью убеждал себя Уилсон. — На этот раз уж наверняка до всего докопаются... Да, но как ты можешь?.. Но ведь я ничего такого... Ну в крайнем случае закроют их больницу. Ее и без того прихлопнут. Какая им разница, кто их ударит ниже пояса? Зато мне!.. Если я промолчу, тогда и меня не помилуют. Сейчас в самый раз выступить первым. И тогда... Тогда деньги, слава, жизнь! А им все равно. Надо скорее в редакцию. Впрочем, зачем в редакцию? Она и так заплатит. Сперва нужно заглянуть к мистеру Клири, он свяжет меня с кем надо. Мне отваяют солидный куш, а потом — в редакцию!.. Сколько мне еще дышать осталось! Уеду во Францию, на Лазурный берег, в Италию... А они? Что — они? Они выполняли свои обязанности... И еще прокатывались по моему адресу. Я им покажу, как называть человека, впавшего в нищету, «вечным пациентом»! Я им покажу!..»

Голос совести был задушен. Спотыкаясь от волнения и нетерпеливо сопя, мистер Ли отправился делать свой бизнес.

Уилсон Ли знал свое ремесло. Его репортаж стрелял точно в цель, разил наповал. Вымысел, тонко переплетенный с правдой, обретал кровь и плоть реальных фактов, мелкие детали под искусным пером превращались в громы и молнии, испепеляющие О'Хару и его приспешников. Старый журналист избежал соблазна блеснуть перед читателями профессиональной ловкостью. Разумеется, было бы приятно поведать публике о том, что он, Уилсон Ли, умышленно проник в «Санитас», провел некомпетентных врачей, имитируя почечную болезнь, во имя святой правды дал себя оперировать и с помощью всех этих ухищрений и самопожертвования собрал разоблачительный материал. Это эффектно. Однако на подобных действиях лежит печать профессионализма и преднамеренности, а они отрицательно сказываются на читательском восприятии фактов. Предубежденность — враг правды. А читатель должен верить каждому слову репортажа. И для этого репортажу необходим реальный оперативный повод, необходимо писать правду во всех случаях, когда это только возможно. В определенных сочетаниях правда разит сильнее лжи и от нее не отвертеться, ибо она — правда!

Старый грешник начал с того, как он — старый, безработный журналист, голодный и тяжко больной — еле доплелся до больницы «Санитас» и был принят там в бесплатное отделение. Много хорошего он сообщил о заботе и внимании, которыми его окружили, об искусстве доктора О'Хары.

Он, Уилсон Ли, был счастлив и благословлял небо, ниспославшее ему милость. Прошло две недели. Но затем... О! Лучше бы об этом не писать! Как-то вечером к нему в палату пришел О'Хара с двумя молодыми врачами — Гопкинсом и Финнеем. Они осмотрели больного, нашли его «совсем молодцом», после чего стали шептаться.

«Я разбираю лишь отдельные слова, — писал Уилсон Ли. — Они о чем-то спорили. «Рано», — говорил Финней. «Нет, в самый раз!» — возражал О'Хара. «На кой дьявол нам этот старикан?» — усмехнулся Гопкинс. — «Нам надо помоложе». О'Хара возразил: «Он журналист, и это важно. Дело не в возрасте».

Не знаю почему, но мне стало страшно. Я хотел подняться с постели, но меня схватили за руки Финней и Гопкинс, а О'Хара, наклонившись надо мной, прошептал с дикой улыбкой:

— Спокойно, больной. Ты что, против бесплатного лечения?

Сверкнул шприц, я застонал от боли и потерял сознание. Затем мне снились странные сны, будто я гуляю по площади, на которой сверкает разноцветными куполами православный собор. Рядом — зубчатая стена. Потом я очутился в подземелье. Потом я спал и слышал, как О'Хара и кочегар больницы, которого все зовут Джесси-молчальник, задают мне какие-то вопросы, а я на них отвечаю, ибо не в силах смолчать. После этого они принялись нашептывать мне на ухо ужасные мысли, и они, словно гвозди, вонзались мне в мозг. А потом наступила тьма.

Проснулся я только через сутки. Все тело ныло, в голове гудело. Я ужаснулся тому, что во мне происходило. Я жаждал крови, убийств, во мне бушевала звериная ненависть к обеспеченным людям. Клянусь, я готов был покуситься на жизнь губернатора, на жизнь президента! Это было сверх моих сил. Я заплакал.

Вошел торжествующий О'Хара.

— Что вы со мной сделали? — гневно спросил я.

— Ничего особенного, — зловеще ухмыльнулся О'Хара. — Еще десяток сеансов — и ты будешь наш.

Через неделю последовал второй сеанс. После этого я стал послушен, как собачонка. Я покорно ходил за О'Харой и его шайкой, беспрекословно выполнял все их приказания. Они перестали остерегаться меня и говорили при мне о терроре, о горах трупов, которые скоро появятся, о кровавой революции.

Далее мистер Ли искусно живописал о своей душевной трагедии. Таинственный препарат, введенный ему О'Харой, толкал на преступление. Но чувство долга, гражданская доблесть боролись. Это была ужасная борьба. Казалось, все уже кончено. Мистеру Ли оставалось капитулировать, превратиться в послушное орудие коммунистических заговорщиков... Однако всевышний не оставил несчастную душу на произвол судьбы — он послал ему спасение в виде патентованного тониизирующего средства «Форс» производства «Вест фармасюэл компани». Замечательный эликсир помог Уилсону обрести твердость духа, решимость и свел на нет зловерное действие гнусного препарата О'Хары. Узник «Санитаса» воспрянул духом и бежал из логова заговорщиков.

В заключение автор репортажа призывал во имя спра-

ведливости и свободы нации закрыть «Санитас» и передать больницу в честные руки. Что касается заговорщиков, то пусть их покарает закон. Ему, Уилсону Ли, доподлинно известно, что врач Финней и Джесси-молчальник — члены коммунистической партии. Гопкинс, по-видимому, находится под влиянием таинственного препарата. Ну а О'Хара, Спарроу и Кларк — ясно, что это за птицы. О'Хара — маньяк, одержимый жадной разрушения, опасный для общества. Кларк и Спарроу спровоцировали несчастного старика Хиллари на убийство, даже уплатили ему за это. Жена Спарроу тоже коммунистическая особа. Мистер Уилсон Ли сам видел, как она с жадностью читала коммунистическую газету «Уоркер мэгезин». Страшная компания орудует в больнице «Санитас»!

Репортаж мистера Уилсона Ли произвел впечатление взорвавшейся бомбы. Конгресс в спешном порядке рассмотрел законопроект «О подрывных элементах», согласно которому все коммунисты обязаны были зарегистрироваться в полиции как нелояльные лица. За уклонение от регистрации — десять лет тюремного заключения и штраф десять тысяч холлеров.

Губернатор штата отдал приказ о закрытии опасной больницы. Санитасовцев затаскали по комиссиям, полицейским управлениям и судам. И хотя старик Хиллари клялся и божился, что его поединок (он так и говорил — поединок) с фон Раковым не имел никакого отношения к Спарроу и Кларку, суд не реабилитировал их как невиновных, а «оправдал» в своем приговоре ввиду недостатка доказательств. Подозрение в подстрекательстве на убийство осталось на них как позорное клеймо.

Детективы перевернули в «Санитасе» все вверх дном, но так и не нашли таинственного препарата О'Хары. Однако означает ли это, что злодейского препарата в действительности не существует? Просто заговорщики припрятали его хорошенько или уничтожили. Вот и весь секрет.

Специалисты провели обследование сотен граждан, имевших несчастье пользоваться услугами больницы «Санитас». Все они оказались нормальными, здоровыми людьми. Но это вовсе не убедило детективов в том, что версия о таинственном препарате — блеф. Хэппилендцы, счастливые избежавшие коммунистической инъекции, разумеется,

ничего не знают о существовании варварского препарата. Те же, кто находится под воздействием страшных уколов, хранят тайну, ибо не в силах разоблачить своих тиранов.

Вся страна пришла в волнение, в Сан-Кристофере началась паника, берчисты устраивали факельные шествия, орали во все горло и требовали сжечь «Санитас». Их вождь Рокуэлл произнес трехчасовую речь. Он всячески поносил «слонявую демократию», которая не в силах усадить на электрический стул коммунистических заговорщиков из-за отсутствия каких-то там улик и прочих пустяков.

«Пора взять Хэппиленд за шиворот и хорошенько встряхнуть, чтобы избавиться от красных и прочих подрывных элементов», — заявил Рокуэлл. — Для этого требуется сильная рука. Эта рука — диктатура берчистов. Век демократии миновал. Наступил век суперменов, сверхчеловеков, век газовых камер для евреев, черномазых, краснокожих и субчиков с красными душами».

«Вест фармасюэл компани» призвала всю нацию широко пользоваться в порядке профилактики их замечательным патентованным средством «Форс», чудодейственное действие которого испытал на себе достойный мистер Уилсон Ли.

Врач Финней и Джесси-молчальник очутились в тюрьме. Подлый старикашка не лгал: к величайшему изумлению О'Хары, Кларка и Спарроу они и в самом деле оказались коммунистами. Знала об этом лишь Кэт. Еще на Сороковой миле Джесси вступил в компартию. Он-то и давал ей изредка «Уоркер мэгезин».

Финней и Джесси взяли как коммунистов, скрывающихся от регистрации с тайной преступной целью.

— Что же ты скрывал от нас свою принадлежность к этой опасной партии?! — чуть ли не плача воскликнул Спарроу, глядя, как полисмен защелкивает на Джесси наручники. — Из-за тебя мы погибаем, понимаешь?.. И ты тоже хорош, Финней! Теперь нам крышка. И нашей больнице тоже.

Финней только улыбнулся. А Джесси... Джесси-молчальник в упор посмотрел на Спарроу чистыми, честными глазами и поразил всех. Великий молчальник произнес целую речь.

— Да, Генри, — ответил он спокойно, с легкой иронией, — я коммунист. Можешь осмотреть меня. Пощупай мою голову и убедись, что на ней нет бесовских рогов. И хвоста

у меня нет, и копыт тоже. Так, обыкновенный человек. Почему я молчал? Да потому, что нынче в нашей стране можно похвалиться миллионами, украденными у тысяч бедняков, рекламировать оружие, несущее смерть и горе миллионам людей. Можно хвастать подлостью, лицемерием, двоедушием, если они приносят доход. Всякий порок — благо, лишь бы он вызывал золотой дождь. Всем можно хвастать. Так распорядилась кучка обирал, преступников, возведенных в королевское достоинство. И поэтому я вынужден был скрывать принадлежность к партии с кристальной совестью. Эх, Генри, Генри! Ты знаешь меня не первый год. Скажи, похож я на преступника, на заговорщика? Сомневаешься ли ты в моей честности? Нет? Ну так знай, что Джесси-молчальник — самый рядовой, самый обычный коммунист. Среди нас есть люди, которым я и в подметки не гожусь. Они не задумываясь отдают жизнь, чтобы спасти старика, сами будут голодать, но накормят бездомного ребенка, «странные коммунисты» жаждают не крови, они хотят, чтобы мир и счастье воцарились на земле. Подумай хорошенько, Генри. Задумайтесь над тем, что я сказал, О'Хара и Кларк. Не так часто произносит речи Джесси-молчальник. Но уж коли меня прорвало, скажу еще немного.

Наш народ — народ честный, прямодушный, мужественный. Хитрые мерзавцы посадили его в клетку, из которой ему открывается образцово-показательный вид: собственный домик с холодильником и телевизором, детишки, резвящиеся на лужайке, автомобиль у подъезда... Это очень заманчивый вид. Стоит лишь обзавестись работой и продать свою жизнь в рассрочку. Этот вид или мечта о нем сделали многих хэппилэндцев тихими, послушными, им нет дела до других.

К сожалению, таких наивных людей немало. Они охотно верят, что Джесси-молчальник — заговорщик, исчадие ада. А если и не верят, то помалкивают, ибо так спокойней, меньше риска потерять работу. Демагогия и страх правят нашей страной. Рвутся к власти фашиствующие группы.

А люди молчат.

И это самое страшное.

Не молчат коммунисты. Нас фактически загнали в подполье. Но мы продолжаем борьбу за народное счастье, используем любую возможность помочь людям. Вот почему

Финней и я поступили в «Санитас». Теперь ты понимаешь, Генри, почему полицейское управление расщедрилось, одалжило Джесси-молчаливика великолепными стальными наручниками? То-то. И все-таки мы верим, придет время, у людей откроются глаза; они прозреют. Миллионы честных хэппилэндцев уже сейчас сознают...

— Хватит,— перебил Джесси полисмен.— Этак вы и меня с толку собьете. Ну и мастера эти коммунисты объяснять что к чему. Прошу в машину, джентльмены.

* * *

Долго сидели трое друзей в тягостном молчании. Вдруг раздался звон разбитого стекла. Еще, еще... Генри, О'Хара и Эд выскочили на улицу.

Перед больницей горланила толпа хулиганов.

— Ага! Вот они!— завопил огромный рыжий детина, главарь банды, размахивая пистолетом.— Бей их!..

Рыжий выстрелил, угодил в стеклянную дверь, довольно заржал.

— Бей их!

Но в этот же миг раздался второй выстрел. Рыжий выронил пистолет и с ревом кинулся наутек. Хулиганов, как ветром снесло.

— Храбрецы,— презрительно процедил сквозь зубы Эд, пряча пистолет в карман.

— Как ты неосторожно,— сказал Генри.— Нехватало теперь новых неприятностей. Ты этого типа не ранил?

— Вышиб пистолет, всего только. Фюрер недоделанный.

О'Хара вдруг рассмеялся.

— Мальчики,— произнес он весело.— А мы ведь все еще держимся. И выстоим, ей-богу. Позвоните Гопкинсу, пусть завтра вновь выходит на работу. Ничего, что прикрыли «Санитас». Мы им попортим кровь. Будем приходить в больницу, как если бы она функционировала. А у подъезда повесим плакат: «Мы готовы лечить вас даром, но нам этого не разрешают!» «Санитас» будет существовать. Договорились? Ну и отлично. А сейчас я хочу нанести визит редактору газеты «Дейли миррор энд ньюс». Я заставлю его поместить опровержение относительно коммунистического препарата, которым я истязал ублюдка по имени Уилсон Ли.

О'Хара ушел, весело насвистывая.

Ушел и не вернулся.

Вечерние газеты сообщили о том, что бывший главный врач недавно закрытой больницы «Санитас» встретил на улице автора репортажа «В застенках красных мучителей» мистера Уилсона Ли, накинулся на него, как зверь, и переломал ребра. О'Хара оказал сопротивление полисменам, выкрикивал бог знает что и даже пустил в ход зубы. Он производил впечатление невменяемого и поэтому был доставлен в психиатрическую больницу. Врачи установили, что О'Хара страдает тяжелой формой маниакально депрессивного психоза, опасен для общества и нуждается в принудительном лечении.

УДАР В СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ

— Крепко же за вас взялись, Генри,— сказал мистер Карнера и сочувственно покачал головой. Он прилетел из Чечако сразу же, как только узнал о несчастье с О'Харой.— Кажется, мне пора на сцену, чтобы обеспечить счастливый конец трагикомическому спектаклю под названием «Санитас» или «Возмутители спокойствия». Для этого я и прикатил сюда. Ну, рассказывай, как дела? Разумеется, к мистру О'Харе не допускают ни родных, ни друзей, так как больной находится в очень тяжелом состоянии.

— «Уоркер мэгезин» опубликовала в связи с этим хорошую статью, требует расследования и назначения комиссии по проверке психического состояния моего друга,— с непонятной поспешностью пояснил Спарроу.

Старик нахмурился:

— Вот что, Генри, мне не нравится твоя подозрительная дружба с этой газетой.

— Да газета по собственной инициативе...

— Тем хуже,— перебил старик.— Следовательно, ваша больница пришлась коммунистам по вкусу. Ты и без того достаточно скомпрометирован. А что касается комиссии, на которой настаивает «Уоркер мэгезин»... не беспокойся, комиссия признает твоего О'Хару маньяком, эпилептиком и шизофреником в придачу. О'Хара сел крепко и надолго. Он вышел из игры. Да!.. Кларк, говорят, носится по городу и разыскивает доктора Клири, чтобы вышибить из него дух. Смешно и грустно, Генри. Клири — мальчишка на побе-

гушках... Да что там мальчик! Клири — всего лишь шапочка мальчика, на которой написано название фирмы, взявшей его в услужение. А теперь давай поговорим о деле. Я приехал спасти тебя. Условия мои — прежние. Изменилась лишь рыночная конъюнктура. После всех скандалов, разразившихся вокруг вашей больницы, я, к сожалению, не могу предложить за «Санитас» больше трех миллионов. Вряд ли теперь я найду покупателя.

— В таком случае, зачем вам рисковать, приобретая больницу? — тоскливо спросил Генри.

— Я не рискую. Покупая по этой цене, я извлеку прибыль. Придется, правда, вложить немало денег, чтобы переоборудовать здание, однако расходы окупятся. Кроме того, я не теряю надежды сделать из тебя своего компаньона, а там посмотрим... — старик глянул на сына проницательными умными глазами; в этот момент в них мелькнуло нечто похожее на нежность. — Посмотрим... посмотрим, — с некоторым даже замешательством пробормотал Карнера и умолк.

Генри стало не по себе. «Надо кончать, — подумал он. — Чем я лучше или хуже других? Каждый устраивается, как может. Сколько можно мучиться! Сколько можно биться лбом о каменную стену?!» Но он тут же отогнал эту мысль. Наученный горьким опытом, Генри не решился ответить прямо, отказаться наотрез. Он попытался схитрить.

— Да... но... — замялся он, — а как же О'Хара? Ведь половина больницы принадлежит ему.

— О'Хара труп, — невозмутимо произнес Роки Карнера, закуривая сигару. — Мои юристы докажут, что ему даже гвоздя не принадлежит. Ведь вы так неразумно делали свой бизнес, торговали себе в убыток и, конечно, наделали уйму долгов.

— Долгов?! Каких долгов?

— Обыкновенных. Задолжали мне пропасть денег. Все документы хранятся у меня в сейфе. Подписи О'Хары не вызовут и тени сомнения в их подлинности у самых изощренных графологов. Не хватает лишь твоих подписей. Но и они появятся, если ты станешь упорствовать.

Генри вспыхнул:

— Если они появятся, я подниму скандал на всю страну! Я...

— Верю, мальчик. И поэтому они не появились. О'Хара пусть себе шумит. Забавные джентльмены, засадившие

твоего приятеля в сумасшедший дом, оказали мне этим большую услугу. Но ты, разумеется, — другое дело. Вот я и уговариваю тебя сделать все по-хорошему.

— Поймите, мистер Карнера, нельзя же так... сразу. Мы дали клятву держаться до последнего вздоха. Мне не позволит Кларк... Совесть...

— Кларк? — старик удивленно вскинул брови. — Совесть? Джентльмены, которые до сей поры вели с вами борьбу, придают чрезмерное значение общественному мнению. Подумать только! Всего пострадавших-то один-единственный О'Хара, да и тот сидит в комфортабельной палате. У меня более практичный взгляд на вещи. Пусть только пикнет Кларк — на другой же день я раздавлю его. Знаешь, как в Нью-Бардоке избавляются от слишком назойливых людей? Сперва отправляют их грешную душу на небеса, а чтобы не иметь хлопот с бренными останками, запихивают их в старый кар и везут на автомобильное кладбище. Там огромный пресс произносит свое веское слово, и кар вместе со всем содержимым превращается в аккуратный лист стали толщиной в полдюйма.

У Генри мгновенно вспотели ладони. Он подумал о том, что совершенно беззащитен, как кролик перед удавом.

— И насчет совести ты заблуждаешься, — усмехнулся Роки Карнера, который прекрасно понимал состояние Генри. — Ты настойчиво говоришь мне «вы», тяготишься сознанием того, что я твой отец... Я все знаю! А ведь по справедливости мне бы надо этим тяготиться. Ты мешаешь мне делать бизнес, я второй раз приезжаю к тебе, уговариваю. И это вместо того, чтобы приклоннуть тебя и Кларка, как лягушат! Право, мне даже как-то неловко перед самим собой. Ты, Генри, неумный человек, поскольку испытываешь мое терпение и будишь во мне голос так называемой совести. Впрочем, что такое совесть? Совесть — это всего-навсего обыкновенный эгоизм, наряженный в одежды красивых фраз. Человек поднял бумажник с пятьюдесятью холлерами, оброненный прохожим, присвоил его и затем страдает, его мучают угрызения совести. Почему? Да потому, что в бумажнике не оказалось ста тысяч. Человек страдает от того, что продешевил. Тебя, Генри, я оберегаю потому, что разумный эгоизм подсказывает мне: «Береги, береги его до тех пор, пока возможно сберечь».

— Пока возможно?— Спарроу с грустью посмотрел на Карнеру.

— Увы, мой мальчик. Но я рассчитываю на твое благоразумие, на твой патриотизм наконец. Известна ли тебе компания «Эйфкрафт энд ракетс»? Так знай: я один из ее директоров. Наша задача — покончить с проклятым гэпом*. Под угрозой престиж свободного мира, его технические возможности и социальный строй. Если Москва и впредь будет угощать нас космическими подзатыльниками, а наши ракеты по-прежнему взрываться в воздухе или на стартовых площадках... О! Это может кончиться плачевно. Так называемые простые люди уже сейчас начинают сомневаться в превосходстве нашей социальной системы. Патриотический долг — сделать все возможное, чтобы догнать русских, а в военном отношении достигнуть подавляющего превосходства в космосе. Планы намечены блестящие. Предстоит сконструировать и построить тысячи межконтинентальных баллистических ракет, космических бомбардировщиков, создать надежную систему предупреждения ответного удара, специальные космические станции; предстоит вывести на орбиту несколько сот спутников, которые смогут в любой момент, повинувшись команде, опуститься в заданных районах. Вдумайся, Генри, какие перспективы! Не пройдет и пяти лет, как ты под моим присмотром сделаешь головокружительную карьеру.

Мистер Карнера побагровел от волнения, голос его то и дело срывался.

— Все это увлекательно, но мне бы хотелось заняться больницей,— пробормотал Генри.

— К черту больницу!— выкрикнул старик с фанатическим энтузиазмом.— Я переоборудую «Санитас» под кабак. Пусть люди пьют и безумствуют, приветствуя грядущий конец света. Он не так уж страшен. Светопреставление — всего лишь грандиозная пантомима с атомным фейерверком, место действия которой — вся планета. Главное — хорошо подготовиться к ней и приобрести хорошие места. А это значит глубоко-глубоко зарыться в землю, так чтобы не достала никакая дьявольская бомба, ударить по коммунистической территории, смешать там все, превратить в прах.

* Гэп — этот термин означает отставание капиталистического лагря от Советского Союза в освоении космического пространства.

Понятное дело, красный блок не останется в долгу. Издержки неизбежны. Но мы-то с тобой и нам подобные выживем. Пересидим на глубине ста метров под гранитной скалой. Процентом десять населения, пожалуй, тоже успеет благодаря разного рода счастливым случайностям. Ух!.. Какие настанут чудесные времена! Прямо дух захватывает. Коммунисты превращены в пыль. Закон жизни — «власть силы». Двести-триста миллионов насмерть перепуганных, психически неполноценных покорных обитателей изувеченного земного шара забыли обо всем — о демократии, политике, равноправии, забастовках; они хотят лишь одного — жрать. И мы их накормим, заставим работать за жратву. Через три-четыре года планета обретет более или менее приличный вид, и настанет эпоха Диктатуры Сильных, эпоха цивилизованного феодализма. Мы будем властвовать открыто, не прибегая к демагогической бутафории парламентов, конгрессов и прочей социальной мишуре.

Роки Карнера перевел дух и вдруг произнес жалобно, с тоскливым вздохом:

— Как печально, Генри, что мне не суждено... дожить до того времени. Проклятая старость! Но ты... ты-то ведь доживешь!..

Генри Спарроу удивился и растерялся, услышав вдруг свой голос, — тихий, исполненный презрения:

— Мне очень жаль, мистер Карнера, но я вынужден просить вас... убирайтесь к черту!

Старый хищник не сразу даже понял, что приглашение убираться к черту относится к нему. Роки Карнера привычным жестом остановил Генри, да так и замер с поднятой рукой. Лицо старика стало каменное. Он посмотрел на Генри пустым, загадочным взглядом и произнес, словно рассуждая с самим собой:

— Все-таки я был прав: эти психологические эксперименты — пустая трата времени, если имеешь дело с неполноценным типом.

Старик с сожалением покачал тяжелой головой, глядя куда-то вдаль, сквозь Генри, не спеша подошел к телефону, набрал номер:

— Говорит Карнера, — бросил он небрежно. — Сейчас же отправляйтесь. Все.

Генри со страхом наблюдал за странным поведением старика; он почти раскаивался, что так грубо обошелся с ним. Проклятый характер!

Внешне Карнера не выдавал бури, бушевавшей в его душе, лишь на лбу набрякла синеватая вена, похожая на букву У. Старик нашел в себе силы, чтобы улыбнуться механической улыбкой и сказал просто, по-домашнему, словно ничего между ними не произошло:

— Так я пошел, несмышлениш. Кланяйся невестке и внукам, да смотри не вздумай своевольничать... А! Мистер Кларк!— приветствовал Карнера входящего в кабинет Эда.— Рад вас видеть. Ну, удалось вам разыскать злокозненного доктора Клири?.. Уехал за границу лечиться? И правильно сделал. Избавил вас от бесполезных хлопот. Разве вы не знаете, что мистер Клири бессмертен? Не понимаете? Ха-ха!.. Мистер Клири так же вечен как и мифическая птица Феникс, вновь и вновь возрождающаяся из пепла. Впрочем, Феникс — слишком помпезно для этого джентльмена. Попросту он — та самая гидра, у которой вырастают две головы вместо одной отрубленной. Оставьте в покое мистера Клири — это вам мой добрый совет. Желаю успехов, мечтатели!

За окном мягко фыркнул «роллс-ройс», унося в своем сафьяновом чреве старика с загадочной улыбкой, исполненной затаенного смысла.

— Что надо было этому старому койоту?..— успел только сказать Кларк.

Раздался телефонный звонок. Генри снял трубку и побледнел.

— Ген!.. Ген!..— услышал он истерический шепот Кэт.— Скорее домой... Боже! Что делать? Ген!..

— В чем дело? Говори толком,— перебил ее Генри, чувствуя, как его спина покрывается испариной.

— Четверо!.. Они сказали, что будут стрелять, заткнули мне рот... Маму связали!.. Скорее, Ген, родной мой. Украли... Украли детей! Пойми!.. Их украли! Увезли!.. Ген!

Перед глазами Генри поплыли разноцветные шарики, похожие на маленькие мыльные пузыри. Он выронил телефонную трубку и тупо уставился на Эда.

Кларк потянул его за рукав.

— В чем дело?

— Дети... украли детей,— еле выговорил Генри.

Покрытое багровыми рубцами лицо Кларка искривила болезненная гримаса. Ни слова не говоря, Эд направился к двери.

— Куда ты?!— опомнился Генри.— Погоди... вот топыга: Знаю я тебя. Небось собрался навестить Карнеру? Не добраться тебе до него. Прежде из тебя десять раз сделают покойника. Да он, наверное, уже в самолете. Надо действовать осторожно. Мне вовсе не хочется оставаться в одиночестве.

Эд все же колебался.

— Брось ты свои гангстерские замашки,— через силу улыбнулся Генри.— Самое разумное — это поехать ко мне домой, успокоить Кэт и миссис Стиклз, а затем отправиться в полицию, к губернатору, к черту, к дьяволу! Мы разыщем ребятишек. Обязательно разыщем!

— Разыщем,— тихо сказал Кларк.— Помнишь ли ты случай с сыном знаменитого летчика Чарльза Линдберга? У Линдберга бандиты требовали огромный выкуп, а он упрямился... Ген,— голос Кларка сорвался.— С тебя тоже потребуют выкуп... Потребуют «Санитас».

— Ну это уж дудки, Эд! Мы поклялись... Держаться до конца!

— Это конец. Нас слопали. Это удар в солнечное сплетение, Ген.

— Ну что ты, старина! Не падай духом. Не надо!.. Мы и не в таких переделках бывали. Ну... улыбнись, улыбнись, дружище! Ну же!..

Минуло две недели, а поиски близнецов не подвинулись ни на шаг, хотя полиция и проявила чудеса рвения и оперативности. Генри и Эд не могли пожаловаться на санкристоферских детективов: они трудились в поте лица, и разве их вина, что похитители надежно упрятали свою добычу? В дело вступили детективы и полисмены Нью-Бардока, Чечако, других городов. Тщетно! Маленькие Ген и Кэт словно в воду канули.

Отчаявшись, Спарроу сообщил губернатору штата о своих подозрениях.

Губернатор, веселый толстяк с плешью, похожей на тонзуру католического священника, сделал страшные глаза.

— Мистер Спарроу,— сказал он строго.— Я понимаю вас и сочувствую горю. Но ваше чудовищное подозрение!.. Как вы могли подумать?! С таким же успехом можно заподозрить и самого президента! Горе, великое горе пому-

тил^о ваш разум, дорогой мистер Спарроу. Но не отчаивайтесь. Мы сделаем все, что только в наших силах. Полиция уже напала на след. Преступники понесут заслуженную кару.

Генри, сгорбившийся, поблекший, поплелся к выходу.

— Баста!— заявил Кларк, когда минула еще неделя, а розыски по-прежнему не давали результатов.— Наши пинкертоны будут искать ребятишек еще сто лет. Ведь они рыскают всюду, за исключением тех мест, где надо искать. Лучший способ заключить мир с твоим сволочным папашей — это отдать ему «Санитас». Пусть подавится. Постарайся только, Ген, уладить дело так, чтобы он хоть что-нибудь оставил тебе и миссис О'Хара.

— Ничего мне не надо от него,— упрямо отозвался Генри.— Лишь бы детей вернул. У меня еще есть шестьдесят тысяч. Половину из них отдам миссис О'Хара. И пускай все идет пропадом. Уедем в Алм-Бич, Эд. Там у нас домик. Устроимся на работу...

Спарроу взглянул на друга, затем на жену и осекся, встретившись с ней взглядом. Кэтрин насмешливо смотрела на мужа, пожалуй, даже не насмешливо, а с легким презрением. Бесконечные дни поисков близнецов не прошли для нее бесследно. В темных по-прежнему густых волосах поблескивал седой иней, у уголков глаз появились лучинки морщин.

Кэтрин резко отодвинула от себя чашку с остывшим кофе.

— Стыдитесь!— произнесла она звенящим голосом.— Капитулировать перед... перед...— Не найдя подходящего слова, Кэтрин досадливо махнула рукой.— Позор! Задумать такое большое, такое благородное дело и... бежать в кусты. Я — мать, мне бесконечно дороги мои дети. И все же я настаиваю не сдаваться. Старый вурдалак шантажирует нас. Ну не убьет же он в конце концов своих внуков!

— Он может их не вернуть,— задумчиво произнес Спарроу.— Этот хищник одержим манией заполучить наследника. Вдруг ему вздумается сделать Гена душеприказчиком, наследником его миллионов.

— У него есть внук... Сын его дочери.

— Старик ненавидит свою жену. Она родила ему... неизвестно от кого. И следовательно внуки... Сознание того, что богатство перейдет фактически в чужие руки, сводит с ума старого кровопийцу.

— Но мы же разыщем, обязательно разыщем ребяташек! — с энтузиазмом воскликнул Кларк. — Умница Кэт. А мы с тобой, Ген, старые истеричные бабы.

— Вот что я вам скажу, — прервала Кларка Кэтрин. — Делайте, что хотите, но не складывайте оружия. Хитрите, прикидывайтесь простачками, петляйте. С Карнерой надо сражаться по-карнеровски. Делайте вид, будто готовы капитулировать. Поступайте как знаете, но обязательно, непременно натяните ему нос. Вспомните своих товарищей — О'Хару, Джесси, Финнея...

Генри смотрел на жену благодарными глазами.

— Учись, Ген! — воскликнул Кларк. — Учись мужеству у маленькой славной Кэт.

В передней задребезжал звонок. Почтальон привез свежую почту. Генри вскрыл большой голубоватый конверт и из него выпал листок бумаги с машинописным текстом. Запинаясь от волнения, Спарроу прочитал вслух.

Сэр!

Нам незачем спешить, и поэтому мы предоставляем Вам полгода на размышления. Если по истечении этого срока Вы не примете наше предложение, Вы никогда больше не увидите тех, кто вас так интересуется. Разумеется, Вы вправе сделать выбор хоть сегодня. Полгода — это просто льготный срок.

Если же Вы все-таки хотите поразмыслить, то вот наше требование: поезжайте за границу, посмотрите мир. Может быть, эта поездка убедит вас в том, что люди, желающие Вам добра, счастья, предлагают то, о чем только может мечтать человек.

Поезжайте за границу, сэр. Ваши бесчисленные жалобы надоели и нам, и федеральным властям. Отказ от поездки повлечет серьезные последствия. И без того жизнь Вашего друга, единственного друга, оставшегося возле Вас, сложилась не совсем удачно. Вы понимаете нашу мысль, сэр?

Уезжайте! Но если Вы согласны с нашим предложением, все сразу уладится: Вам стоит только нанести ответный визит.

— Это он, Карнерал! — воскликнула Кэт. — Он требует капитуляции. Но не сдавайтесь, обманите его. В нашем распоряжении полгода... Бедные мои дети!.. Одно ясно: надо

уезжать, уезжать немедленно. Карнера угрожает расправиться с дядей Эдом.

— Глупости! — отмахнулся Кларк.

— Нет, это не глупости, дружище, — вздохнул Генри. — Надо выиграть время. Отлежаться на полу, как это делают опытные боксеры, получив сильный удар, набраться сил и перейти в контратаку. Мало ли чего может произойти за полгода! А вдруг... вдруг мой родитель отдаст богу душу?! О, это было бы идеально! А уехать мне с Кэт необходимо. Иначе Карнера уничтожит тебя, Эд. А мы.. Пускай старая гиена воображает, что мы утратили мужество!.. Итак, решено: я и Кэт уезжаем за границу!

В РАЗЛУКЕ

Париж, Елисейские поля, улица Петера первого
(сербского),
отель «Петер Премьер сербьен», Гарольду Гроу.

Дорогой друг Генри!

Пишу на парижский адрес, хотя, очень возможно, ты еще не вернулся из Ирана, куда, как это явствует из телеграммы, ты укатил на розыски Гордона Стиклза. Желаю успеха, старина.

Если ты все еще странствуешь — не беда! Письмо мое терпеливо будет ждать твоего приезда, если только оно не затеряется в конторке портье.

А теперь все по порядку. Я не мастер сочинять письма. Если что не так — не взыщи. Пишу, как умею.

Живу в твоём кабинете (квартиру оставил), как цепной пес, охраняю наш «Санитас». Но — представь себе! — никаких происшествий. Все словно забыли о нас. Видимо, Карнера решил, что мы уже у него в кармане и терпеливо выжидает время. А это мне на руку.

Представь себе, дружище, на земле, оказывается, немало хороших людей. «Санитас» будет лечить больных, поверь мне. Если хочешь знать, у нас появились помощники и друзья. Я принял на работу пятерых молодых врачей и трех медицинских сестер. Понятное дело, пришлось объяснить обстановку, так сказать, специфику нашего положения. Кое-кто из желающих дал тягу, а эти остались. И заметь, Ген, лишь одна-единственная медсестра сказала

так: «Мне нынче все равно, мистер Кларк. Я отчаялась найти место. Поработаю хотя бы до тех пор, пока вас не поднимут на воздух».

Как видишь, для этой женщины главное — работа. Она добросовестно выполняет мои распоряжения и все. Никаких высоких идей! Лишь бы прокормить детей. Хотя и это ее желание заслуживает уважения. Зато остальные санитаровцы — парни (хотя среди них есть и женщины) что надо. Их прежде всего привлекает наше желание лечить людей, не делая из медицины рынка, на котором до хрипоты торгуются из-за каждой паршивой слепой кишки. Есть, старина, есть в нашей стране настоящие люди, энтузиасты. Из них я и сформировал в ожидании твоего возвращения небольшой штат больницы.

«Санитас» выглядит что надо — все вычищено, вымыто, вместо разбитых дураками-хулиганами стекол вставлены новые. Обновили мы и плакатик у подъезда, ну тот самый: «Мы готовы лечить бесплатно, но нам этого не разрешают делать!» Врачи и медсестры приходят в больницу ровно в девять утра... В общем все о'кэй. Недостает только славного старика О'Хары да тебя с Кэт.

Кстати об О'Харе. К нему по-прежнему никого не допускают. Лишь его жене разрешено десятиминутное свидание раз в две недели и то в присутствии врачей и санитаров. Почему? Официальный довод: больной склонен к убийству, его нельзя оставлять наедине с женой — он может натворить бед. Миссис О'Хара заходила ко мне, рассказывала, что старик и в самом деле не в своем уме. То он твердит, что абсолютно здоров, то плачет, то несет бог знает какую чушь. Ох, чует мое сердце, погубят старика, нашего старого доброго друга! Сам я не решаюсь затевать скандала. Еще наломаю дров. Вот вернешься — сообща возьмемся за это дело, вытащим О'Хару на волю. Каково ему там приходится!

Однако хватит бередить тебе душу грустными воспоминаниями. Расскажу лучше кое-что более веселенькое.

Ты, надо полагать, теряешься в догадках: как это Эд сумел набрать для больницы небольшой штат, откуда взял деньги? Открою тайну. Я отлично знаю, что после разного рода расчетов и уплаты долгов у тебя осталось всего пятьдесят тысяч, половину из них ты вручил миссис О'Хара, а из оставшейся половины пять тысяч отдал мне. Ну по-

суди сам, имею ли я право тратить твои последние деньги! И вот я подумал-подумал и решил: «Надо подзаработать, не сидеть же на шее семейного друга».

И я заработал, здорово заработал. Подвернулось хорошенькое дельце. Немного рискованное, правда, зато денежное. Кинокомпании, специализирующейся на съемках разного рода киноужасов, понадобился летчик, который согласился бы пролететь на самолете под крохотным мостиком, сшибить колесами крышу с сарайчика и, наконец, нырнуть вместе с машиной в реку.

Желающих свернуть себе шею не оказалось. Пришлось мне выручить кинокомпанию, попавшую в безвыходное положение. И представь себе, дружище, все обошлось как нельзя лучше. Я проскользнул под мостиком, исправно сшиб колесами крышу, которая, по правде сказать, дышала на ладан, и ухнул в реку. Чертовски неприятное купание! Однако все обошлось чудненько — набил на лбу здоровенную шишку и вывихнул левую руку. Сейчас почти все прошло. А знаешь какова стоимость шишки и вывиха? Пятнадцать тысяч холлеров! На эти деньги я и содержу штат «Санитаса». Недурно устроился, а?

Но это не все. Моей персоной заинтересовался владелец авиационного цирка мистер Бергер. Ему пришла в голову гениальная идея выбросить дядю Эда из вертолета без парашюта в санкристоферский залив с высоты сто пятьдесят ярдов, — за приличное вознаграждение, разумеется. Атракцион суперкласса. Да и платит мистер Бергер поярдно — полсотни за ярд. Выгодно? Выгодно. Вот я и согласился, подписал контракт, по которому обязуюсь совершить семь прыжков. Если первый прыжок окажется успешным, высота второго увеличивается на пятьдесят ярдов и так далее. После двухсот пятидесяти ярдов повышается и гонорар — сто холлеров за ярд.

Мог ли я отказаться от этого контракта! Не ругай и не пили меня, дорогой Ген. Знаешь, что я тебе скажу? всю жизнь я старался быть человеком, уж не знаю, как это у меня выходило, но старался. А когда возникла идея с «Санитасом», я понял: «Вот ради чего следует тебе жить на земле, Эд. Черт с ним, что вкруг тебя шныряют сволочи и пройдохи. Когда-нибудь им будет крышка. Человек рождается для добра. Так делай доброе дело, борись за него, защищай его руками, ногами, зубами. Будь человеком».

Поэтому-то я и стараюсь им быть. Я холост, одинок. Почему бы мне и не прыгнуть в залив ради нашего общего дела? Я ведь оговорил в контракте пункт, который обязывает мистера Бергера рекламировать мои прыжки так: «Игра со смертью во имя жизни! Весь гонорар, полученный мистером Э. Кларком за участие в воздушном аттракционе, идет в фонд помощи больнице «Санитас», основанной Г. Спарроу и Ч. О'Харой и временно закрытой властями под давлением конкурентов этой истинно человеколюбивой больницы».

То-то запрыгает старый шакал Карнера! А как взвоют джентльмены из Хэппилендской ассоциации! Ведь для них это все равно, что сапогом в нос! Люди воочью убеждаются в честности наших намерений. И потом... «Санитас» существует! Существует, несмотря на травлю, шантаж, угрозы! Вот как. Мой заработок даст возможность увеличить штат.

Не сердись на меня, Ген. Так надо. Да и о чем сейчас толковать? Контракт подписан, разорвать его я не могу. Короче, как говорил мистер Цезарь: «Рубикон перейден».

Не сердчай, друг. И ничего не говори Кэтрин. У нее, бедняжки, и без того много переживаний.

И если ты будешь умницей, я в заключение сообщу тебе нечто совсем жизнерадостное.

Слушай. Вчера мне позвонила неизвестная женщина и сообщила, что в августе твоих детей отправляют в Неаполь. Жить они будут в отеле «Ройял». Так что можешь поискать их там, а заодно и поглазеть на олимпийские игры, коль скоро очутишься в Риме. А в Неаполе состоятся состязания яхт... Эх, счастливчик!

Да! Чуть не упустил из виду: если разыщешь ребят-шек, но не сможешь их присвоить, дай знать. Мигом прилечу. Выберу время между прыжками и примчусь.

Интересно, кто же все-таки звонил? Сколько ни добивался, один ответ: «Есть люди, которые не забывают добра».

Значит есть такие люди! До чего же приятно жить, сознавая, что наша страна — искусственные джунгли и, следовательно, настанет время, когда всему зверскому придет конец.

Ну вот я и ударился в лирику, старина, а это верный признак того, что мне пора закругляться.

Поцелуй, пожалуйста, от моего имени Кэт. Пусть не грустит: я уверен, все уладится.

Мысленно тебя обнимаю, твой друг

Эдлай Кларк

*8 мая 1960 г.
Сан-Кристофер.*

P. S.

А у тебя все-таки варит котелок. Молодец, что придумал записываться в отелях под именем Гарольда Гроу. А то это письмо наверняка затерялось бы в авгиевых конюшнях почтового ведомства.

Ну, до скорой встречи!

Кларк.

ЮСХ, Сан-Кристофер, больница «Санитас»,
Эдлаю Кларку

Дорогой дядя Эд!

Ну и задал же ты мне хлопот своим письмом! Не руку — мозги ты себе вывихнул, вот что. Выдумал же — прыгать из вертолета в залив! Как хочешь, Эд, а все же ты заслуживаешь хорошей трепки. Удивляюсь, отчего это тебя не сподобило на благо нашей больницы публично пить серную кислоту, сидеть на колу или боксировать с гориллой? На мой взгляд, эти номера куда безопасней прыжков. Настоятельно требую, чтобы ты послал мистера Бергера ко всем чертям. Если ему невтерпёж, пускай сам прыгает в залив, наземь, в крапиву, в адский котел — куда пожелает. Я не хочу лишиться единственного друга. Ну, а если мистер Бергер потребует неустойку — продадим наш «Санитас», и дело с концом. Все равно нас придушат.

Эд, голубчик, опомнись! Ка-те-го-ри-че-ски запрещаю публично разбиваться на потеху толпе, на радость моему троглодиту папаше и живодерам из медицинской ассоциации.

Понял?! И хватит об этом.

Расскажу теперь о моей одиссее.

Знаешь, дружище, я не жалею, что мне пришлось покинуть Хэппилэнд и немного постранствовать по свету. Я стал лучше понимать жизнь и, как это ни парадоксально,

отчетливее видеть на расстоянии страну, в которой имел счастье и несчастье родиться и прожить сорок лет.

Наша родина очень похожа на рекламные открытки и глянцево-плакаты, призывающие совершить туристское путешествие: они морочат голову людям, манят их лакированными пальмами, ослепительными улыбками гаитянок, золотыми кудрями северных красавиц, отполированным небом неописуемой прозрачности и прочей экзотикой. Мы, хэппилендцы, — жертвы рекламы. Реклама вколачивает в наши головы гвозди «непреложных истин», а мы покорно воспринимаем их. Мы привыкли видеть в рекламе своего поводыря, над которым иной раз можно посмеяться, но послушаться его невозможно, ибо реклама — наш Дельфийский оракул, тысячеустый пророк.

Не улыбайся, Эд. Разве ты не жуешь чунинг-гам только потому, что реклама предрекла тебе завидную судьбу потребителя жевательной резинки, убедила в ее достоинствах, заставила сунуть эту резинку в рот? Ты поглощаешь в год сотню галлонов кока-колы и пепси-колы, по приказу рекламы выбираешь президента ЮСХ в зависимости от того, какой из кандидатов обеспечил себе самую броскую, шумную и настойчивую рекламу.

Как видишь, реклама опекает тебя всюду — от выбора кальсон до выбора президента. И это не все! Ты, я, миллионы хэппилендцев, повинуюсь рекламе, так же покорно приемлем нашу социальную систему, как и жевательную резинку.

Что поделаешь — реклама!

Ах, какие у нас есть мастера в этой области! Доки почти лучезарных перспектив, специалисты по лакировке социальных контрастов, артисты-косметики, превращающие звериную харю свободного предпринимательства в ангельский лик; чародеи демагогии, факиры средних цифр...

Я не оговорился, Эд, — факиры средних цифр. Если взять годовые доходы мультимиллионера и безработного, сложить, а затем честно разделить их пополам, получится великолепная средняя цифра — мать так называемого «среднего хэппилендца», счастливого, преуспевающего, довольного, улыбающегося чуть ли ни десятью дюжинами безукоризненных рекламных зубов. Он олицетворяет собой Хэппиленд — страну равных возможностей, им тычут в глаза всему миру, его вид утешает голодного безработ-

ного земляка, стоящего в очереди за благотворительной похлебкой.

«Средний хэппилендец» — общее детище средней цифры и виртуоза рекламы, плод любви коммивояжера демократии к социальной демагогии. До чего же заманчиво и экзотично глядит «средний хэппилендец» с рекламного плаката!

У этого славного парня есть единственный недостаток: его как такового не существует, он лишен живой крови и плоти. И, тем не менее, ему поклоняются миллионы простаков. Когда-то люди верили в привидения. Это было глупо и приносило мало практической пользы. Ныне кудесники частной собственности пустили бродить по миру призрак «среднего хэппилендца» для того, чтобы бесплотный дух рекламировал мираж счастья и процветания, религию туго набитого кошелька.

Но с меня хватит, Эд! Я не хочу больше бить поклоны идолу стяжательства, фетишу наживы. Сними-ка и ты с глаз шоры и розовые очки. Осмотришь по сторонам. Никаких тебе лазурных далей. Всюду цинизм предприимчивости да кровавый оскал конкуренции, стоны гибнущих и довольное урчание пожирающих чужое добро, чужие жизни. То, что происходит с нами, мой друг, — не печальный случай, а закон жизни. Этот закон гласит: «Люби ближнего, но не проморгай случая его сожрать, иначе сам очутишься в чьем-нибудь брюхе!»

И самое странное, нет виноватых! Каждый цепляется за жизнь. Уилсон Ли жалок в своей запроданной злобе; доктор Клири торгует человеческими страданиями не по доброй воле — его заставляет необходимость; несчастная миссис Томпсон, обвинившая О'Хару в убийстве ее мужа, спасла тем самым жизнь своих детей; заботы о брате толкнули медсестру на предательство... В сущности говоря, разве можно винить этих несчастных? Их души растлили хищники из породы Карнеры. Но если хорошенько разобраться, то и Карнера... Крокодил есть крокодил. Уж лучше осудить всевышнего, создавшего крокодила.

«Но кто, — спросишь ты, — кто создал Карнеру и его присных? Неужели бог? Он ведь состряпал человека по своему образу и подобию. Да разве людоед Карнера хоть отдаленно смахивает на своего творца? Нет, Ген, тут что-то не так».

Ума не приложу, зачем понадобилось всевышнему сотворить мир и затем с идиотским спокойствием взирать на

творящиеся в нем безобразия. Может, старик прошляпил, переоценил свои способности, а когда увидел, что к чему и схватился за божественный нимб, было уже поздно вносить конструктивные изменения? Но я твердо уверен в одном: к сотворению шайки карнер всевышний никакого отношения не имеет. Возможно, короли, императоры и впрямь божественного происхождения, хотя это вряд ли является хорошей рекомендацией верховному существу, на чьей совести лежит затея сделать их своими заместителями на земле. Однако даже небесный экспериментатор не додумался бы до изготовления карнер, компрометирующих имя человека.

Этих упырей создал другой бог в трех лицах — Собственность — Нажива — Чистоган.

Но кто, какая злая сила породила свирепое божество, которому поклоняются карнеры?!

На этот вопрос у меня нет ответа.

Поездка в Иран окончательно открыла мне глаза. Здесь контрасты жизни особенно разительны, зримы, а нищета не прикрывается фетровыми шляпами и фитовым листком рассрочки. Каким же я был дураком, воображая, будто можно делать честный бизнес! Это все равно, что верить в существование сухой воды, которую можно пить, в непорочное зачатие и чудесные свойства патентованного эликсира, который, якобы, возвращает на голую, как шарикоподшипник, лысине буйные кудри.

Нет честного бизнеса! И повинен в этом строй, при котором мы живем. Честное слово, Эд, меня так и подмывает заглянуть за «железный занавес». Любопытно до чертиков, как же там обходятся без бога и без божественного Чистогана, в частности?

На какие только противоестественные поступки не толкает людей нужда. В Париже я видел талантливого художника, который зарабатывал тем, что рисовал копии абстракционистских «картин», наляпанных отвратительной и глупой мартышкой. Должно быть, правы дарвинисты, утверждая, что человек произошел от обезьяны, поскольку ныне происходит обратное явление и, видимо, не за горами то время, когда обезьяны станут горевать о том, что произошли от человека.

И они будут правы. В какое сравнение могут идти глупые гримасы гамадриллов с гримасами нашей жизни. Композитор сочиняет симфонию... из семи блюд! Толпы «зна-

токов» спешат послушать концерт, исполняемый на дюжине... радиоприемников! Аморфная куча, похожая на окаменелые экскременты ископаемого чудовища, признается гениальной скульптурой! Газеты взахлеб расписывают «конкурс всеядных», на котором люди — пойми, люди! — глотают термометры, ложки, крючки, вилки! И все это ради денег!

Дорогой Эд! Если ты в своем письме ударился в лирику, то я, как видишь, расфилософствовался. Даже не поблагодарил тебя за добрую весть о детях. Обязательно подкараулю их в отеле «Ройял», если только таинственный телефонный звонок не мистификация.

А теперь все-таки о моей одиссее. В начале марта прилетели мы в Тегеран. О Гордоне ни слуху, ни духу. Да, говорят, был магазинчик в районе Топхане, торговал в нем какой-то долговязый хэпилендец антикварным оружием. Часто выезжал, должно быть, в поисках товара. А года четыре назад закрыл свое заведение и исчез.

Пришлось обшарить весь город. Вот где я столкнулся лицом к лицу с контрастами. Центр города, как с гордостью утверждают самодовольные местные дельцы, ничем не уступит Парижу. И в самом деле, Париж и никаких гвоздей: шикарные рестораны, светящаяся реклама, поток сверкающих лаком автомашин, роскошные дворцы, витрины магазинов на улицах Лялезар и Стамбули ломятся от товаров, привезенных со всех уголков планеты... Но вот свернул в переулок — и сердце обливается кровью... Покосившиеся глиняные домики, лохмотья вместо одежды, глаза, изувеченные голодом и трахомой, грязь, вонь, зазывалы, с профессиональным бесстыдством предлагающие помыться в восточной баньке в обществе многоопытной «ханум», двенадцатилетней девочки или даже мальчишка; грязно-серые лепешки, которые омерзительно хрустят на зубах, ибо муку для них мололи в ступе из песчаника. И всюду терзающие душу то жалобные, то жадные, то иступленные возгласы: «Бакшиш... Бакшиш!.. Бакшиш!!!» Существа, отдаленно напоминающие людей, молят, вымогают, угрожающе требуют: «Поддай... Поддай! Поддай!!!», хотя точное значение слова «бакшиш» иное, нечто вроде «подарок», «сувенир».

В Тегеране мы не нашли Гордона. Нам посоветовали съездить в Мешхед, куда, как мы слышали, частенько он наведывался. Отправились в автомобиле.

Невеселая это была поездка. Представь себе пустыню, в которой изредка попадает несколько приличных домов, окруженных лачугами, да притулившись у дороги кособокие чайные, где можно выпить из крохотного стаканчика чаю с подмешанной в него «для крепости» содой и подцепить трахому или на худой конец десяток-другой вшей.

Мешхед не представляет исключения. В нем только побольше красивых домов и побольше лачуг. Единственно, чем он может гордиться, — это изумительная мечеть, в которой покоится прах святого Резы.

Мы прибыли в Мешхед весной, в дни, когда празднуется мусульманский новый год. Толпы паломников, правоверных шиитов осаждали мечеть, чтобы прикоснуться, поцеловать священную решетку гробницы святого Резы, якобы ниспосылающего благодать и счастье.

Зрелище было волнующее. Я смотрел и размышлял о том, что как бы там ни было, а все-таки религия облагораживает душу человека, заставляет его — пусть на время — забыть о корысти и других низменных интересах. Я так увлекся! Не сразу даже почувствовал, что кто-то трогает меня за рукав — служка с реденькой прозрачной бородкой, просительно заглядывая мне в глаза, вкрадчиво журчал:

— Мсье, желаете взглянуть на гробницу? Очень интересно!.. Фанатизм толпы, сотни рук, конвульсивно вцепившихся в священную решетку... Всего триста туманов, мсье.

И я, неверный, враг Магомета, очутился в святая святых, в усыпальнице Резы! Меня попросили только снять башмаки, да мулла прочел коротенькую молитву, умоляя аллаха простить мой визит в знаменитую мечеть и принять в расчет тот факт, что триста туманов на полу не валяются.

Даже неистовая религия ислама бессильна перед божественным Чистоганом!

Мы не нашли в Мешхеде Гордона. Не стану описывать наших мытарств, пока мы колесили по стране, в которой население, как молоко, пропущенное через сепаратор, делится на сливки и худосочный сток. Измученный землетрясениями Горган, Бендер-Шах, заросли одичавших гранатов и апельсиновых деревьев на южном побережье Каспийского озера-моря, Пехлеви, Казвин, Зенаджан — вот далеко не полный перечень городов, в которых мы так и

не обнаружили несчастного торговца антикварным оружием.

Счастье улыбнулось нам в Резае, если эту скверную гримасу можно назвать улыбкой. На берегу озера Урмия кривлялась какая-то развалина. Старожилы уверяли нас, что эта человеческая рухлядь когда-то скупала кинжалы и разные там ятаганы. Седобородый старик в чалме, похожий на святого, рассказал нам историю кривляющейся развалины.

— Видит аллах, я расскажу чистую правду, — поклялся святой. — Этот человек называл себя Гордоном, скупал сабли, кинжалы, поломанные ружья и перепродавал их. Четыре года назад он отправился в Хой, на турецкую границу, а там грабители обобрали его до нитки.

Человек по имени Гордон вернулся в Резае и пытался утопиться в озере Урмия, однако благодарение аллаху вода в нем настолько плотна, что утонуть невозможно, разве только если привязать камень к шее. Но человек, именуемый себя Гордоном, не захотел возиться с камнем. Он стал пить очень много виноградной водки со священной цифрой «66» на бутылке. Эта водка вселяет в душу людей злых духов. И духи поселились в душе Гордона. Удивляюсь, откуда только он берет деньги на водку? Может быть, ему подают милостыню. У нас уважают умалишенных, если только они не буйствуют и не угрожают убийством. Если вы ищете человека по имени Гордон, торговавшего кинжалами времен великого шаха Аббаса, то вот он перед вами, да продлит аллах вашу жизнь, жизнь ваших детей и детей ваших детей!

Святой закончил рассказ, благоговейно провел ладонями по лицу, бороде и попросил бакшиш.

Представь себе, Эд, он говорил чистую правду. Кэт ухитрилась узнать в глупо ухмыляющейся, трясущейся рухляди своего брата. А он ничего не помнил, ничего не понимал и не желал ничего соображать!

Кто превратил цветущего, полного сил человека в заживо разлагающийся труп? Бутылка со священной цифрой «66»? Ничего подобного. Его убил Чистоган!

Мы привезли Гордона (точнее то, что от него осталось) в Париж, поместили в лечебницу. Но надежды на выздоровление нет. Врачи говорят, что он долго не протянет.

Так-то вот, Эд! Невеселое у меня получилось письмо. Не пили меня за это. Я ведь не виноват.

Июль мы пробудем во Франции, а в августе — в Италию, полюбоваться отелем «Ройял». Не сердись на меня, дружище, за то, что я гоняю по Европе, а тебе приходится заниматься черновой работой. Надо же нам выгодать полгода. Постараюсь даже еще месяц урвать у Карьеры. А потом мы за него возьмемся в четыре руки. За все он ответит: и за О'Хару, и за моих детей, и за Финнея с Джесси, и за наши мытарства. Мы его выведем на чистую воду.

Выше голову, дядя Эд, и не смей водить дружбу с мистером Бергером — сорок бочек чертей ему в глотку!

Кэт шлет тебе братский поцелуй, а я изо всех сил хлопаю тебя по спине. Будь здоров!

Твой друг
Генри Спарроу.

28 июля 1960 г.
Париж.

P. S.

Как тебе нравится скандал с разведчиком-неудачником летчиком Пауэрсом? Ловко его русские сшибли — первой же ракетой! И поделом. Странные парни русские. Неужели они и в самом деле нацелились на войну? Вряд ли. Разве можно верить газетам?! В Иране есть мудрое и забавное изречение: «Муж, выслушай совет жены и поступи противно ее совету». Мне кажется, этим изречением полезно руководствоваться при чтении наших газет.

Ну, пожалуй, на этом уже в самый раз ставить точку.

Всех благ тебе, Эд! Спасибо, спасибо за сведения о ребятах.

Генри.

Италия, Неаполь, отель «Ройял»,
синьору Гарольду Гроу.

Привет пирату XX века, похитителю собственных детей!

Чертовски рад за тебя, Генри. Рад тому, что твои малыши Ген и Кэт избавлены от забот и внимания людоеда-дедушки, а тебя можно снова публично называть Генри Спарроу, поскольку некий Гарольд Гроу приказал долго жить.

Не будь лодырем, парень, расскажи подробнее, как ты, старый гангстер, изловчился без особого шума стибрить собственных наследников? Твоя невразумительная телеграмма «Все в порядке, нас снова четверо» да архискромные сообщения наших борзописцев, ссылающихся на информации разным там «Мессанджеро» и «Карьера делла сера» не могут удовлетворить моего здорового любопытства. Посуди сам, что мог почерпнуть я из такого, например, опуса, опубликованного в «Сан-Кристофер стар»: «Как сообщают итальянские газеты, похищенные в начале этого года дети-близнецы, отцом которых является печально известный в нашем городе м-р Генри Д. Спарроу, обнаружены в Неаполе. По-видимому, похищение было совершено состоятельной, но бездетной четой итальянцев. Дети возвращены родителям. М-р Спарроу и его супруга отказались от каких-либо комментариев».

Ну, что ты на это скажешь? Косноязычно, туманно и уж до того лаконично, что орать от восторга хочется. Что, голубчики, прикусили свои длинные языки?!

Поздравляю, Ген, от души поздравляю тебя и несравненную твою супругу Кэт! Расцелуй от имени дяди Эда малышкой. Хотя не такие уж они малыши. Когда мне было десять лет, я чувствовал себя настоящим мужчиной. Радыврадешеньки, наверно, что вновь под родительским крыльшком. Но ты не очень-то задирай нос. Просто детишки в восторге от того, что снова могут обнять свою чудную мамочку и повидать дядю Эда. А ты тут ни при чем.

Эх, дорогие бродяги, и соскучился я по вас!

Вот видишь, меня опять тянет на лирику. Опасная штука. Поэтому займусь-ка лучше делом.

Письмо твое, Ген, то, в котором ты философствуешь, обрадовало меня и расстроило. Приятно, конечно, когда друг умеет толково шевелить мозгами, а расстроился я потому, что ты, философ-самоучка, прав! Я не мастер размазывать на бумаге умные слова. Одно скажу: насчет Чистогана — это здорово у тебя получилось! В самую точку попал. И о рекламе правильно написал. Задел ты меня за живое. До того расшевелил, что я и на старости лет, поднатужившись, сделал вывод: наша хваленая свобода — это свобода жрать друг друга. А раз так, значит, неладно устроен наш мир.

Ты не беспокойся, это письмо не попадет в лапы нашего любимца мистера Карнеры: я отправил его с одним сим-

патичным парнем, улетавшим в Европу. Поэтому я могу писать все, что хочу. А вот ты напрасно нагородил с три короба в своем послании. Хотя, если разобраться, почему ты, собственно говоря, не имеешь права записывать свои мысли? Кому какое до этого дело? У нас ведь, слава богу, свобода!.. Тьфу! Свобода! Я ведь только что сам сказал, какова эта штука — свобода.

Завидую тебе, Ген, изнываю от желтой зависти. Франция, Иран, Италия... Слова-то какие красивые! А ты эти страны вдоль и поперек исколесил. Недаром тебя называли счастливчиком. Жаль только, что с братом Кэт нехорошо получилось. Если он пришел немного в себя, передай ему от меня привет. Вы ведь скоро вернетесь в Париж и увидите с Гордоном. Дай бог ему поправиться.

Ген, а ты все-таки не так глуп, как кажется. Светлая у тебя голова. Правда, не целиком — местами дурь проглядывает. Ну зачем, спрашивается, подмывает тебя взглянуть за «железный занавес»? Газеты, конечно, врут насчет коммунистических зверств, похищений мирных туристов и всяких там казарм и обобществленных детей. Но зачем рисковать? Мало у тебя своих хлопот? Нам с тобой работать и работать! Старика О'Хару вызволить нужно, твоего ненаглядного папочку охота слегка придушить, а главное — добиться своего, вновь открыть нашу больницу.

Мы здесь не сидим сложа руки. Если хочешь знать, больничный персонал уже сейчас делом занят. Чего, спрашивается, врачам и медсестрам в закрытой больнице торчать? Для демонстрации? Мол, смотрите, — в любой момент можем оказать помощь страждущим. Сколько можно демонстрировать! Вот я и решил, набравшись от тебя восточной мудрости: «Если гора не имеет возможности идти к Магомету, то пусть Магомет потопает к горе». Люди подобрались хорошие, душевные, трудятся не за страх, а за совесть. Знаешь, что они делают? Ходят по квартирам, населенным бедняками, — здорово ты про «среднего хэппилендца» подпустил! — выискивают больных и оказывают им помощь.

Кто может запретить лечить людей? Документы у врачей в полном порядке, дипломы об окончании медицинских факультетов самые что ни на есть настоящие. Не к чему придаться. Правда, на прошлой неделе кучка негодяев попыталась избить одного врача, но дело так обернулось,

что мерзавцы еле ноги унесли. Все рабочее предместье поднялось!

Если б не полиция, от наймитов медицинской ассоциации или карнеровских лизоблюдов (кто его знает) осталась бы кучка пепла. Одного все же успели благословить цветочным горшком по затылку. Интересно знать, за деньги его будут лечить или бесплатно, — как пострадавшего при исполнении служебных обязанностей?

Видишь, все же мы завоевываем популярность. Простые люди за нас. Раздаются, правда, и телефонные звонки, хриплые глотки костерят меня на чем свет стоит, грозят свернуть шею. Но это, брат, жалкая кустарщина.

В общем и целом все о'кэй. Поскорей возвращайся. Увидишь собственными глазами, какой я толковый босс.

В заключение разреши мне малость покаяться.

Вся штука в том, что я решил не посылать мистера Бергера ко всем чертям, как это ты мне настоятельно советовал и, кажется, даже приказывал. Ты в своем уме, парень? Где это видано, чтобы сержант приказывал капитану!

Назло тебе прыгнул. И не один раз, а уже три раза. Точно такие же штучки, оказывается, проделывает швейцарец Фруад. Прыгает себе в озеро и загребает деньги.

Скажу по секрету, перед премьерой я трусил отчаянно. Того и гляди сердце из горла выскочит. Пришлось всякий раз его проглатывать и водворять на свое место.

Поднялись в воздух, набрали высоту. Глянул я вниз — защекотало под ложечкой. А мистер Бергер, ласковый такой джентльмен, по плечу меня хлопает: мол, не робей, прыгай смело, это же пустыки — прыгнуть.

А мне что-то расхотелось выкидываться.

Тогда мистер Бергер стал нашептывать мне на ухо разные нежные слова. Да от волнения я мало что соображал. Только самые жалостливые словечки до сознания дошли — «контракт» и «неустойка». Они меня и вдохновили.

И, представь себе, ничего страшного не произошло. Только перепугался до полусмерти. А в остальном все в порядке: выпрыгнул из дверцы, пролетел сто пятьдесят ярдов, плюхнулся в воду — и готово, семь с половиной тысяч в кармане! Обидно, правда, что мистер Бергер раз в десять больше моего огреб. А прыгать, поверь мне, Ген, не так уж трудно. Я ведь не голышом в залив ухаю. На мне костюм из плотного нейлона, к подошвам купальных

туфель присобачены свинцовые подошвы. Это для того, чтобы в воздухе меня не вертело. Как только вошел в воду,— дерг за специальный тросик, свинцовые подошвы отваливаются, и тебя на поверхность выбрасывает, как пробку из бутылки с шампанским.

Раз, два — и готово!

Правда, в третий раз я почему-то опять заскучал перед прыжком. Наверное, из-за высоты, с непривычки. Двести пятьдесят ярдов, как-никак. К счастью, все обошлось хорошо. Только мягкое место отшиб. И зачем меня потянуло перед самой водой сгруппироваться? Очевидно, затмение нашло; в панику ударился — слишком долго падал. Но в следующий раз буду умнее. Вытянусь столбом и, хоть убей меня,— не согнусь.

Не волнуйся за меня, старина. Дядя Эд выдюжит. Да и игра стоит свеч! За авиакатастрофу я получил пятнадцать тысяч да за три прыжка — тридцать. Итого сорок пять! Жить можно. Реклама нашей больницы роскошная. А сам я — знаменитость. Газетные ретушеры, надо полагать, проклинают меня, задал я им работенку — ретушировать мои портреты.

Мистер Бергер буквально молится на меня — так он крепко полюбил дядю Эда, по пятам ходит, о здоровье спрашивается, обеденное меню лично составляет. Надоел со своими заботами. Скорей бы отпрыгать семь раз и послать его подальше! Вообрази, Ген! Как только я выполню условия контракта, в нашем распоряжении будет около ста пятидесяти тысяч, ого-го! Карнера сдохнет от злости. Он хотел нас придушить, а мы дышим. Ха-ха! И устроим бесподобную рекламу ему и его гнусным машинам.

Ген, дуралей ты мой, мудрец и землепроходец, честное слово, соскучился я по тебе и по твоей Кэт, которой ты, несчастный, и в подметки не годишься.

Целую вас и ваших малолетних узников капитала.

Желаю всех благ

Ваш Эдлай Кларк, он же дядя Эд.

3 сентября 1960 г.
Сан-Кристофер

P. S.

Знаешь, Ген, кому ты должен целовать руки за «таинственный телефонный звонок», вернувший тебе наследни-

ков? Миссис Томпсон. Ее двоюродная сестра — горничная на вилле, где прятали твоих ребятшек. Есть, есть, есть, старина, на свете честные люди!

Р. Р. С.

Бессовестный! Хоть бы написал коротенько о том, что ты видел на римской олимпиаде. Говорят, русские спортсмены ведут себя, как на Клондайке — знай себе гребут самородки в виде золотых медалей.

Э. К.

«ЮСХ, Сан-Кристофер, больница «Санитас»,
Эдлаю Кларку.

Сумасшедший мой милый друг!

Могу ли я спокойно жить, зная, что ты все-таки твоишь черт знает что? Твоя преданность нашему делу предостойна всяческих похвал, но надо же и меру знать, парень. Ради бога, поменяйся ролями с мистером Бергером, пускай он щеголяет в нейлоновом костюме и туфлях со свинцовой подошвой. Об этом тебя умоляют Кэт и Ген большие и маленькие.

Договорились?

А сейчас слушай, как ловко я прикарманил своих ребятшек.

В отеле «Ройял» я остановился под именем Гарольда Гроу. Три дня мы с Кэт посменно дежурили в крохотной траттории, из окна которой подъезд отеля виден как на ладони. Хозяин харчевни принял нас за детективов и не мешал нести дозорную службу, тем более что я периодически спрашивал графинчик кьянти, а то и рюмочку чинцано, а Кэт ораншад и мороженое.

И мы, и хозяин были очень довольны друг другом.

На четвертый день в два часа дня во время моего дежурства подкатывает к подъезду «Ройяла» шикарный автомобиль и из него выходят двое каких-то типов и... мои дети!

Первым моим желанием было вскочить и броситься на мерзавцев, захвативших ребятшек. Однако я сумел все же взять себя в руки. Но что, что делать? Обратиться в полицию? А вдруг Карнера стакнул с местными блюстителями порядка? Да и вообще... пока власти расшевелятся,

моих Гена и Кэт быстро переправят в какое-нибудь другое место, и ищи потом ветра в поле!

Как быть? Что предпринять?

И вдруг меня осенило. Я выяснил у портье, в каких номерах расположились только что приехавшие синьоры с девочкой и мальчиком лет десяти, а затем вышел на набережную и, остановив четверых карабинеров, рассказал им в чем дело. Итальянцы — народ темпераментный, чадолюбивый. Они с жаром принялись за дело. В пылу усердия они даже не соизволили постучать в двери — попросту двое вломились в один номер, двое — в другой. Я, по счастью, влетел именно в тот «люкс», где были мои бедные ребятишки. Видел бы ты, Эд, с каким визгом кинулись Ген и Кэт ко мне на шею. Бравые симпатяги карабинеры чуть не прослезились.

Все произошло так быстро, что типчики, которым старый кайман Карнера поручил моих ребят, только рты разинули. Они несли всякий вздор, доказывали, будто бы являются воспитателями детей одного важного лица, после чего один из «воспитателей», очевидно для подтверждения справедливости своих слов, вытащил было пистолет, но тут же, сообразив, что он не в Чечако, сконфуженно сунул его в карман.

Не обошлось, к сожалению, и без накладок. Типчики сумели ускользнуть от нас. Отправились, якобы, заявить протест владельцу отеля — и только мы их и видели. Даже чемоданов не пожалели, все бросили. К сожалению, в вещах не нашлось ничего такого, что бы помогло установить их личности. Обидно, но что поделаешь!

Эх, Эд, славный, безрассудный попрыгунчик, как мы счастливы! Одно омрачает нашу радость — скончался Гордон. И хоть я его совсем не знал (до несчастной встречи в Резайе), мне его очень жаль. Бедный парень! Жертва иллюзий, несправедливости и волчьего закона нашей жизни. Кэт, сам понимаешь, тяжело переживает его гибель.

Эд, голубчик, через неделю мы вновь будем вместе. Казалось бы, и письма этого мне не следовало писать. Зачем изводить бумагу, когда можно гораздо подробнее рассказать все тебе по приезде в Сан-Кристофер? Но я не могу не писать. Я переполнен впечатлениями. И если ты думаешь, что в этом повинны олимпийские игры в Риме, то ошибаешься, хотя зрелище было грандиозное! Об олим-

пиаде расскажу, когда приеду. Лопаюсь от других впечатлений.

Ахай и падай в обморок: я был за «железным занавесом»!

Ну как, нокаутировал я тебя, а?

Расскажу все по порядку.

Меня давно мучило искушение поддаться увещеваниям нашей пропаганды и по возможности обезопасить себя и семью от жаждущих крови большевиков — этих русских, которые ходят в лаптях, грязные, заросшие свирепыми бородами, ведрами хлещут водку и запускают космические корабли.

Обезопасить себя и семью означает: купить в рассрочку саваны, сшитые в виде противоатомных костюмов, и бомбоубежище, очень похожее на комфортабельный семейный гроб.

Как же иначе? Я регулярно читаю газеты, и хотя по собственному горькому опыту знаю им цену, тем не менее меня одолевала коварная мысль: «А вдруг? Ну пусть врут. А если врут не на все сто процентов? А вдруг и впрямь нет дыма без огня?»

Сам знаешь, Эд, что пишут газеты: Советы спят и видят, как бы половчее засыпать ЮСХ водородными бомбами. Вспомни хотя бы статьи Дугласа Леви, впечатляющие странными подробностями и кошмарными деталями коммунистических порядков: труд в СССР — принудительный; дети воспитываются в казармах, которые для конспирации называются школами-интернатами; иностранцы в России таинственно исчезают; самолеты, случайно заблудившиеся в воздушном пространстве, безжалостно уничтожаются. Вот что творят коммунисты!

Читая репортажи Дугласа Леви и его коллег, я чувствовал себя так, словно к моему затылку приставили здохший кольт, заряженный разрывными пулями.

Своих неприятностей хоть отбавляй, а тут еще русские грозят.

Испытывал ли ты, Эд, такое состояние: идешь ночью по пустынной улице и вдруг слышишь шаги, кто-то тебя нагоняет. Ты невольно оглянешься. Так и со мной. Мне давно хотелось посмотреть на живых русских, познакомиться с их жизнью. Это желание с новой силой охватило меня, когда я увидел в Риме и Неаполе русских спортсменов. Ей-богу, это хорошие жизнерадостные парни, и, кля-

нись тебе, ни у одного из них не было даже намека на разбойничью бороду!

Мы возвратились из Италии в Париж, остановились в полюбившемся нам скромном недорогом отеле, где мне любезно вручили твое письмо. Здесь я случайно познакомился с русским коммунистом. Этот тоже вроде не походил на людоеда. О своей стране он мне рассказал много интересного, но, откровенно говоря, я ему не поверил — столь разительно его рассказы отличались от статей и репортажей наших корреспондентов из России.

Пойми, дружище, после всех этих встреч я просто не мог, не имел права не поехать за «железный занавес!» Возникли, правда, затруднения — как быть с ребятишками. Но советское посольство решило эту проблему просто — нам разрешили ехать всей семьей. «Ну, — думаю, — пропали! Всех четверых сграбастают — и в Сибирь, на лесозаготовки». Но бить отбой было уже поздно. Единственное утешение — от Карнеры подальше.

И вот семнадцатого сентября мы вылетели в Москву. Русский реактивный лайнер «ТУ-104» оказался отличным комфортабельным самолетом. Не успели мы оглянуться, как он примчал нас в столицу мирового коммунизма.

Признаюсь, я был ошеломлен... Великолепный аэропорт, гигантское жилищное строительство, гостиница-небоскреб «Украина», университет, величиной с приличный город, прекрасный стадион в Лужниках!..

«Невероятно! — шептал я про себя. — Что же это такое? Где были глаза у этого кретина Леви?»

И вдруг я все понял: «Пропаганда! Пропаганда чистой воды!.. Великолепный город. Люди хорошо одеты, приветливы... Ну, разумеется, все это пропаганда!»

В холле «Украины» я заметил худощавого брюнета, просматривавшего какую-то газету, и решил позондировать почву.

— Простите, сэр, — спросил я его. — Говорите ли вы по-английски?

— Да, — ответил брюнет.

— Вы русский?

— Нет, я француз, приехал сюда по делам. Изучаю русскую, а точнее советскую литературу.

— Разве существует такая литература?

Брюнет опасливо на меня покосился.

— Представьте себе, существует.

Я немного помялся и, вдруг решившись, выдохнул:

— А вы... вы уверены, что мы находимся в Москве... а не где-нибудь... ну... в другом месте.

Брюнет испуганно понялся.

— Вам плохо, сэр? — спросил он меня. — Позвать врача? Не стесняйтесь. Все равно лечение здесь бесплатное.

Я замотал головой:

— О нет!.. Простите. Понимаете ли вы, такая пропаганда...

Француз рассмеялся:

— Понимаю. Не верится. Мне тоже не верилось. А потом привык. Не сомневайтесь, вы действительно в Москве. Побываете в Кремле, в Большом театре — окончательно убедитесь. А сейчас... Да вот вам одно из неопровержимых доказательств того, что вы именно в Москве, — свеженький номер газеты «Правда».

Он протянул мне газету, и я от неожиданности отпрянул.

— Не бойтесь, — веселился бывалый француз. — Хорошая газета. Очень. Хотите почитать?

И вновь, дорогой Эд, я мысленно слал на голову мистера Леви проклятья. Ведь он либо идиот, либо сволочь. А скорей всего и то и другое. Коммунистическая газета вообще не призывала к расправе над хэппилендцами. Вовсе нет! Она была полна забот о росте промышленности и улучшении питания людей, сообщала о темпах жилищного строительства, приглашала на театральные премьеры. А что касается войны... Поверь, Эд, она требовала незамедлительного разоружения и запрета ядерного оружия.

На миг меня поразила ужасная догадка: «А вдруг этот француз вовсе не француз, а коммунистический агент, и он морочит мне голову?! По-русски я читать не умею. Мало что он мне сейчас набубнит!»

Эх, Эд, Эд! Ну хорошо, я не понимаю по-русски. Но газета-то у меня в руках. А на второй странице я увидел карикатуру, не оставляющую сомнения в добросовестности моего переводчика: троица смешно и очень похоже нарисованных наших деятелей дует, как в фанфары, в водородные бомбы и воинственно приплясывает.

Мне ничего не оставалось делать, как поблагодарить обшительного мсье и отправиться в свой номер.

До чего красива Москва, Эд! Роскошная подземная дорога, десятки музеев, театры. А какой балет! С ума сойти

можно. Очень хороша Москва, но москвичи мне понравились еще больше. И вовсе они не людоеды! Не нужна им война, Эд. Я в этом убедился.

Позволь мне теперь рассказать об инциденте, происшедшем между мною и мистером Дугласом Леви — тем самым журналистом, которого я столько раз мысленно называл кретином. Этот верткий франт с цыплячьим пухом на голове присосался к нашей группе в Ленинграде (посмотрел бы ты на этот город, Эд!).

Всезнающий Леви все время молол чушь о красной пропаганде. Признаться, его болтовня меня веселила, и я частенько доводил мистера Леви до белого каления. Дошло до того, что он даже объявил меня коммунистом.

На заводах и фабриках — никаких надсмотрщиков и вооруженных охранников; люди работают с душой, я бы даже сказал — с азартом. И так не только на заводах, но и на коллективных фермах. Что особенно отрадно — ни единого Карнеры.

Вдоволь всего насмотревшись, мы возвратились в Москву. Здесь случилась небольшая неприятность — у Кэт начался приступ аппендицита, ее отвезли в больницу и оперировали. Все обошлось благополучно, однако в ту ночь я не сомкнул глаз, волновался. Уложив детей, я слонялся по коридорам, курил и каждые полчаса звонил в больницу.

Часа в три ночи мне повстречался в коридоре Дуглас Леви. Его тоже одолевала бессонница, но, видимо, по другой причине. Журналист ухмылялся и сиял, как новенький пятидесятицентовик.

— Не спится? — спросил Леви. Его так и подмывало почесать язык, поделиться своей радостью. — Зайдем ко мне в номер, я вам кое-что покажу. Не фото, а сенсация! В сорока газетах тиснут. Как из пушки.

Я зашел к нему в номер. Леви, чуть ли не урча от профессиональной гордости, протянул мне фото. Я взглянул и ахнул. Старый охотник, с которым мы познакомились в небольшой деревне (негодяй Леви смастерил фотографию очень ловко), этот охотник с ружьем наперевес шел на группу фермеров!

— Ну как? — спросил Леви. — Подойдет подпись: «Принудительный труд под ружейным дулом».

— Взгляните, Леви, в кадр, между прочим, попал и я. Значит и меня тоже гонят на работу?

Дуглас Леви оценил мою шутку.

— Вас? — хитро сощурился журналист. — Вы же питаете симпатии к коммунистам. Почему бы и вам не потрудиться под страхом смерти... Ха-ха-ха-ха!..

Этому подонку, Эд, скоро стало не до смеха, так как я совершил такое, чем буду гордиться всю жизнь. Я взял со стола «кодак» и молча треснул им мистера Леви по башке.

Мистер Леви взвыл и схватился за макушку с таким видом, словно решил спешно раскаяться во всех своих бесчисленных грехах.

— Что вы хотите со мной сделать... сумасшедший?! — пролепетал он.

— Ничего особенного, — объяснил я. — Сейчас займусь вашей фотографией.

С этими словами я приподнял мерзавца за воротник и штаны и швырнул на пол. Он лежал, как куль. Пришлось облить мистера Леви водой из графина, чтобы он очухался. Потом я поставил его на ноги и, еле сдерживая слезы восторга, заехал по уху. Я молотил его деловито и планомерно, приговаривая:

— Вот тебе гонорар за все твои писания о коммунистической агрессии и рабском труде... А это премия за клевету... А это от меня лично и от всех тех, кого ты дурачил. И не вздумай потом писать, будто бы тебя отлупцевали чекисты. Убью!

Всю ночь на диване охал и стонал мистер Леви, а я любовался его разбитой рожей и ликовал.

— Вы опасный коммунист, — прохныкал уже на расвете клеветник. — Я все видел, вы даже интересовались их газетами.

Я удостоил его еще парочкой оплеух и пояснил:

— Вы правы, мистер негодяй. Правда привлекает всех честных людей. Эх, каким же дураком я был, читая вашу мазню! Но теперь я все понял. Плевал я на молодчиков из комиссии по расследованию! Я расскажу правду о России, обязательно расскажу... Эй, лежите смирно, а то еще всыплю.

В семь часов утра я позвонил горничной, и когда она явилась на вызов, сказал:

— Извините за беспокойство, мисс. Прошу вас... этому типу на диване... то есть... я хотел сказать джентльмену... купите свинцовую примочку. Он упал с дивана и повредил физиономию. А мне... купите мне, пожалуйста, какое-ни-

будь дезинфицирующее средство. Дело в том, что я неосторожно погладил шелудивого пса.

Горничная понимающе улыбнулась. Вскоре она принесла все необходимое. Леви получил бутылку бодяги, а я — раствор соляной кислоты.

— Боюсь, сэр, — серьезно сказала мне девушка, — что слабовата концентрация раствора. Шелудивые псы — опасные разносчики инфекции.

Я не мог ничего возразить на ее разумное замечание.

Вот и все, Эд. Дуглас Леви ходит обмотанный бинтами и нем как рыба. Не в его интересах раскрывать тайну нашей ночной беседы.

А что касается русских, мой друг, то я теперь уверен, что они хотят одного: жить со всеми в мире и дружбе.

До скорой встречи, Эд!

Твой Генри

*7 октября 1960 г.
Париж.*

P. S.

А аппендицит моей женушке вырезали бесплатно. Так что напрасно я сокрушался, потратив деньги на туристскую поездку. Если учесть, что стоимость операции и лечения в хэппилэндской больнице никак не меньше двух тысяч холлеров, то выходит, что мы совершили путешествие за «железный занавес» бесплатно! Вот чудеса! Кстати, о «железном занавесе». К черту этот дурацкий термин. Нет никакого занавеса — ни железного, ни стального, ни алюминиевого. Все это выдумки вралей, вроде Дугласа Леви.

До скорой, очень скорой встречи, дядя Эд.

Г. С.

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

В середине октября океан беспокойно заворочался в своем неоглядном ложе, заворчал, словно сказочный великан, недовольный тем, что его разбудили. Он тихо ярился, едва сдерживая свирепое клокотание, и вдруг сорвался: бешено завывая и улюлюкая, обрушил на побережье гигантские волны; жадно слизнул соленым языком сотни домов, слишком доверчиво расположившихся вблизи опасного соседа, развеял по воздуху бесчисленное множество крыш,

пожрал посевы, перекорезил несколько дюжин кораблей...

Семь дней и семь ночей буйствовал океан. А люди, как бы пытаясь оправдать и задобрить его, лепетали что-то о циклоне, землетрясении и вызванных им гигантских волнах «цунами».

Наконец океан стал утихать. Но он все еще грозно рычал и нервно, с угрозой охлестывал кипящими волнами избитые, извивающиеся от страха берега.

...Большоголовый старик стоял у открытого окна, задумчиво устремив ласковые глаза вдаль, туда, где солидно покачивался на волнах серый авианосец, похожий на селедочницу чудовищной величины.

— Молодец! — присизнес старик.

— Вы, кажется, что-то сказали, сэр?

Возле другого окна стоял рано раздобревший, рыжеватый субъект; голубоватые глазки его суетливо заметались в орбитах.

Старик повернулся к рыжеватому толстяку.

— Да, мистер Бергер, я похвалил авианосец. Отлично держится. Океан перетопил всякую шушеру, а эта махина и в ус не дует. Вот так же и люди... Кто не умеет плавать по океану жизни, — пусть не берется за это дело.

— Разумеется, сэр, — с готовностью подтвердил толстяк. — Но в данном случае меня беспокоит этот вот океан, — мистер Бергер ткнул пухлым пальцем в окно. Через пять дней должен состояться последний, седьмой, прыжок и, если волнение не спадет до четырех баллов... Ну, зачем я согласился на дополнительный контракт? Эти баллы, воздушный змей, буксируемый глассером... Если с меня взыщут неустойку, я вылечу в трубу. Бог мой! А еще говорят, будто я кровопийца. Кларк рискует только головой, а я и головой и состоянием! Как вам это нравится, мистер Карнера?

— Бросьте юродствовать, — оборвал старик. — Стыдно поносить курицу, несущую вам золотые яички. Эдлай Кларк заслуживает уважения. Четыреста пятьдесят ярдов! И во имя чего? Во имя какой-то там больницы, которую ему не суждено увидеть. Печально, очень печально, что он и его приятель Спарроу не разделяют моих взглядов на жизнь. С радостью видел бы их моими помощниками, сподвижниками, да — увы! — видно, не судьба. Странные, очень странные люди. Они похожи на древних китай-

ских мастеров. Из поколения в поколение мастера трудились над какой-нибудь вещью: гнул спину прадед, слеп, козыряясь в микроскопических деталях дед, отец посвящал свою жизнь полировке шедевра, сын украшал узорами, наконец, внук наводил лоск и с торжеством подносил богдыхану семь ажурных, входящих один в другой шариков из цельного куска слоновой кости. Эстафета поколений завершена, создан бесполезный шедевр. Богдыхан в восторге, он милостиво приказывает, чтобы вдохновенный мастер получил всего лишь пятьдесят ударов по пяткам бамбуковой палкэй вместо ста, которые ему полагались за неуплату налога.

Толстяк Бергер, слушая старика, смотрел на него внимательными непонимающими глазами.

Рокуэлл Карнера и не думал пояснять свою мысль. Он рассуждал с самим собой. Бергер играл роль безгласного слушателя; к нему иной раз можно обратиться, узнать его мнение, подпустить ехидное словцо, но беседовать с ним, как с равным, бесполезно — не тот уровень, не тот интеллект.

— Я ценю мужество, искусство, красоту, — продолжал размышлять вслух старик. — Но превыше всего для меня — польза. И красота, и искусство, и мужество должны быть полезны. Ну скажите, Бергер, какую пользу извлекли пять поколений мастеров из семи ажурных шариков? Праправнук получил пятьдесят палок вместо ста? Бесмыслица! Разве это цена красоты и искусства?

— Да... но, — начал было толстяк, но Роки Карнера лишь досадливо махнул рукой.

— Какую пользу извлечет Эдлай Кларк? Китаец получил пятьдесят ударов по пяткам. А этот славный парень получит четыреста пятьдесят ярдов. Вот и вся разница.

— Он получит тридцать пять тысяч...

— Не он получит. Больница. — Старик в задумчивости погладил пальцами край оконной рамы, не спеша задвинул окно. — Прохладно что-то... А Кларк получит... Вы знаете, Бергер, говоря откровенно, мне не очень нравится ваша персона. Зачем вы согласились? Ну станет на земле одним чудачковатым человеком меньше?

Бергер, подумав, ответил с подкупающей откровенностью.

— Я вас боюсь, сэр.

Мистер Карнера посмотрел на него иронически.

— Бойтесь? Разумеется. Но еще больше вы бойтесь, как бы не вылететь в трубу. Если шторм не прекратится, Кларк откажется прыгать, и неустойка вас задушит. Я все понимаю, поэтому и согласился взять на себя риск, связанный с неустойкой. Но берегитесь, милейший, если все окажется блефом! Я купил у вас Кларка. Сделка состоялась, и я потребую у вас товар в том виде, в каком вы обещались его представить.

Толстяк съежился, носатая его физиономия, смахивающая на домашний шлепанец, растерянно заморгала двумя голубенькими пуговками.

— Как можно сомневаться, сэр?— пробормотал он, сложив на груди пухленькие ручки.— Я понимаю... все будет в лучшем виде...

— Мне не надо в лучшем, Бергер. Чем хуже, тем лучше. А ну-ка, разъясните технологию прыжка, чтобы я был уверен в успехе. Мне, правда, уже докладывали, но так, в общих чертах. А сейчас хочется узнать все подробно.

Толстяк обрадованно закивал:

— С величайшим удовольствием, сэр. Итак, как вам известно, седьмой прыжок мы задумали усложнить. Наш швейцарский конкурент Фруад не смог одолеть четырехсот пятидесяти ярдов. Нервы подвели. Он умер еще в воздухе, сэр, этот факт зафиксировала медицинская экспертиза.

— Судебно-медицинская,— невозмутимо уточнил Карнера.

— Ах, боже мой, какая разница, сэр! Босс этого Фруада неповинен. Разве он мог предполагать, что Фруад испустит дух, не достигнув воды? Вот если бы он разбился о воду... Но и в этом случае... Фруад знал, на что шел и за что ему платили деньги!

— Разумеется,— с легкой иронией промолвил Карнера.— Однако мне бы хотелось перейти к делу.

— Охотно, сэр. Так вот. Мы хотим побить мировой рекорд. Преследуются чисто спортивные интересы. Рекордная высота, коэффициент трудности... Это и заставило меня заключить по настоянию мистера Спарроу несчастный добавочный контракт с Кларком, согласно которому, если в день прыжка, двадцать третьего октября волнение в океане будет превышать четыре балла, прыжок отменяется навсегда. Какая неосторожность с моей стороны!..

— Послушайте, Бергер! — рассердился Карьера. — Не будьте ханжой и иезуитом. Вы из той породы мерзавцев, которые заказывают мессы ради спасения душ загубленных ими людей, а затем отправляются домой, чтобы оттащить за уши сынишку, стащившего у них горстку никелевых монет. Если вы спекулируете жизнью человека, то имейте мужество признаться в этом хотя бы самому себе. Кто обольщал Кларка дополнительным контрактом? Вы. Зачем вам понадобилось, чтобы он прыгал не в залив, а в океан, не с вертолета, а с воздушного змея, буксируемого глассером? Чтобы огрести больше денег. В добавочном контракте ясно сказано: сверх основного гонорара Кларк получает за сложность еще десять тысяч, а вы сегодня даже мне не напомнили об этом. Сорок пять тысяч! Сорок пять тысяч придется вам выложить, а не тридцать пять. Запомните. Единственное, чего сумел добиться Кларк, — это включить в контракт, по настоянию мистера Спарроу, пункт о четырех баллах. Генри... хм... мистер Спарроу знал, что делал. Он пытался спасти товарища, навсегда забыв его от вашего общества. И он бы спас его, очень возможно, что спас бы. Видите? Волнение пока не утихает. Молите бога, Бергер, что я появился на сцене. Спарроу, и Кларк не знают об этом и... Короче говоря, нечего прикидываться овечкой. Я — волк и не скрываю этого, а вот вы — койот, который пытается выдать себя за агнца. Стыдитесь, Бергер! А теперь продолжайте. Ну? Слушаю вас!

— Техническая сторона рекордного прыжка не вызывает сомнений, — заверил Бергер. — Учитывая печальный опыт Фруада, я решил подготовить мистера Кларка психологически. Для этого пришлось реконструировать прыжковый костюм и снабдить его парашютирующими карманами — это такие... небольшие куски ткани, которые во время прыжка заполняются воздухом и несколько замедляют падение.

— На сколько?

— О пустяки. Всего на пять метров в секунду. Но Кларк уверен, что их тормозящий эффект втрое больше. Парашютирующие карманчики плотно пригнаны к костюму, и для того, чтобы ввести их в действие, необходимо выдернуть вытяжную струну. Таким образом, как только мистер Кларк почувствует неодолимый страх, он выдергивает струну левой рукой, карманы наполняются возду-

хом, наш рекордсмен обретает душевное спокойствие...

— Не сомневаюсь в этом.

— Очень рад, сэр.— Владелец авиационного цирка сделал вид, будто не заметил шпильки.— Весьма возможно, мистер Кларк и не воспользуется этим приспособлением, если почувствует себя в силах обойтись без тормозящей системы.

Роки Карнера пропустил мимо ушей это замечание. Только спросил, раскуривая сигару:

— Если не ошибаюсь, Кларк освобождается в воде от свинцовых подошв с помощью расчекывающей струны?

— Да, сэр. Система проста и надежна. Обе струны крепятся к вытяжным кольцам. Рывок за левое кольцо — открываются карманы, за правое — отделяются свинцовые подошвы. Стопроцентная гарантия, сэр.

— Вы твердо в этом уверены?— спросил Карнера, уставясь на толстяка глазами сытой и веселой кошки, поймавшей мышонка.— Имейте в виду, мне нужна именно стопроцентная гарантия. А поскольку вы обожаете разные там аллегории, попробую растолковать вам по-эзоповски. Это для того, чтобы вы спали сном праведника и не страдали от кошмаров. Слушайте, Бергер, и упаси вас бог прохлопать хотя бы слово! Я хочу, я требую: наш эксперимент должен увенчаться полным успехом. В противном случае некий авиационный цирк и его владелец потеряют доверие зрителей и деловых кругов. Советую еще раз лично проверить исправность прыжкового костюма. Я опасаясь одного: как бы мистер Кларк не перепутал во время прыжка, где правая и где левая рука. Вы поняли мою мысль, Бергер?

Толстяк, сложив молитвенно руки, пропел:

— Велики и неисповедимы пути господни!

— Перестаньте паясничать, ханжа!— Роки Карнера топнул ногой и, швырнув на ковер сигару, которую так и не успел закурить, подскочил к обомлевшему толстяку.— Никаких неисповедимых путей! Стопроцентная гарантия! Иначе... иначе вы пожалеете, будете горько раскаиваться. Кларк мне нужен, понимаете?! Ну-жен! Этот человек — душа Генри... Душа мистера Спарроу. Все инсинуации, попытки опорочить мое имя — дело рук Кларка. Это Кларк подбил Спарроу выступить в «Уоркер мэгезин» с сенсационной статьей, в которой меня смешивают с грязью. Ро-

куэлл Карнера гангстер и убийца, он хочет слопать больницу «Санитас», загнать на тот свет своего незаконнорожденного сына!.. Дойти до такой наглости! Объявить себя моим сыном! Ха-ха-ха!.. А как искусно фальсифицированы факты! Эти чертовы близнецы, поддавшись уговорам родителей и Кларка, уверяют, будто бы я дважды навещал их на вилле «Холлидэй». И вообще... какая наглость утверждать, что они жили в моей вилле! А случай с О'Харой? Старик рехнулся, а меня публично обвиняют: Рокуэлл Карнера засадил в сумасшедший дом здорового человека. Нет, голубчики, вам это даром не пройдет!

К сожалению, я сейчас лишен возможности предпринять радикальные меры. Коммунистическая газетенка подняла шум на всю страну. Даже добропорядочные газеты вынуждены обсуждать «проблему Карнеры». И хотя большинство из них стали на мою защиту, делают они это до того бездарно, что еще больше компрометируют мое имя. Открыто взять за шиворот Кларка и Спарроу означало бы... Ну вы сами понимаете... Это все равно, что публично подтвердить все обвинения. Вот почему вы понадобились мне, Бергер. А уж с мистером Спарроу я сам совладаю. Этот птенчик, вообразивший себя бог знает чем, еще попищит. Я сверну ему шею! Он не знает, не ведает, что в моей боксерской перчатке спрятана гиря, которая превратит его физиономию в месиво. Бог свидетель, я отговаривал Генри выходить на ринг, я заботился о его пользе, но мальчишка оказался упрямым мулом, выкормышем красных агитаторов.

Вместо того, чтобы почувствовав силу ударов, выкинуть полотенце и найти со мной общий язык, он полез на меня с утроенной силой. Дурачок! Разве на нашем ринге схватки регулируются правилами? Мы — кетчеры, бьем, кусаем, душим, убиваем... И вот подтверждение правоты моих слов: в последнем раунде я уложу сперва его тренера Кларка, а затем возьмусь за Спарроу. Рад бы не пускать в ход гирю... В сущности я питаю самые теплые чувства к Генри. Его страдания причиняют и мне душевную боль. Но что поделаешь? Слишком велик приз. А если он достанется Спарроу... Я убедился: деньги в его руках опасней гранаты в руках сумасшедшего. Маньяк может взорвать дом, всего лишь. А этот... этот зажжет тихий тлеющий огонек, который может вдруг вспыхнуть гигантским пламенем и выжечь дотла всё — деловой мир, наши прин-

цпы, абсолютную монархию капитала! Таким только дай волю...

Роки Карнера не договорил, устало провел ладонью по вспотевшему лбу и недоверчиво, с сомнением посмотрел на Бергера. Под этим взглядом толстяк окончательно потерялся.

— Дайте мне немного содовой, Бергер,— проговорил Роки Карнера.— Благодарю вас... А сейчас уходите. Займитесь делом. Мне нужна стопроцентная гарантия. А уж обусловленное контрактом минимальное волнение океана я вам обеспечу. Метеорологи тоже люди и ничто человеческое им не чуждо.

Оставшись один, старик тяжело опустился в кресло и закрыл глаза. Со стороны могло показаться, что он заснул или даже умер — так долго он полулежал, не шелохнувшись, почти не дыша. Но вот старец встрепенулся, протянул руку к телефону, набрал номер.

— Шефа полиции,— проговорил он твердо.— А, это ты, Стив? Как поживаешь? Рад за тебя. Вот что, Стив... Можешь заняться молодчиком, навязывающимся ко мне в родственники. Да-да, конечно, сообщи прокурору, в Федеральное бюро... Когда его взять за жабры? Да сразу же, как только его приятель плюхнет в океан. Брать раньше нет смысла. Договорились? Ну и отлично, Стив. Будь здоров. И не забудь о том, что наши ракетные акции поднялись еще на три пункта. Что? Не прочь прикупить еще? А зачем прикупить. Я принесу тебе симпатичный пакетик. Неужели я мог забыть, что у старины Стива послезавтра день рождения? Как-никак мы без малого двадцать лет работали вместе в Чечако. Роки Карнера не из тех, кто забывает старых друзей.

— Карнера не из тех, кто, получив хорошую оплеуху, тянется за следующей,— доказывал Эд своему другу.— Единственный способ разделаться с ним — это наступать, наступать и наступать, бить его фактами, крушить документами и показаниями свидетелей. Лупцевать до тех пор, пока старый хищник не опрокинется на спину. Но учти и другое — всякий промах может обернуться нам контрударом ниже пояса. А мы, к сожалению, иногда промахиваемся. Ну зачем, скажи на милость, ты объявил о своем родстве с ним? У тебя же нет никаких доказательств.

Генри смотрел на друга и на душе у него становилось

то радостно, то печально. Верный товарищ, рыцарь без страха и упрека, бесребреник, посвятивший себя служению правде. Как не радоваться, сознавая, что не перевелись в Хэппиленде настоящие люди.

Ну а как не грустить? Дорого обошлась дяде Эду любовь к правде. Изгнанный из родного штата, трижды, четырежды, простреленный, обожженный... и все сражается! А эти безумные прыжки... Они наполовину убили Эда. Он поседел, в глазах появилось выражение обреченности, губы то и дело дергает нервный тик. Ах Эд, упрямая голова!

— Я сказал правду, Эд, хотя, разумеется, это было глупое заявление...

Наступило молчание. Облокотившись на парапет набережной, друзья задумчиво разглядывали седые волны, накатывающиеся, словно суровые цепи гренадеров, атакующие вражеские позиции.

— Ты тоже хорош,— вновь заговорил Генри.— Связался с Бергером. Не нравится мне это. Пока не поздно,— порви контракт. Шут с ней — с неустойкой. Заработал ты неплохо, как-нибудь рассчитаемся...

— Поздно, Ген. Поздно говорить об этом. Афиши... реклама. Мне нельзя отступать. Есть же у меня, черт побери, чувство собственного достоинства. Не хочу на старости лет прослыть трусом. Хватит пилить меня, Ген...— Кларк взглянул на часы.— Ого! Скоро два. Надо торопиться. В половине третьего нам разрешено свидание с О'Харой. Молодец, Ген! Это свидание — результат твоего выступления в «Уоркер мэгезин». Все-таки гласность не потеряла пока значения. Свободный гражданин Спарроу обвиняет некоего Карнеру в том, что он упрятал в сумасшедший дом психически здорового человека. Общественность хочет знать истину, и властям не остается ничего иного, как разрешить нам свидание с О'Харой в присутствии известных психиатров. Это — победа. Идем, приятель, добивать упыря Карнеру.

Друзья пришли вовремя. Моложавый профессор с одухотворенным лицом принял их тепло и радушно. Это был джентльмен с ног до головы. В ожидании ученой комиссии хозяин угощал Генри и Эда кофе, сигаретами и развлекал рассказами из жизни умалишенных. Склонный к юмору и парадоксальным сопоставлениям, он всячески избегал мрачных картин.

— Наша больница,— философствовал профессор,— это своеобразный музей живых экспонатов. Может ли Лувр похвалиться семью живыми Наполеонами? А мы можем. Мы на короткой ноге с Магометом, Джорджем Вашингтоном, удивительным великаном, обнимающим Луну, и очаровательной миссис,— любимой женой марсианского владыки Кева. Не правда ли, остроумная мания?.. Ха-ха! Специальный корпус заселен у нас счастливыми, пережившими атомную бомбежку Хэппиленда... Да, совсем упустил из виду, хотите познакомиться с Адольфом Гитлером?

— Обойдется,— отозвался Кларк.— Гитлеры нынче разгуливают на свободе.

— Как вы сказали?— профессор улыбнулся.— Ах, да! Очень остроумно. К сожалению, вы правы. Впрочем... Должен вам сказать, джентльмены, что не всякий наш пациент психически ненормален.

— Именно это мы и хотим сегодня доказать,— съязвил Генри.

Профессор улыбнулся.

— Вы не так меня поняли, джентльмены. Просто я хотел сказать, что порой проявление необычайного ума, гениальности воспринимается обыкновенными людьми как психическая ненормальность. Чезаре Ломброзо, идеи которого я разделяю, доказал, что гений по своей природе аномален. И в сущности говоря, сумасшедший дом — это общежитие для необычно умных людей. Их изолируют от общества, так как их идеи и поступки нарушают гармонию жизни посредственностей. Один из моих пациентов, например, не признает одежды и разгуливает голышом. Он считает, что одежда является причиной всех человеческих бед. Девушка выходит замуж за статного, представительного джентльмена, а потом с ужасом узнает, что ее супруг худ как мумия и косоплеч. Трагедия? Ее ввел в заблуждение портновский обман, и жена начинает мстить мужу, изменяет ему. А сколько кандидатов на пост президента потерпели бы фиаско, если бы они предстали перед избирателями в натуральном виде! Очень остроумная теория, не правда ли?

А вот другой пример. Дама в расцвете лет, мечтающая о всех мужчинах земли, доставлена к нам. Казалось бы, она права. Если хотите, джентльмены, ее замысел разумен и заслуживает внимания. Однако пуританизм посредствен-

ности объявляет ее опасной для общества. Возьмите, наконец, моего любимца — параноика. Ему нравится убивать людей. Он считает, что если бы все последовали его примеру, проблема перенаселения давно была бы решена.

Джентльмены, когда я говорю о помешательстве, как высшем проявлении ума, я не имею в виду вульгарных наполеонов и магометов. Это парии, утратившие мыслительный уровень посредственности. Но подлинный умственный взлет — знамение грядущего. Когда-нибудь мы осознаем гениальность теорий неприкрытого человеческого тела, абсолютного промискуитета и свободного убийства...

— Что вы, проф., — саркастически улыбнулся Кларк. — Мы уже сейчас с успехом используем эти теории.

Профессор не успел ничего возразить — в кабинет вошла троица важных старичков: один в очках, другой в пенсне, третий — с моноклем в глазу. В этом последнем пораженный Генри узнал доктора Елиннека.

Никогда еще Спарроу не испытывал такого злобного чувства, как сейчас, когда увидел тощую фигуру Елиннека, державшегося до того неестественно прямо, что создавалось впечатление, будто он проглотил стальной стержень. Внутренне трепеща, Генри воскликнул с нарочитой развязностью:

— Ба! Кого я вижу? Док, старина Елиннек, вы ли это? Я ведь сперва из-за этого стеклышка в глазу принял вас за покойника фон Ракова. А потом сообразил: «Где это видано, чтобы мертвецы, будь они даже отъявленными головорезами, входили в состав экспертной комиссии! Это же Елиннек, специалист по истреблению человечества с помощью всяких там вирусов и прочей дряни. Что же касается монокля!.. Это ему, верно, фон Раков в наследство оставил». Я правильно сообразил, док? Одного не могу взять в толк: отчего это вы психиатром заделались?

Желчная физиономия Елиннека дрогнула, монокль выпал из глазной орбиты и повис на тоненькой цепочке. Доктор мельком взглянул на Спарроу и не удостоил его ответом.

Профессор с одухотворенным лицом поспешил на помощь.

— Мы все высоко ценим научную эрудицию нашего коллеги мистера Елиннека, — пояснил он. — Доктор Елиннек обладает энциклопедическими знаниями в области ме-

дицины, а также широко известен своей объективностью... А сейчас, коллеги, позвольте представить вам больного, о состоянии недуга которого вам предстоит дать высококвалифицированное, авторитетное заключение... Эй, кто там? Приведите больного О'Хару.

— О'Хара здоров, он не больной! — взорвался Кларк. — Это что же, вы заранее объявляете его больным?

Профессор с одухотворенным лицом промолчал.

В коридоре раздалось шарканье. Дверь отворилась. Генри и Эд ахнули. Перед ними, слегка покачиваясь, возникла тень О'Хары. Щеки старика ввалились, коротко подстриженные седые с прожельтью волосы торчали во все стороны клочками, придавая его голове сходство с высохшим репейником, в глазах О'Хары, мятущихся, с сумасшедшинкой, светились опасные огоньки. Первое, что сделал старик, войдя в кабинет, — это с диким ревом рванулся к профессору.

Санитары были начеку. И все же О'Хара с непостижимым проворством успел схватить стул и запустить им в своего врага. Стул угодил в старичка, в пенсе. Старичок, по-пороссячи взвизгнув, свалился на пол. Санитары принялись заламывать О'Харе руки за спину, а он, отбиваясь, рычал, выплевывая огрызки странных фраз:

— ...Мучитель... Вливания... Ночные видения... Убью!..

Вдруг он обмяк, успокоился и принялся тихо и страшно смеяться.

Эд и Генри кинулись к несчастному:

— Дорогой док, дружище!

— Это мы... мы пришли освободить вас!

— Мистер О'Хара!..

— Поздно, поздно, мальчики! — О'Хара продолжал заливаться сатанинским хохотом. — «Санитас» приказал долго жить, а я... Ванита ванитатум эт омниа ванита. У меня спрашивают удивительные вещи. Какое, например, сегодня число.

— Да, кстати, — тонким фальцетом спросил старичок в очках, — какое сегодня число?

— Скотина! — с восторгом ответил О'Хара.

Старичок криво улыбнулся и сокрушенно покачал головой. Его коллега озабоченно рассматривал золотую дужку — все что осталось от пенсне, на носу его багровела царапина. Елиинек сидел с отсутствующим видом. Глава

психиатрической лечебницы развел руками, промолвил вкрадчиво:

— Это не ответ, мистер О'Хара.

— Заткнись, сволочь!— заорал несчастный.— Ты отлично знаешь, что я ответил по существу... Мальчишки мои!.. Генри, Эд, спасите меня! Здесь мучат... вводят в кровь такое, что глаза на лоб лезут, и всю ночь ко мне являются чудовища.

— Ну-ну, успокойтесь, мистер О'Хара,— уговаривал профессор таким тоном, словно бы беседовал с капризным ребенком.— Вам все это только кажется... Так какое сегодня число?

О'Хара оборвал свой жуткий смех и посмотрел на своего мучителя бесстрашно и вызывающе.

— Какое сегодня число? Вам бы очень хотелось услышать «восемьдесят пятое» или что-нибудь в этом роде? Знаю. А я вот назло скажу: сегодня восемнадцатое октября, тысяча девятьсот шестидесятый год от рождения Христа. А дважды два будет четыре, а не тридцать семь миллионов. Что еще? Может, желаете, чтобы я извлек корень из единицы? Советую также проверить мой зрачок. И вообще... Хотите, я поставлю вам всем диагноз? Вы все... Эд, Генри, вас это не касается... Вы все коллеги, страдаете отвратительной болезнью, ваши душонки разъедает зловонная язва подлости, корчит в судорогах золотая лихорадка, изгибает в три погибели вирус пресмыкательства... Убирайтесь вон, негодяи, убийцы! Слышишь ты, прямая кишка, по фамилии Елиннек! И ты! Мало я тебя огрел стулом?! И ты... и ты!..

Глаза О'Хары вдруг закатились, и он с воплем повалился навзничь. Несколько минут несчастный извивался, хрипел и, наконец, затих. Санитары перенесли его на диван.

Эскулапы с невозмутимым видом стали обмениваться мнениями на своем птичьем языке.

— Типичная эпилептическая аура.

— Вы правы, коллега. Налицо дисфория, эгоцентризм, делириозная спутанность.

— Характер тремаль ярко выражен.

— О да! К тому же эпилепсия сопряжена с делириумом тременс.

— Верно, коллега. Больной явно равнодушен к спиритус вини.

— Итак, все ясно, джентльмены.

— Э-э... нет!— Кларк подскочил к ученым мужам.— Так просто вы от нас не отделаетесь. А что вы ему там вливаете, профессор, а? О'Хара утверждал. Ответьте.

Профессор высокомерно посмотрел на Кларка,— одухотворенное лицо его пылало благородным негодованием.

— Рекомендую вам осознать, где вы находитесь,— вымолвил он ледяным тоном.— Принимать на веру бредовые заявления психически больного человека!.. Мои пациенты только тем и заняты, что жалуются на своих воображаемых врагов.

Раздался тихий стон. О'Хара — пришел в себя. Генри и Эдлай подошли к нему.

— Ну, дружище, полегчало?

Глаза О'Хары, затуманенные страданием и тоской, молили: «Спасите меня, ребята, вытащите отсюда».

— Вот что, джентльмены,— решительно объявил Генри:— Мы забираем нашего товарища. Он абсолютно здоров и только пребывание в этом заведении сказалось на его нервах... Оставьте в покое телефон! Пусть только кто-нибудь попробует помешать нам увезти его отсюда!

— Вот именно,— подтвердил Кларк и оборвал телефонный провод.— Пусть кто-нибудь попробует,— я сделаю из него мешок с требухой.

Ученые мужи замерли. У очкастого старикашки от испуга выскользнула изо рта вставная челюсть.

— Это... это насилие,— прошептал Елиннек.

— Насилие,— Генри согласно кивнул.— Мы хотим, применив насилие, спасти человека... Дорогой О'Хара, вставайте. Пора уходить. Ну же!..

Несчастный старик рванулся было с дивана, но тут же, застонав, повалился на спину.

— Ну... смелее, вставайте,— поддерживали его Эд и Генри.— В чем дело? Соберитесь с силами...

По изможденному лицу О'Хары бежали наперегонки слезинки, они скатывались на скулы и скрывались в желтой седине висков.

— Нет... нет, не могу,— страдальчески скривился старый доктор.— Такой ценой!.. Мой побег причинит вам столько бед!

— Пустяки! Мы стоим за себя. О нас можете не беспокоиться. Все будет хорошо.

— Нет... не могу,— твердил О'Хара.

— Оставьте вы свою шепетильность, док. Для нас это сущий пустяк. Никто и не пикнет.

— Уходите,— сказал О'Хара как-то странно и вдруг, глупо ухмыльнувшись, затараторил, как автомат:— Уходите, уходите. Карнера и его банда установили в моей голове огромный реактор, я радиоактивен, общение со мной смертельно, эти четверо мерзавцев носят специальные защитные костюмы, а вы уже получили от меня смертельную дозу радиации, очень сожалею, забыл предупредить, мне нельзя появляться на улице, погибнут тысячи людей, а вы обречены, не сердитесь на меня, все равно всем крышка, я вижу скрюченные пальцы, они тянутся к горлу,— это Карнера. Уходите! Уходите!! Уходите!!!

О'Хара бормотал яростно, жадно и бессмысленно.

Члены комиссии бросали на Генри и Эда сочувственные взгляды. Лишь по плотно сжатым губам доктора Елиннека скользнула ядовитой змейкой ироническая улыбка. Но она тут же исчезла, и на унылой физиономии медика-энциклопедиста прочно обосновалось выражение профессиональной скорби.

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

(Окончание)

В воскресенье, двадцать третьего октября, после полудня сотни теплоходов, яхт, моторных лодок потянулись из санкристоферской бухты.

Скупое осеннее солнце с размаху ныряло в прохладную пучину облаков, долго отсиживалось там, а выглянув, снова исчезало в серовато-белых бурунах, которыми небесный океан кипел до самого горизонта. Радостно повизгивая, словно щенок на лужайке, резвился ветер. Он развел изрядную волну. Моторки и баркасы тяжело шлепались в мутно-зеленые провалы, яхты укоризненно покачивали мачтами, лишь океанские лайнеры хладнокровно резали форштевнями гривастые валы и изувеченные водяные глыбы, шипя от боли, захлебываясь в собственной пене, шаркались от великанов, срывая зло на баркасах и другой шущере.

Было что-то общее между этим разношерстным сборищем судов и суденышек и стадом: впереди шествовал вожак — белоснежный гигант «Эмпайр», он изредка испу-

скал призывной рев, от которого трусливо вздрагивали оконные стекла в домах, столпившихся на набережной; за вожаком тянулись его сородичи — не такие породистые, но тоже важные и массивные; далее неспешно двигались экземпляры поменьше, а возле них, словно гурьба веселых телят, вертелась всякая мелюзга.

Оскалив пасти реданов*, сторожевыми псами носились вокруг полицейские катера. Особенно много хлопот доставляли им малыши. Несмышлениши так и норовили отбиться от стада, потеряться. Но сторожа с поистине собачьим рвением следили за порядком: чуть что — и сразу же, грозно зарывчав моторами, катера кидались вдогонку за нарушителем, хватали его за шиворот, волокли в общую кучу.

Генри и Эдлай сидели в шезлонгах на верхней палубе «Эмпайра». С высоты семиэтажного дома им как на ладони открывалась картина необычайного похода.

— Красиво,— промолвил Кларк и швырнул за борт недокуренную сигарету. Немного, правда, напоминает похоронную процессию, но это уж при очень богатом воображении. Ты только посмотри, Ген, что вытворяют полицейские катера! Овчарки! Сколько заботы о жизни дураков, вообразивших себя морскими волками. Для меня всегда было загадкой: как это так — у человека хватает смекалки, чтобы огрести деньги на покупку яхты и... нет, ты взгляни, взгляни, какие номера выкидывает осел! Видишь?.. Вой, оранжевая скорлупка... Тупица, кто же ложится бортом к волне?.. Ага! К нему уже помчался сторожевой катер... Чистая работа. Что ни говори, Ген, полиция — украшение нашего государства, нечто вроде знаменитого бриллианта «Юлиана» в жезле английской королевы Елизаветы Второй. Национальная гордость. Право, не дурно было бы и пальмовую ветвь в нашем гербе заменить полицейской дубинкой.

* Спарроу вздохнул:

— Все балагуришь, Эд. Не нравится мне вся эта затея. Ты только кивни, а я уж найду способ повернуть «Непобедимую армаду» обратно. Волнение-то никак не меньше пяти баллов. Ну, дядя Эд?..

— Черт с ним,— сквозь зубы процедил Кларк.

— Но в контракте...

* Редан — ступенчатое днище, которое, по мере увеличения скорости катера, высовывается из воды.

Губы Кларка передернул нервный тик.

— Плевать на контракт. Раньше мне, дураку, надо было думать. Бергер зафрахтовал десятки судов, тысячи зевак плывут в корытах, чтобы поглазеть, как некий чудак ахнется в океан... Нет уж, друг, дело не в контракте. Можно оспаривать правильность официальных данных о количестве баллов, можно даже доказать, что метеосводка фальсифицирована. Но... неудовлетворенное человеческое любопытство никогда не простит нам. Взгляни,— сколько кораблей и корабликов! Они битком набиты съехавшимися со всех концов страны любителями острых ощущений, которые лопаются от любопытства и затаенной надежды.

Кларк умолк, словно подавился, рубцы от ожогов, изувечившие его лицо, набрякли.

— Эд,— умоляюще проговорил Спарроу,— не надо глупостей. Ну хорошо, ты не хочешь послушаться меня. Но Кэт... Видишь, она даже отказалась поехать с нами. Почему ты упрямисься, почему?

— А потому, дружище,— Кларк вдруг улыбнулся светлой детской улыбкой.— Потому, что желаю,— понимаешь?— желаю видеть нашу больницу в полном здравии. Ясно? И не перебивай, пожалуйста. Твою песенку я выучил наизусть: «Дорогой Эд, милый дядя Эд, давай ликвидируем «Санитас», плетью обуха не перешибешь, зачем рисковать!..» Плохая песенка, Ген, форменная дешевка. За правое дело надо бороться до конца. Никогда я не был так счастлив, как эти последние годы, исполненные забот, неприятностей, схваток с негодяями. И клянусь тебе, за такое дело стоит иной раз рискнуть жизнью. Сегодняшним прыжком мы завоюем такую рекламу, что с нами нельзя будет не считаться. И тогда мы как следует возьмемся за Карнеру и коновалов из медицинской ассоциации, разоблачим их подлые махинации. Пусть народ узнает правду. Подумать только! Даже боль, человеческая боль является предметом купли-продажи и спекуляции. Да что там боль! Миллиард, два миллиарда жизней, все человечество готовы превратить в прах Карнеры. Для них это просто бизнес! Вот кого нужно держать в сумасшедшем доме, нарядив в смиренные рубашки — карнер, а не несчастного О'Хару.

К друзьям шариком подкатил мистер Бергер. Физиономия его лоснилась от удовольствия.

— Ну, как себя чувствует будущий национальный ге-

рой?— обратился он к Кларку.— Доволен ли он тем, что на «Эмпайре» даже и не пахнет корреспондентами? Я нарочно распорядился гнать их в шею: ведь это назойливое племя дыхнуть бы не дало спокойно.

— Тронут вниманием,— поблагодарил Эд.— По крайней мере я получил возможность обдумать все спокойно и прийти к разумному выводу: на кой дьявол мне прыгать, если волнение океана превышает договоренную норму? Придется вам самому рискнуть, мистер Бергер. Понадобится, правда, кое-где расставить костюм, увеличить объем в талии, но это все можно сделать в два счета.

Генри радостно вскрикнул, кинулся обнимать друга.

По-иному отреагировал мистер Бергер. Толстяк покачнулся, схватился за сердце, в глазах его застыл ужас.

— А вы не волнуйтесь,— успокоил Эд мистера Бергера.— Разве вас не прельщает перспектива сделаться национальным героем?

Бизнесмен оскалил острые мелкие зубки. Трудно было понять — улыбается он или готовится впиться в глотку.

— Вы шутите, мистер Кларк.

— Разве? А я и не заметил.

— Официальное сообщение — четыре балла...

— Официальное!— фыркнул Эд.— Да вы сами взгляните, видите, что делается?

— Не погубите, мистер Кларк!

Дядя Эд с плохо скрываемым презрением посмотрел на мистера Бергера.

— Значит, не хотите стать национальным героем, скромничаете? Ладно уж, так и быть — придется мне на этот раз выручить вас, старый грабитель.

Голубоватые глазки толстяка заволоклись слезами. Он схватил обеими руками руку Кларка и долго тряс ее, заикаясь от восторга.

— Благородная душа! Рыцарь... Героическое сердце!..

— Хватит! Перестаньте молоть вздор. Все эти слова не из вашего лексикона,— оборвал толстяка Кларк.— Лучше отведите-ка меня в каюту. Пора снаряжаться. А ты, Ген, извини меня за глупую шутку. Просто я хотел проверить крепость сердечной мышцы у этого джентльмена удачи. Ничего оказалась, выдержала. И очень жаль: я так рассчитывал на легкий приступ инфаркта.

Мистер Бергер с готовностью расхохотался.

Флотилия расположилась огромной подковой и стала на якорь. Лишь мелкие суденышки и полицейские катера шныряли вокруг. Два больших глссера, быстро набирая скорость, мчались по волнам. Отбежав миль на пять от «подковы», они повернули назад. Тысячи глаз жадно впились в две крохотные точки, засверкали окуляры мощных биноклей...

Генри Спарроу находился на носу глссера, возле радиорепортера — молодого человека с потасканной физиономией. Репортер, подняв воротник плаща, зябко ежился и хорошо отработанным баритоном громко объяснял Генри преимущества неразбавленного виски перед коньяком, пусть даже это будет сам «Мартел». Дабы подтвердить правоту своих слов вольный сын эфира вытащил из кармана библию и протянул ее Генри.

Спарроу недоуменно посмотрел на репортера. Тот улыбнулся:

— Это не для спасения души, а наоборот. Хлебните-ка.

«Библия» оказалась замаскированной фляжкой с крепчайшим виски.

Спарроу машинально взял ее в руки.

— Пейте, не стесняйтесь, — подбадривал репортер. — Это очень хороший виски. Сегодня я мог позволить себе приобрести поистине королевский напиток. Повезло. Мистер Бергер не сошелся в цене, поэтому телевизионная передача не состоится, а мне обещал повышенный гонорар. Пейте, приятель, не стесняйтесь.

— С чего вы взяли, что я стесняюсь? — разозлился ни с того ни с сего Спарроу. Его до того взяло зло, что захотелось треснуть назойливого типа «библией» по голове. Генри однако сдержался и ограничился тем, что единым духом осушил фляжку и спросил злорадно:

— Ну? Как по-вашему, стесняюсь я или нет?

Физиономия молодого человека вытянулась. Он хотел что-то сказать, но в этот момент послышался торжественный возглас мистера Бергера: «Приготовиться! До старта — пять минут», и репортер рванулся к микрофону. Он нажал какую-то кнопку, замигала сигнальная лампочка, и тут же из молодого человека хлынул неудержимый словесный поток, его словно прорвало. В жизни Генри не слышал ничего подобного. Даже пулемет и тот прерывает

свою зловещую дробь, когда происходит переко́с патрона или кончается лента. А корреспондент тараторил неумолчно, по-видимому, он был заправлен бесконечной вереницей слов, аккуратно подогнанных в серые ленты предложений.

— ...Леди и джентльмены,— сыпал и сыпал противник коньяка и почитатель виски,— через три-четыре минуты произойдет нечто удивительное — замечательный парень Эдлай, ухватившись за воздушного змея, взмоет ввысь, достигнет высоты четырехсот пятидесяти ярдов и на глазах тысяч зрителей низринется в пучину бушующего океана. Этот беспрецедентный прыжок явится новым подтверждением мужества истинных хэпилендцев, их технического гения и предприимчивости. Итак, все готово. Наш глиссер скоростной буксир, на его корме в непринужденной позе стоит герой дня Эдлай Кларк. Леди и джентльмены, не подумайте только, что храбрец Эд задумал взлететь на бумажном квадратике, вроде детской игрушки. Нет! Его змей — весьма сложная конструкция. Организатор сегодняшнего триумфа мистер Бергер, не жалея затрат, позаботился о создании совершенного летательного аппарата, в конструировании которого приняли участие...

Радиокомментатор перечислил десяток различных компаний и перешел к описанию самого змея.

— Воздушный змей, леди и джентльмены, с которого будет совершен удивительный прыжок, внешне походит на старинную этажерку для книг. Такие этажерки очень любили ваши бабушки, ха-ха-ха, но этажерка нашего Эда не предназначена для хранения книжек, она сама по себе является кладовой премудрости. Воздушный змей сделан из нейлона, на нем установлена миниатюрная рация (молодой человек вновь перечислил компании, создавшие змея), имеется также альтиметр для определения высоты. Если наш рекордсмен по каким-либо причинам раздумает прыгать, воздушный змей совершит плавную посадку. Будем, однако, надеяться, что молодчина Эд не воспользуется этим замечательным свойством своего летательного аппарата, ха-ха-ха! Ого! Вы слышали? Объявлена минутная готовность. Кларк подлезает под змея, просовывает руки в держатели, повисает; тонкий нейлоновый шнур, привязанный одним концом к змею, а другим — к буксирному катеру, натягивается, как струна. Славный Эдлай поворачивает голову и ободряюще улыбается своему другу мистеру Спарроу, мрачный, я бы даже сказал, угрюмый вид кото-

рого свидетельствует о том, что мистер Спарроу искренне завидует Эду, жаждет быть на его месте, ха-ха-ха! Внимание! Вот воздушный змей вздрагивает. Буксирующий глиссер прибавляет скорость... Ура! Воздушный змей вместе с Эдаем Кларком взмывает ввысь, покачивается, делает небольшие виражи, словно резвящаяся ласточка, поднимается все выше, выше! Как смешно болтаются ноги Эда! Чертовски храбрый парень. Сейчас я вызову его по радио... Хэлло, мистер Кларк! Говорит репортер санкт-гоферского радио. Как вы себя чувствуете?

— Как ведьма на метле,— послышался голос Эда, усиленный динамиком, установленным на глиссере.

Генри вздрогнул. Предчувствие беды скрутило, сгорбило его тысячью леденящих лап.

— Ха-ха-ха-ха!— услышал Генри профессиональный хохот репортера.— Эд, вы молодчина, ваша острога высокого класса! Острога на высоте четырехсот пятидесяти ярдов. А теперь ответьте, пожалуйста, на интересующие радиослушателей вопросы. Какими лезвиями вы предпочитаете бриться? Неужели вы настолько непрактичны, что все деньги, заработанные с помощью отчаянных прыжков, вносите в фонд прокоммунистической больницы «Санитас»? С какой кинозвездой вы не отказались бы поужинать в ресторане? Что вы предпочитаете — кока-колу или...

— Пошел к черту, болван!— раздался громовой ответ.

Репортер по инерции некоторое время беззвучно шевелил губами.

— Хэпилендцы,— продолжал греметь Кларк.— Мне наплевать на рекорды идиотизма. Я прыгаю, чтобы доказать бескорыстие организаторов больницы «Санитас», реабилитировать доктора О'Хару, которого спекулянты эт медицины и Рокуэлл Карнера довели до умопомешательства, убедить вас в благородстве наших начинаний. Все санитасовцы, я уверен, готовы пойти на любой риск, лишь бы сделать доброе людям. Все — мой друг и боевой товарищ Генри Спарроу, славные парни доктор Финней и Джесси-молчальник. Финней и Джесси держат в тюрьме за то, что они не зарегистрировались в полиции как члены коммунистической партии и работали в медицинском учреждении. Хэпилендцы! Я не коммунист. Но я клянусь, если все коммунисты хоть на половину такие же славные парни, как Финней и Джесси, то ей-богу, это здорово! Не коммунистов надо опасаться, а таких зверюг, как Рокуэлл

Карнера, шакалов, вроде организатора сегодняшнего балагана мистера Бергера, вылощенных ученых убийц из породы доктора Бруно Елиннека, чопорных кровососов, скрывающихся под благопристойной вывеской «Норт хэппилэнд ойл компани»...

Репортер схватился за голову, словно кто-то невидимый огрел его полицейской дубинкой. Выпучив свирепые глазки, багровел мистер Бергер: казалось, стоит ткнуть в в его мясистую щеку пальцем, и из нее брызнет фонтаном сизая, отравленная желчью кровь.

Первым опомнился мистер Бергер. Схватив складной металлический стул, он с остервенением, как живое, провинившееся перед ним существо, стал избивать рацию.

Голос Кларка умолк.

Задыхаясь от усталости, толстяк злобно озирался по сторонам, как бы ища новую жертву, и шипел:

— Подлец... Фигляр!.. Красная гадина!..

Генри не помнил, как подскочил к мистеру Бергеру. Просто сперва они находились один на носу, другой на корме глассера, а через секунду багровая морда дельца уже маячила в каком-нибудь фуге от лица Спарроу. Чего только не приходило на ум Генри! Хотелось надавать мерзавцу по жирным щекам, осыпать самыми бранными словами. Но ничего этого Генри не сделал. Вышло другое. Генри молча пнул мистера Бергера в студенистый живот, и владелец авиационного цирка сложился аккуратно пополам. Так же, не произнеся ни звука, Спарроу помог дельцу разогнуться с помощью короткого удара правой снизу, и мистер Бергер, широко раскинув пухленькие ручки, описал плавную дугу.

— Человек за бортом!— услышал Спарроу возглас. Услышал и не удивился, не испугался. Только улыбнулся. «Человек за бортом!— подумал он с иронией.— Человек?! Этого типа называют человеком. Глупо, очень глупо устроена жизнь, если гниду объявляют человеком».

Удивился Генри тому, что никто из членов экипажа не бросается на него, не вяжет ему рук.

Рулевой не изменил курса, как будто ровным счетом ничего не случилось. На помощь барахтавшемуся в волнах Бергеру мчались полицейские катера, а их глассер продолжал буксировку воздушного змея. Генри не знал, что тотущий бизнесмен попал в собственный капкан, отдав пись-

менный приказ — даже при самых чрезвычайных обстоятельствах строго следовать заданным курсом.

К Спарроу не спеша подошел верзила матрос. Он поднял искорверканный металлический стул, покосился на Генри и тихонько пробасил:

— Здорово ты его отделал, парень. Не унывай.

— Спасибо,— отозвался Генри и, сам удивляясь тому, что говорит, прибавил:— Спасибо, товарищ.

Матрос кивнул и отправился со стулом в сторону.

Тем временем ошеломленный репортер, наконец, опомнился и, стараясь наверстать упущенное, затараторил с утроенной энергией. Он словно с цепи сорвался.

— Леди и джентльмены,— стрекотал комментатор, нервически дергая щекой.— Наше минутное молчание вызвано рядом обстоятельств. От случайного удара вышла из строя рация, связывающая нас с Эдлаем Кларком. Кроме того случилось нечто сенсационное. Мистер Бергер очутился за бортом. Произошло это не без помощи уже хорошо известного вам мистера Спарроу,— репортер с опаской взглянул на Генри, но тот лишь рукой махнул: мол, болтай, что хочешь, теперь уже все равно.— Итак, полицейские катера пытаются сейчас выловить мистера Бергера из океанских пучин, а Эдлай Кларк через какую-нибудь минуту покинет воздушного змея. По-видимому, он сильно нервничает. Чем иным можно объяснить его полубредовую речь. Давайте простим ему это. Внимание, леди и джентльмены. Мистер Бергер благополучно выловлен блюстителями порядка. А сейчас... Есть!!!.. Пошел!.. От змея отделилась крохотная фигурка...

Генри закрыл глаза. Скороговорка репортера бушевала, неистовствовала:

— Кларк камнем низвергается вниз. Он летит, вытянувшись струной. Какое самообладание!!! Скорость падения нарастает. О храбрый хэппилендец!! Он падает в центре подковы, в форме которой построились суда, счастливые зрители ликуют, они свистят, машут шляпами, кричат, а Кларк продолжает свой беспримерный прыжок, строго перпендикулярно... Что это?! В бинокль видно — что-то отделилось от него... Это, должно быть, свинцовые подошвы... Зачем так рано? До воды еще двести ярдов! Кларка бросает в штопор, мелькают руки, ноги. Это, наверное, его сюрприз зрителям... до воды осталось полсотни ярдов! Боже!..

Спарроу услышал тяжкий всплеск, и сразу же рев ужаса всколыхнул океан. Завыли сирены полицейских катеров... Генри застонал и потерял сознание.

* * *

Очнулся он на берегу. Перед ним гранитной глыбой высился шеф санкристоферской полиции. Огромный, плечистый, с тяжелым пистолетом на боку, он казался воплощением Закона, Правопорядка и верности Долгу.

— Генри Делано Спарроу! Встаньте.

Генри повиновался.

— Именем Закона! — пророкотал шеф. — Генри Делано Спарроу, вы арестованы.

Тяжелая несокрушимая рука Закона легла на плечо Генри.

ЭПИЛОГ

Судебный процесс по делу «Народ против Генри Д. Спарроу» подходил к концу.

Самый большой зал заседаний во Дворце правосудия не мог вместить всех желающих посмотреть на опасного преступника, насладиться словесной баталией между прокурором и защитником, которые, как искусные фехтовальщики, наносили мастерские удары, отражали стремительные выпады, делали обманные движения в надежде выиграть бой разящим ку де гра.* В зале стоял тяжелый казарменный запах: слишком много набилось народу.

Генри Спарроу сидел за дубовым барьером под охраной двух дюжих полисменов, слушал темпераментную речь своего защитника — знаменитого Брайтона, взявшегося за это безнадежное дело бескорыстно, руководствуясь лишь гуманными соображениями. Адвокат творил чудеса: он опровергал доводы обвинения каскадами остроумия, великолепно жонглировал фактами, с ловкостью иллюзиониста-манипулятора превращал непроверяемые улики в ничем необоснованные подозрения. Генри слушал, но голова его была занята всякими пустяками. Процесс длился уже целую неделю. Кроме того еще неделя ушла на подбор присяжных. Канительная это штука, оказывается, — усадить на

* Ку де гра — решающий удар (фр.).

скамью присяжных дюжину дураков. Вот они — старые и молодые, худые и толстые, лысые, плешивые — все такие разные и в то же время похожие друг на друга. Чем похожи? Скучающим выражением лиц. Все они заранее были уверены в виновности обвиняемого. Стоило ли целую неделю слушать пререкания Брайтона с прокурором Вагнером, кряжистым мужчиной, чьи злые носорожьи глазки и тяжелая челюсть почему-то бесили Спарроу. Подумать только, целую неделю адвокат и прокурор спорили: «Я попросил бы данного кандидата покинуть скамью присяжных», — стук деревянного молоточка и хриплый бас судьи: «Отвод обвинения принят»; «Защита отводит данную кандидатуру», — стук молоточка, «Отвод принят»... Боже! Какой дешевый фарс. Фарс? А что? Это мысль. Что такое суд? Суд — это спектакль. Действующие лица: судья, прокурор, защитник, обвиняемый, свидетели. Исполнители ролей — толстый боров Китченер, носорог Вагнер, изящный шаркун Брайтон, я — Генри Спарроу, десятки смитов, браунов... Да! Забыл о присяжных. Кто они — зрители или участники представления?

Затем Спарроу стал прикидывать в уме, сколько Карнера положил в лапу судье Китченеру, прокурору Вагнеру. Интересно узнать — получили ли свои тридцать серебряников присяжные? Вряд ли. Это было бы уж чересчур. Только Брайтон бескорыстно надрыгает глотку. Впрочем, этот процесс для него великолепная реклама.

Обвиняемый ошибался насчет Брайтона. Знаменитый адвокат на сей раз не преследовал рекламных целей. А то, что он изъявил горячее желание бесплатно защищать Спарроу... Ну так ведь никому не возбраняется оказать услугу ближнему, тем более, что о ней попросил Рокуэлл Карнера. И не только попросил, но и хорошо заплатил за бескорыстное участие в процессе.

Напрасно Генри думал, что прокурор и адвокат даром убили целую неделю на подбор присяжных. Коллекция джентльменов, долженствующая символизировать собой совесть и беспристрастие народа, получилась славная: черчисты, ку-клак-кляцовцы, ханжи, которых одно только слово «красный» приводит в исступление.

«С такими не пропадешь!» — именно так и сказал Карнера, ознакомившись со списком присяжных.

Но об этом Генри и не подозревал. Он инстинктивно, в первый же день процесса почувствовал, что обречен, и сра-

зу покорился своей участи. Сейчас он сидел и думал о всяких пустяках.

Спарроу вдруг неудержимо захотелось вскочить и крикнуть: «Эй вы, вершители правосудия, толстосумы в зрительных рядах! Вы не имеет морального права меня судить, потому что вы кретины».

Это было до того нелепо, что Спарроу рассмеялся. Среди зрителей прокатился шумок. Брайтон подавился очередной остротой и с недоумением посмотрел на обвиняемого, а судья, грозно хлопнув молотком, прохрипел:

— Обвиняемый Спарроу, что с вами?

— Простите, сэр. Вспомнил смешной анекдот.

Вагнер развел руками:

— Если речь защиты заставляет обвиняемого вспоминать веселые анекдоты, то ее по праву следует признать свидетельскими показаниями в пользу обвинения.

— Я протестую!— вскричал Брайтон.— Если обвинительная речь уважаемого прокурора состояла из анекдотических фактов, то это вовсе не означает, что уважаемый прокурор достиг вершин остроумия.

Судья Китченер вновь хлопнул молотком:

— К порядку, джентльмены. Обвиняемый Спарроу, не добивайтесь, чтобы к длинному списку ваших преступлений прибавилось еще неуважение к суду... Защита может продолжать.

Окончание речи Брайтон смазал. Смешок Спарроу выбил адвоката из колен, и он ограничился лишь тем, что попросту заявил, что Спарроу не довел до сумасшествия доктора О'Хару — во всяком случае это не доказано; нет также никаких фактов, обличающих обвиняемого как агента русских коммунистов; что касается покушения на убийство владельца авиационного цирка мистера Бергера, то обвинение не представило веских аргументов, подтверждающих версию, согласно которой Спарроу желал утопить свою жертву в океане.

Брайтон поклонился в знак того, что закончил речь и с обиженным видом уселся на стул.

«Вот и все,— равнодушно подумал Спарроу.— Сейчас мне предоставят слово, я откажусь от него, затем боровсудья скажет напутственные слова дюжине дегенератов, они вынесут обвинительный вердикт. Китченер прочтет приговор — и конец. Какое счастье! Наконец-то меня оставят в покое... Интересно, какое сегодня число?.. Какое?»

Неужели и я схожу с ума, как О'Хара?.. Бедный Эд!.. Ба! Вспомнил, сегодня — семнадцатое февраля тысяча девятьсот шестьдесят первого года! Значит, у меня еще работают шарики. Впрочем, О'Хара тоже ориентируется во времени и даже знает, что дважды два — четыре...

— Подсудимый, Генри Спарроу, — важно пробасил Китченер. — Процесс «Народ против Генри Делано Спарроу» подходит к концу. Вам предоставляется последнее слово. Хотите ли вы им воспользоваться?

Генри открыл было рот, чтобы сказать «нет» и вдруг, заметив суету среди зрителей, вздрогнул: к барьеру, отделяющему скамьи для зрителей, протискивалась Кэт! Зачем она сюда пришла? Ведь обещала не приходить. Боже, как она постарела, поседела!.. Что ей нужно?

— Отвечайте, Спарроу, — вновь повторил судья. — Желаете ли вы воспользоваться последним словом.

— Говори, умоляю тебя, Генри, скажи им все! — послышался голос Кэт. — Я все слышала и видела по телевидению. Ты устал, сник, со всем смирился. Но я закидаю тебя!.. Вспомни Эда, О'Хару, всех наших друзей...

В зале возникла суматоха. Двое полисменов проталкивались к Кэт, судья изо всех сил колотил молотком по столу, корреспонденты азартно щелкали блицами фотокамер. А Кэт все кричала:

— Надавай им по щекам... Шкуры! Продажные шкуры! Задай им жару. Ты ведь это хорошо умеешь делать, если захочешь.

Полисмены схватили Кэт, поволокли к выходу, а она продолжала кричать:

— Во имя наших детей, Ген!

Когда суматоха, наконец, улеглась, судья, задыхаясь от гнева, прохрипел:

— Ваша жена, подсудимый Спарроу, недалеко ушла от своего мужа. Достойная пара.

Эти слова вызвали у Генри странную реакцию. Он не обиделся, не возмутился, — только улыбнулся и, посмотрев на Китченера молодыми с задоринкой глазами, сказал отчетливо и звонко:

— Вы правы, сэр. Мы с Кэтрин — достойная пара. А сейчас я намерен произнести последнее слово. — И, обратившись к публике, воскликнул: — Люди! Слушайте, люди, исповедь Колумба нашего времени. Не удивляйтесь, я действительно Колумб, ибо открытие мое по своей значимости

вряд ли уступает открытию знаменитого генуэзца. Я знаю, среди вас есть честные люди. Честным людям я и хочу сказать всю правду. А мерзавцев... негодяев прошу покинуть зал!.. Судья Китченер, не стучите своим молотком, вы мне мешаете. Итак слушайте...

Я старался жить честно — и за это меня преследовали, я хотел делать хорошие дела — и очутился на скамье подсудимых. И я еще легко отделался. Мой верный друг Эдлай Кларк убит. Слышите? Не погиб в результате несчастного случая, а подло убит. Он не перепутал от страха вытяжные кольца, одно из которых открывало парашютирующие карманы, а другое — отделяло свинцовые подошвы! Его умышленно неправильно проинструктировали. И поэтому Эд вошел в штопор и разбился. Его убил Рокуэлл Карнера — этот хищник, блуждающий в каменных джунглях в поисках добычи. Он упрятал в сумасшедший дом доктора О'Хару, засадил в тюрьму Финнея и славного парня Джесси-молчалика. Карнера совершил сотни преступлений. И тем не менее он окружен почетом, а я сижу на скамье подсудимых.

Такова цена наших демократических свобод. Нашу страну разъедают язвы наживы, гнойники подлости, струпья алчности. Все продается и покупается: совесть, честь, отцовские и сыновние чувства, благополучие всего человечества. Ирод в образе доктора Елиннека жаждет уничтожить два миллиона жизней с помощью специального вируса, Карнера — сокрушить планету дьявольскими бомбами, потому что это сулит им барыши.

Честные хэппилендцы! Вас нагло надувают рассказами об угрозе коммунистической агрессии. Ведь эта подлая клевета — тоже бизнес, способствующий гонке вооружений. Я не коммунист, но я знаю: коммунисты хотят одного — доброго мира, счастья всем народам. Зачем им война? У них же нет своих карьер, набивающих сейфы, наживающихся на каждом трупе! У них...

— Замолчите! Приказываю вам замолчать! — заревел Китченер, свирепо колотя по столу молотком. — Это коммунистическая пропаганда, покушение на безопасность нашей страны! Молчать!!

Среди публики началось смятение. Дама в ядовито-зеленой шляпе швырнула в Генри сумочкой, толстяк с усиками что-то орал и размахивал палкой... Выхоленные, безукоризненно одетые леди и джентльмены гневно разева-

ли рта. Но с задних рядов доносились требовательные возгласы:

— Пусть говорит!

— Правильно, Генри, лупцуй их дальше!

— Молодчина!

Прыщавый юнец с револьвером в руке пробивался к барьеру, за которым стоял Генри. Однако юнец так и не добрался до барьера. Портовый грузчик — громадина фунтов на триста — догнал его, схватил за шиворот, вырвал револьвер и потащил к дверям, награждая по дороге тяжелыми оплеухами.

Минут через пятнадцать с помощью усиленного полицейского наряда страсти улеглись. Порядок был восстановлен. Судья объявил о своем непреклонном решении лишить подсудимого слова, если он будет заниматься пропагандой.

— Простите, сэръ, — извинился Генри. — О коммунизме я больше не скажу ни слова. Но мне хотелось бы знать, каким образом в деле «Народ против Генри Спарроу» очутились фотокопии писем подсудимого Спарроу? Насколько мне известно, в нашей стране тайна переписки гарантирована конституцией!

Китченер беспокойно заерзал на судейском троне.

— Вы молчите? — не унимался Спарроу. — Вам нечего сказать. Тогда скажу я. Конституционные свободы в нашей стране такой же товар, как и, скажем, холодильники. И не только свободы — вы, прокурор, присяжные...

Судья глупо захлопал глазами и не нашел ничего лучшего, как сказать:

— За оскорбление суда, обвиняемый, налагаю на вас штраф... пятьдесят холлеров. За повторное оскорбление получите полгода тюрьмы.

В зале послышались смешки, а Генри, учтиво поклонившись, промолвил:

— Благодарю вас, сэръ. Вы отлично проиллюстрировали мою мысль. Оказывается, даже свободное высказывание мыслей является товаром. В данном случае этот товар стоит пятьдесят холлеров... Слышите, честные хэппилендцы? Пятьдесят холлеров. О, да! Наша страна — царство справедливости и свободы. Пять миллионов свободно голодающих безработных, десятки миллионов обитателей трущоб, которых справедливо не пускают на жительство в фешенебельные кварталы, так как у них нет денег, миллионы де-

тей-наркоманов, свободно отравляющих себя героином, миллионы подростков, справедливо посаженные за решетку, поскольку нужда, кровавые детективные романы, фильмы и телепередачи научили их грабить, убивать и насильничать.

Не правда ли грандиозно? Наша страна всегда славилась размахом. Какое торжество подлости! Человеческие пороки, гнусные извращения во имя чистогана объявляются добродетелями. Покупается невинность, продается любовь, и все это делается по свободному волеизъявлению и по справедливым ценам, складывающимся на рынке!

В этом и состоит мое открытие, люди. Я верил в честный бизнес, в свободу и справедливость. Искренне верил, как верят и по сей день многие хэппилендцы.

Но вот я прозрел. Прозреют и миллионы моих соотечественников. Я твердо уверен в этом.

Мне не страшна тюремная камера, в которую меня, безусловно, упрячут джентльмены, именуемые присяжными. Но пусть они знают: борьба не окончена, истинная справедливость восторжествует, и если мне не суждено познать счастье победы... Что ж, ее узнают мои дети... Наши дети... Слышите? Честные хэппилендцы, наши дети!

— Все, хватит! Вы лишены слова!— судья Китченер с такой силой ударил молотком, что тот разлетелся на куски.— Вы неисправимый пропагандист.

— Разумеется, сэр. Ведь я говорю об истинной справедливости.

Зал зашикал, раздались аплодисменты, хохот. С задних рядов донеслось:

— Молодчина, Генри!

— Вот это отбрил!..

Китченер поспешно объявил перерыв. Завтра утром присяжные удалятся в совещательную комнату и вынесут вердикт.

Завтра!

Под конвоем полисменов Генри вышел на приморский бульвар. Холодный февральский ветер теребил его золотистые, осыпанные сединой волосы.

Вечерело. Длинные тени падали на тротуар. Генри вдохнул всей грудью свежий, пахнувший солью и водорослями воздух и улыбнулся: «Борьба продолжается! Борьба продолжается, продслжается!»

Океан сердито ворчал, встряхивая седыми космами волн. В его глубинах зрел шторм.

— Будет буря, обязательно будет,— сказал вслух Генри.

Конвоиры промолчали. Их огромные тени на бетонной дороге походили на таинственных, страшных, неодолимых чудовищ, которые являются в ночных кошмарах.

Генри покосился на тени, вздохнул и решительно зашагал к полицейской машине.

Но прежде чем сесть в моторизованную тюремную камеру, Генри Спарроу еще раз взглянул на океан. Там, далеко-далеко, наполовину спрятавшись за горизонтом, пламенело огромное Солнце.

Генри Спарроу дружески подмигнул Солнцу, показал ему руки, скованные стальными браслетами, и крикнул звонко, с задором:

— Эй, Солнце! Слышишь меня, дружище? Передай всем честным людям: борьба не окончена, борьба продолжается!..

* * *

На этом обрывается рукопись, присланная мне неизвестным автором.

ОБ АВТОРЕ

Олег Васильевич Сидельников родился в 1924 году.

Первая книжка его — сборник сатирических рассказов и фельетонов «Знакомые физиономии» является итогом работы газетчиком-фельетонистом.

Служба в армии, поездки по стране, пребывание за границей и в частях армии США в годы войны — по командировке Советского командования — помогли О. Сидельникову собрать материалы для сатирического романа «Нокаут», развенчивающего расистскую «теорию» империалистов о превосходстве американских «суперменов» над советскими людьми.

Затем Олег Сидельников выпускает книжку рассказов о нравах и социальных контрастах в современной Италии — «Римские рассказы» /1961 г./, сатирический роман «Где мои 16 лет?!», зовущий каждого человека найти свое призвание.

Им написаны две повести из жизни воздушных спортсменов и вояков-десантников /«С небес — на землю!», «Заоблачные гвардейцы»/.

Новый роман Олега Сидельникова «Открытие мистера Спарроу» — политически заостренный памфлет, разоблачающий миф о так называемом капиталистическом «расе».

СОДЕРЖАНИЕ

Некоторые сведения о м-ре Гарольде Роу, который, быть может, имеет определенное отношение к предлагаемой читателям книге, а также о самой книге	3
Пролог ! : : : :	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАДЕЖДЫ

Во имя свободы	11
Среди земляков	15
Золотой мираж	19
О'Хара капитулирует	27
Джейн	29
История старика Твитчелла	31
Штурм	41
На Сороковой миле	44
Честный бизнес	50
Большой квиз	54
Паблсити м-ра Спарроу	62
Слово ценой в...5.000.000	70

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В НОВОЙ, НЕВЕДОМОЙ СТРАНЕ

Генеральская атака	86
Маркиз нефти	91
Люди жаждут	99
Идея капитана Кларка	126
Все пути ведут в Сан-Кристофер	143

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОЗРЕНИЕ

Натиск родственных чувств.	105
Тридцать сребреников	184
Тридцать сребреников /Продолжение/	202
Тридцать сребреников /Окончание/	214
Удар в солнечное сплетение	223
В разлуке	232
Последний раунд	255
Последний раунд /Окончание/	269
Эпилог	278
Об авторе	286

Олег Васильевич Сидельников
«ОТКРЫТИЕ МИСТЕРА СПАРРОУ»

Роман-памфлет

Гослитиздат УзССР — Ташкент — 1963

Редактор *А. Краповинская*
Художник *О. Евсеев*
Худ. редактор *Г. Бедарев*
Техн. редактор *В. Шуклинова*
Корректор *С. Ветрова*

Сдано в набор 29/VI-1963 г. Подписано к печати 4/XI-1963 г.
Формат 84×108¹/_з. Печ. л. 9. Усл. л. 14,76. Уч.-изд. л. 15,66.
Индекс: худ Тираж 15 000. P04688.
Государственное издательство художественной литературы УзССР
Ташкент, Навои, 30. Договор № 67—63.

Отпечатано в типографии № 1 с матриц специализированной наборной фабрики Главиздата Министерства культуры УзССР Ташкент, Хамов 21 1963 г. Заказ № 1145 Цена 62 коп.
Оцифровка - Давид Титиевский, январь 2017 г., Хаيفا

О П Е Ч А Т К А

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
161	23 сверху	Кесси Джонс опять на небо	Кесси Джонс опять попал на небо

К заказу № 1145

62 к.

11

Гослитиздат УзССР

